К26.89(253.3)
З-30

Западная Сибирь: история и современность

Краеведческие записки
Выпуск XVII

Муниципальное бюджетное учреждение «Библиотечно-информационная система»
Нижневартовский государственный университет

Мира не узнаешь, не зная края своего

Западная Сибирь: история и современность

Краеведческие записки

Выпуск XVII

Нижневартовск
2023

ББК 26.89
З-30

Редакционная коллегия:
Солодкин Я.Г., доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета (ответственный редактор)
Белкина Е.П., заведующий краеведческим отделом Центральной городской библиотеки им. М.К. Анисимковой муниципального бюджетного учреждения «Библиотечно-информационная система»
Кабанова И.С., главный библиограф краеведческого отдела Центральной городской библиотеки им. М.К. Анисимковой муниципального бюджетного учреждения «Библиотечно-информационная система»
Распопова С.Ю., заместитель директора муниципального бюджетного учреждения «Библиотечно-информационная система»

Составитель: *Е.П. Белкина*
Ответственный за выпуск: *И.Е. Ивлева*

В оформлении обложки использована работа *Г.Г. Соколова*

Западная Сибирь: история и современность: краеведч. зап. Вып. XVII / МБУ «БИС»; ФГБОУ ВПО «НВГУ»; сост. Е.П. Белкина; отв. ред. Я.Г. Солодкин. — Нижневартовск: Издательство ООО «ЮГРА БРЕНД», 2023. — 308 с.

ББК 26.89

© МБУ «БИС» (издание), 2023
© Белкина Е.П. (составление), 2023
© Мельников В.Г., оформление разделов, 2023

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Л.В. Алексеева

Малоизученные вопросы третьего этапа крестьянской ссылки на Север Западной Сибири (1932-1933 гг.)

В результате реализации государственной политики «ликвидации кулачества как класса», являвшейся бесчеловечной по своему характеру и трагической по последствиям, Север Западной Сибири стал одним из мест расселения раскулаченных крестьян в начале 1930-х гг. В исследуемый период указанная территория входила в состав Уральской области, находившейся в форпосте индустриального развития СССР и особенно нуждавшейся в рабочей силе. Север Западной Сибири рассматривался для промышленного Урала как сырьевой район [6. Ф. Р-856. Оп. 4. Д. 15. Л. 144-155], а ссыльные крестьяне как основная рабочая сила для государственных предприятий лесной и рыбной промышленности. В документах эта прагматическая цель увязывалась с решением идеологических и политических задач для региона: преодоление «вековой» отсталости коренных народов, «подъем» Севера, борьба за его хозяйственное освоение, культурное развитие в новых условиях социалистического строительства под лозунгом «от патриархальщины к социализму» [15. Ф. Э-1. Оп. 11. Д. 120. Л. 355].

Среди дискуссионных вопросов темы «кулацкой» ссылки — этапы и численность отправленных крестьян на каждом из них. Малоизученным вопросом темы крестьянской ссылки на Север Западной Сибири остается 1932 г., так как долгое время было неясно, отправляли или нет крестьян в регион. Труды отечественных историков, выполненные на этапе позднего социализма, и современные публикации составили фактографическую основу статьи и послужили отправной точкой исследования, начатого автором четверть века назад [22; 11, с.118-147; 24, с.72-73; 9; 12, с.315-319; 18; 16; 17; 13].

Однако для выполнения исследования все же в большей степени были востребованы различные виды источников. Значительная группа документов опубликована, и исследовательский потенциал объемных сборников по истории депортаций кресть-

янства далеко не исчерпан [26; 21; 25]. Неопубликованные источники заимствованы из государственных архивов России различного уровня (Российский государственный архив социально-политической истории, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Государственный архив Свердловской области, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, Государственный архив Югры и др.).

В отечественной историографии наблюдается два подхода к периодизации процесса переселения крестьян на Север Западной Сибири в начале 1930-х гг. Для сторонников *первого подхода* характерно рассмотрение процесса насильственного переселения 1930-1932/1933 гг. без выделения конкретных этапов [22; 9; 20]. Этой группой авторов представлены обобщенные данные по количеству отправленных крестьян в регион. Так, Ю.П. Прибыльский считал, что в 1930-1932 гг. на Тобольский Север прибыло не менее **50 тысяч** спецпереселенцев, из них в Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) округ около **37 400** человек [22]. О том, сколько было отправлено на Ямал, данных Ю.П. Прибыльским не приводилось. Н.И. Загороднюк придерживается мнения, что в 1930-1932 гг. в Тобольском округе были размещены **55 тысяч** спецпереселенцев [10, с.22]. А.А. Петрушин утверждает, что на Тобольский Север было отправлено более **31 тыс.** крестьянских семейств, что, по его мнению, составило около **150** тыс. человек [20, с.134]. Однако в его работе эти данные не детализированы и ссылки на источники не представлены. Таким образом, в имеющихся сведениях о численности крестьян наблюдаются расхождения.

Для исследователей, придерживающихся *второго подхода* к периодизации ссылки, характерно выделение ее этапов согласно процессам раскулачивания в СССР 1930-1933 гг. Эти этапы выделял известный историк-аграрник Н.А. Ивницкий: 1930, 1931 и 1932-1933 гг. [12, с.318]. В соответствии с этими этапами осуществлялось и выселение крестьян. В.В. Мошкиным предложена периодизация ссылки в Остяко-Вогульский округ: I этап — с зимы 1930 г. до осени 1930 г.; II этап — весна и лето 1931 года; III этап — с весны 1932 г. до мая 1933 г. Ошибка в периодизации

В.В. Мошкина касается не только хронологических рамок третьего этапа[1], но и численности крестьян. В.В. Мошкин утверждает, что в 1932-1933 гг. было вселено в округ 32 тыс. человек [18, с.53]. Ошибочные утверждения встречаются и в других работах. Так, С.В. Горшков и Н.Н. Попов, ссылаясь на А.А. Петрушина, пишут, что в феврале 1932 г. в Березов и Сургут прибыли тысячи ссыльных [4, с.234]. Этот факт был характерен для первого этапа ссылки, т.е. для февраля 1930 г., а не для 1932 г. В сборнике «Наша общая горькая правда» сообщается, что в апреле 1932 г. спецпереселенцы прибыли в хозяйственные организации Остяко-Вогульского округа (перечисляется контингент по районам округа). Их общая численность составила 30 243 человека (6 459 семей). Они были размещены в 56 поселках [19, с.18-19; 45). В документе, на который ссылаются С. Лазарева и Ю. Дружинина представлены данные об имевшихся (размещенных на апрель 1932 г.) спецпереселенцах, т.е. речь идет не о ссылке 1932 г., а о численности учтенных спецпереселенцев в округе, расселенных ранее (они прибыли в 1930-1931 гг.).

Следует также обратить внимание, что при выявлении числа спецпереселенцев исследователи либо оперировали обобщенными данными по региону, не предоставляя статистики по годам ссылки, либо группировали сведения по территориальному признаку, используя географические названия: Тобольский Север, Уральский Север, Север Западной Сибири, Обь-Иртышский Север, Обской Север. В ряде исследований статистику спецпереселений рассматривали в границах административных образований: Тобольский округ; Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа.

Анализ исследований показал, что историкам удалось представить лишь количественные данные по первому этапу ссылки (1930 г.), а вот, сколько было отправлено в 1931 г. и 1932 г. в регион, долгое время было неизвестно. Уточненные и новые данные о численности крестьян, сосланных в регион в 1930 и 1931 гг., были представлены лишь в последние годы. Общая численность отправленных спецпереселенцев в Остяко-Вогульский и

[1] Ссылка крестьян осуществлялась лишь в период навигации 1932 г.

Ямало-Ненецкий округа в 1930-1931 гг. составила по нашим подсчетам **48 054 человека**. Численность спецпереселенцев составила на 1 октября 1931 г. **43 885 человек.**

Планы по переселению крестьян в северные районы Уральской области на 1932 г. были разработаны. На 1 января 1932 г. в Уральской области насчитывалось **484 679** спецпереселенцев [27. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 51]. Это был самый насыщенный спецконтингентом регион в СССР. СПО ОГПУ представил ориентировочные цифры выселения по отдельным областям СССР, в том числе **12,5 тыс. семей на Урал** [21 (2005), с.530-534], которых предстояло выселить в течение мая-июля[1]. Ориентировочный расчет СПО ОГПУ по переселению «кулацких» хозяйств, составленный в апреле 1932 г., включал и уральских «кулаков». Там было учтено **1918 таких хозяйств**. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 4 мая 1932 г. предписывало внутриобластное выселение **2 тыс. семейств** [21 (2005), с.537], которое требовалось провести в течение мая. Н.И. Загороднюк сообщает, что 8 мая 1932 г. бюро Уралобкома ВКП (б) приняло решение о выселении в течение мая **4 тыс. семей** внутри Уральской области [9, с.71]. Стремление перевыполнить чудовищный план очевидно (вместо двух тысяч по плану Политбюро ЦК ВКП (б), региональная власть решила выселить вдвое больше).

Окончательное решение по вопросу выселений отражено в «Инструкции всем партийно-советским работникам» от 10 мая 1933 г. Документ информировал, что массовые выселения крестьян прекращаются, кроме 12 тыс. хозяйств из различных районов страны (в т. ч. 1 тыс. хозяйств по Уралу), которые ведут активную борьбу против колхозов [21 (2005), с.609].

Таким образом, массовое выселение крестьян после 1933 г. не проводилось (сотни тысяч), но имело место выселение «незначительного» числа (десятки тысяч), по сравнению с 1930-1931 гг.

Уральская область получила новые партии ссыльных в 1932-1933 гг. извне. Так, В.Н. Земсков пишет, что на 1 января 1932 г. на Урал прибыло **10107** человек новых спецпереселенцев, а на 1

---

[1] По другим данным, к выселению на Урал было определено 11 тыс. семейств из других районов СССР [26, с.99].

января 1933 г. их численность составила **33 920 спецпереселенцев** [11, с. 122-123]; затем эти же данные привела и Т.И. Славко, не конкретизируя численность по районам Севера [24, с.72-73]. Е.В. Боркова утверждает, что на протяжении 1932-1933 гг. на Север Уральской области прибыли партии раскулаченных крестьян в количестве **12 тыс. человек**, не выясняя, сколько из них попало в Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский округа [3, с.18]. Таким образом, исследователи приводили сведения о ссылке на Север Уральской области в 1932 г., но данные о количественном составе отправленных в национальные округа в 1932 г. в этих исследованиях отсутствуют. Документы «особой папки» фонда Уралобкома ВКП (б) весны 1932 г. лишь упоминают о выселениях крестьян Уральской области [27. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 93—95], но они также не содержат конкретных сведений о том, сколько из них было/не было отправлено в исследуемый регион.

Для изучения третьего этапа ссылки в национальные округа, важно понимать, что 1932 год — рубежный для Югры и Ямала в национально-государственном строительстве. Это было время, когда упразднили Тобольский округ, и окончательно оформился руководящий аппарат новых национальных округов [15. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 26. Л. 4-5]. Шла непростая административная реформа, происходило установление новых границ, налаживание работы советских и партийных органов власти округов, районов. Перед ними стояла главная задача — советизация коренных народов, которые сопротивлялись проводимой советской властью политике.

Неблагоприятная ситуация с социалистическими преобразованиями в северных районах заставила руководство страны принять специальное постановление «Об извращениях политики партии на Крайнем Севере» (Постановление Политбюро от 1 сентября 1932 г.) [23. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2012. Л. 16-18], рассчитанное на некоторое ослабление экономического давления на коренное население. М.К. Ошвинцев (председатель Уралоблисполкома в 1929-1933 гг.) говорил об Остяко-Вогульском округе: «Рост населения идёт за счёт переселенцев» [15. Ф. Э-1. Оп. 11. Д. 120. Л. 353]. Этот контингент рассматривался как неблагонадежный [7. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 86. Л. 53]. Дополнительный завоз

спецпереселенцев мог только осложнить и без того трудно протекавшие процессы модернизации.

На основе изученных материалов очевидно, что массового завоза «кулаков» в регион в 1932 г. не предпринималось. Единичные случаи возможны. Внутренняя «переброска» спецпереселенцев также имела место. Известно, что в 1932 г. в Остяко-Вогульском округе были ликвидированы два спецпосёлка: Самаровский (Самаровсий район) и Ляпинский (Березовский район), а в 1933 г. ещё один — Покурский (Сургутский район). Как указывает Н.И. Загороднюк, спецпереселенцы из этих поселков были отправлены на постоянную дислокацию на Ямал [9, с.81]. Таким образом, мы можем предположить увеличение числа спецконтингента на Ямале в 1932-1933 гг. за счет «переброски» примерно на 500 человек. Н.А. Михалевым о количестве ссыльных, завезенных в 1932 г. в Ямало-Ненецкий округ, не упоминалось. Однако, из воспоминаний участников событий известно, что 17 сентября 1932 г. в спецпоселок Аксарка Приуральского района прибыла небольшая группа спецпереселенцев из Уральской области. В 1933 г. в этом спецпоселке жили 188 семей (1049 человек) [5]. Таким образом, прибытие спецпереселенцев в Ямало-Ненецкий округ в конце навигации 1932 г. зафиксировано в документах личного характера.

Численность спецпереселенцев в национальных округах в 1932 г.

Окружной инспектор по народно-хозяйственному учету Остяко-Вогульского округа сообщал, что «при отсутствии на местах текущего учета не представляется возможным точно установить количество населения для 1932 г.» [15. Ф. Р-6. Оп.1. Д. 17. Л. 5]. Нет статистики погибших от холода, голода, болезней, как и отсутствует статистика сбежавших. Как уже отмечалось, Остяко-Вогульский округ стал основным на Севере Западной Сибири для размещения спецпереселенцев. Из справки начальника Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ Слепухина (*имя неизвестно — прим. Л.А.*) и окружного коменданта П.А. Логинова известно, что в апреле 1932 г. численность спецпереселенцев в

округе составляла **30 243 человека** (6 459 семей) [6. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 74а. Л. 92-94]. По данным Интегралсоюза, осуществлявшего снабжение населения продуктами, на 5 июня 1932 г. сообщалось о **31 390** спецпереселенцах [15. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 24]. По данным окружной статистики на 1 января 1933 г. численность спецпереселенцев в округе составила **32 208 человек** [15. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 63]. Сопоставим данные о численности спецпереселенцев по имеющимся источникам в 1932 г. в разрезе районов Остяко-Вогульского округа (см. табл.).

Таблица

Численность спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе

[Составлена и подсчитана по 15. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 24, 53, 63]

Район	По данным окружного отдела статистики на **1 января 1932 г.**	По данным Интегралсоюза на **5 июня 1932 г.**	По данным окружного отдела статистики на **1 января 1933 г.**	Изменение численности за год
Березовский	10 065	10 065	10 266	+ 201
Кондинский	3 796	3 796	3 360	– 436
Самаровский	7 980	7 735	7 890	+ 155
Сургутский	8 949	8 949	9 288	+ 339
Шурышкарский	—	1 445	1 474	+1 474
Ларьякский	—	88	90	+90
Всего	**30 790**	**31 390**	**32 208**	**+1 823**

Сопоставление данных о численности спецпереселенцев, приведенных выше (включая и статистические сведения таблицы), позволяет утверждать, что в навигацию 1932 г. мог быть осуществлен завоз новых спецпереселенцев (не менее 2 тыс.

человек). Появление спецпереселенцев с лета 1932 г. обнаружено в двух районах: Шурышкарском[1] и Ларьякском[2] (ранее сведения о них в документах учета не приводились).

Голод 1932/33 г., разразившийся на Урале, усугубил и без того тяжелое положение с продуктами питания спецпереселенцев. Смертность не могла снизиться в тех условиях. В условиях голода едва ли был возможен естественный прирост населения среди спецпереселенцев в указанном количестве (**1823 человека),** т.к. смертность превышала рождаемость. Однако, официальных документов[3], прямо указывающих на транспортировку спецпереселенцев на Север Западной Сибири, не обнаружено. Исходя из данных Е.В. Борковой, утверждавшей, что на Север Уральской области было отправлено в 1932-1933 гг. 12 тыс. человек, и с учетом сложившейся практики спецпереселений (ее распределительный принцип[4]), считаем, что партия спецпереселенцев (приблизительно 2 тыс. человек) могла быть отправлена на Север Западной Сибири в навигацию 1932 г. Подсчет численности населения Югры по данным Уралснаба показывает, что все населениевконце 1932 г. насчитывало **79 800 человек** (из них спецпереселенцы — **32 800**) [6. Ф. Р-1517. Оп. 1. Д. 318. Л. 49]. Прямые подсчеты прямо указывают на увеличение численности спецпереселенцев[5].

В тезисах к докладу Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б) для второй партийной конференции (1933 г.) подчеркивалось «наличие в округе громадного числа пришлого населения и ку-

---

[1] В составе Остяко-Вогульского округа находился до 1937 г., затем был передан в Ямало-Ненецкий округ.

[2] В сентябре 1931 г. Ваховско-Ларьякский район был передан Остяко-Вогульскому округу из Западно-Сибирского края.

[3] Изучение протоколов заседаний президиума Остяко-Вогульского окрисполкома показало, что план на 2-й квартал 1932 г. не содержал вопросов о спецпереселенцах, т.к. они уже находились в ведении ОГПУ.

[4] В 1930 г. на Север Западной Сибири отправили 10% всех спецпереселенцев Уральской области, в 1931 г. — 5%.

[5] В 1931 г. население округа составляло 77 тыс. человек [7. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 523. Л. 28].

лацкой ссылки» [7. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 143. Л. 13] отрицательно, по мнению руководства округа, влиявшего на социалистическое переустройство края. Дальнейшее скопление спецконтингента рассматривалось уже как нежелательное явление. При этом рабочей силы было все же недостаточно. В материалах Второй партийной конференции (1933 г.) подчёркивалось, что задачами Остяко-Вогульского округа по-прежнему являются: «дать рыбу для уральского пролетариата, пушнину для экспорта, обеспечить свою продовольственную базу, освободить Урал от завоза овощей на Север, лесозаготовки» [7. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 143. Л. 31]. В выполнении этих задач спецпереселенцам отводилась чрезвычайно важная роль. Расчёты Остяко-Вогульского окрплана были ориентированы на механический прирост населения во второй пятилетке [15. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 54]. Следовательно, окружные власти все же не исключали дополнительный завоз спецконтингента.

Постановление Малого Президиума Уральской области от 1 января 1933 г. по докладу «О хозяйственно-культурном строительстве в Остяко-Вогульском округе» отражает выступление М.К. Ошвинцева, в котором давалась установка на более гуманное отношение к спецпереселенцам. Им, в частности, говорилось, что «кулаки-переселенцы являются также и людьми, и никто не вправе расценивать их не как людей. … Эту силу рассматриваем как временную… что пройдет известный период времени и их не будет… Вы будете отвечать, если будете проявлять безобразное, не человеческое отношение к этим переселенцам» [15. Ф. Э-1. Оп. 11. Д. 120. Л. 354]. В конце июня 1933 г. из Уралобкома ВКП (б) была получена установка на сохранение контингента спецпоселений [7. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 199. Л. 8].

В *Ямало-Ненецком округе* ситуация с учетом спецпереселенцев была ещё сложнее, чем в Остяко-Вогульском.

Заместитель управляющего Рыбтрестом Рейфман (*имя неизвестно — прим. Л.А.*) говорил, что «нет точного учета до сих пор переданных Рыбтресту переселенцев, нет никаких данных по Обдорскому району» [7. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 162. Л. 1]. Установлено, что в 1930 г. в Обдорском районе было размещено **5 520 человек** [7. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 972. Л. 69; 8. Ф. 434. Оп. 3. Д. 155. Л.

6, 13]. На 29 декабря 1930 г. численность спецпереселенцев Рыбтреста составила в этом округе **3 100 человек** [8. Ф. 209. Оп. 1. Д. 306. Л. 8-8 об.]. Ранее мы писали, что из-за начавшегося голода и смертности значительная часть спецпереселенцев из этого округа была переселена южнее [1; 2]. На 1 января 1931 г. в округе насчитывалось **23 356 человек** (из них коренные народы — 11 500) [7. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.]. По данным на апрель 1931 г. спецпереселенцев было учтено **3 110 человек** [13, с.100]. В 1931 г. смертность в Обдорском районе составляла среди спецпереселенцев 15-20%, однако туда было вселено вновь прибывших спецпереселенцев около 500 человек. На 1 октября 1931 г. в Ямало-Ненецком округе насчитывалось **3 687 человек** спецконтингента.

«Переброска» спецпереселенцев[1] из упомянутых ранее расформированных спецпосёлков Остяко-Вогульского округа в 1932-1933 г. призвана была увеличить число работников для рыбного хозяйства, разместить которых предполагалось в Новом Порту и Тазовском районе[2]. По нашим подсчетам их было отправлено не более 500 человек. То, что спецпереселенцы попали в Новый Порт подтверждается «Отчетом о работе Ямальского (Ненецкого) окружного исполнительного комитета за 1931-1933 гг.», где говорится о крупном развитии промысла в районе Нового Порта [7. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 4. Л. 8].

По данным Ямальского окружного планового отдела на 1 января 1933 г. население составляло **26 668** человек; коренные жители — **13 878** человек, а русские — **11 309** и прочие — **1 712** соответственно [7. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 61. Л. 68][3]. Мы подсчитали, что численность спецпереселенцев в этом округе в 1933 г.

---

[1] Это были малосемейные спецпереселенцы.

[2] Там, за Полярным кругом планировалось создать новые поселки и организовать добычу ценных видов рыбы.

[3] По переписи 1926/27 г. все население Ямала составляло 13 572 человека. Русские насчитывали в регионе лишь 1 087 человек, а прочие — 206 человек [Михалев 2010, 33]. Демографические формулы не позволяют объяснить естественный прирост за 5-7 лет по увеличению русского населения в несколько раз! Ответ очевиден — это спецпереселенцы.

составляла не более **3 500 человек**[1], а всего в Ямало-Ненецкий округ за весь период ссылки 1930-1932 гг. было отправлено не менее **9 тыс. человек**.

Массовое переселение крестьян в регион осуществлялось в два этапа: 1930, 1931 гг. Общая численность сосланных в округа в 1930-1931 гг. составила **48 054** человека. Факт третьего этапа крестьянской ссылки в северные районы Уральской области подтвержден. Сопоставительный анализ численности спецпереселенцев и прямые подсчеты позволяют констатировать, что летом 1932 г. спецпереселенцы появились в Ларьякском районе — 88 человек и Шурышкарском районе Остяко-Вогульского округа — 1 445 человек. Осенью 1932 г. новые спецпереселенцы появились и в Аксарке Ямальского округа. Причины, объясняющие, почему не завозили массовым порядком раскулаченных крестьян в регион, представляются следующие: *во-первых,* было обозначено стремление органов центральной власти к прекращению массовых выселений в СССР с лета 1932 г.; *во-вторых*, плохое обустройство спецпереселенцев в местах ссылки, высокая смертность и побеги, низкая эффективность ссылки как экономического средства по развитию региона и формирование требования в правительственных постановлениях к повышению ответственности за сохранение контингента заставляли более осторожно подходить к приему и размещению новых спецпереселенцев; *в-третьих*, скопление большого числа спецпереселенцев породило в некоторых пунктах их численное преобладание над старожильческим и коренным населением, что рассматривалось региональной властью как явление опасное для строительства социализма; *в-четвертых*, имеющееся количество спецпереселенцев, при условии его сохранения, могло обеспечить выполнение народнохозяйственных планов.

С учетом отправленных в 1932 г. спецпереселенцев, методом прямого подсчета данных установлено, что численность депортированных крестьян приблизилась в двух национальных окру-

---

[1] Это коррелирует с официальными данными окрисполкома, что в 1933 г. из 3 908 рыболовов Рыбтреста местные националы составляли лишь 645 человек, а остальные являлись завезенной рабочей силой (3 263 человека) [7. Ф. П-135. Оп. 1. Д. 4. Л. 18].

гах к **50 тыс.** человек. На 1 января 1933 г. в Остяко-Вогульском округе спецпереселенцев насчитывалось **32 208** человек, а в Ямало-Ненецком — не более **3,5 тыс**. человек**.** Мы видим значительное несоответствие численности отправленных спецпереселенцев к числу учтенных. Это прямые демографические потери в результате голода и болезней, повлекших за собой высокий уровень смертности, а также побеги. Демографические потери — вопрос, являющийся неизученным в теме крестьянской ссылки и требующий дальнейшего исследования.

Примечания

1. Алексеева, Л.В. Начало «кулацкой ссылки» на Тобольский север (1930) // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 238-252.
2. Алексеева, Л.В. Второй этап крестьянской ссылки на Север Западной Сибири (1931 г.): малоизученные и дискуссионные вопросы // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2021. — 5 (2). — С. 304-315.
3. Боркова, Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е—начале 1950-х гг.: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. — 23 с.— URL: http://cheloveknauka.com/spetskontingent-v-severo- zapadnoy-sibiri-v-1930-e-nachale-1950-h-gg#ixzz67tgvM75D(дата обращения: 15.02.2020).
4. Горшков, С.В. Советская ссылка на Обь Иртышский Север (1920-1960 гг.) / С.В. Горшков, Н.Н. Попов // Русские старожилы. — Тобольск; Омск, 2000. — С. 234-238.
5. Горькие судьбы 30-х. Муниципальное бюджетное учреждение культуры. «Приуральский районный краеведческий музей».— URL: https://priuralye-rkm.ru/novosti/gorkie-sudby-30h/ (дата обращения: 18.02.2022).
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
7. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).
8. Государственный архив Тюменской областив г. Тобольске (ГАТО в г. Тобольске).
9. Загороднюк, Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929-1940 гг.): дисс. … канд. ист. наук. — Омск, 1999. — 187 с.
10. Загороднюк, Н.И. Особенности формирования рабочего класса в Северо-Западной Сибири (1930-е гг.) // Северный регион: экономика

и социокультурная динамика. Сб. тез. к Всерос. науч. конф. — Ханты-Мансийск; Сургут, 2000. — 300 с.

11. Земсков, В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930-1954 гг.) // Отечественная история. — 1994. — № 1. — С. 118-147.

12. Ивницкий, Н.А. Раскулачивание и депортация зажиточной части крестьянства (начало 1930-х гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: материалы XXVII сессии Симпоз. по аграрной истории Вост. Европы. — Вологда, 2001. — С. 315-319.

13. Игнатова, Н.М. «Кулацкая ссылка» на территории Республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине 1930-х гг.: размещение и численность / Н.М. Игнатова, Н.А. Михалев // Известия Коми научного центра УрО РАН. — 2013. — № 4(16). — С. 98-102.

14. Игнатова, Н.М. Историография принудительных миграций // Вопросы истории. — 2018. — № 6. — С. 159-168.

15. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (КУ «ГАЮ»).

16. Михалев, Н.А. Население Ямала в первой половине XX века: историко-демографический анализ. — Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. — 196 с.

17. Михалев, Н.А. «Кулацкая ссылка» на территории Ямало-Ненецкого округа в первой половине 1930-х гг.: численность, размещение, условия жизни // Пять столетий Югры. Проблемы и решения, итоги и перспективы / под общ.ред. д.и.н., проф. Л.В. Алексеевой. — Нижневартовск, 2011. — 279 с.

18. Мошкин, В.В. Ссылка крестьян на Север в 1930-1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). — Нижневартовск: НГГУ, 2008. — 189 с.

19. Наша общая горькая правда. Ист.-краевед. сб. / ред.-сост. Л.В. Цареградская. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. — 350 с.

20. Петрушин, А.А. «Мы не знаем пощады …»: известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — 304 с.

21. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940 / сост. В.П. Данилов, Л. Виола, С.А. Красильников; отв. ред. Н.Н. Покровский. — Москва: РОССПЭН, 2005. — Кн. 1. — 912 с.; Кн. 2. — 2006. — 1120 с.

22. Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда.— 1988. — 14 дек.

23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 2012. Л. 16-18.

24. Славко, Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930-1936. — Москва: Мосгорархив, 1995. — 177 с.

25. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Москва: РОССПЭН, 2005. — Т. 3. Кн. 2. — 840 с. — URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/50611-dokumenty (дата обращения: 05.08. 2020).

26. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. В 5 т. — Москва: РОССПЭН, 2001. — Т. 3. — 1006 с. — URL: http://ladim.org/st005.php#3 (дата обращения: 05.08. 2020).

27. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Л.В. Алексеева, Г.Э. Мамедова

Особенности демографического процесса Тобольской губернии (1897-1916 гг.)

Слабая изученность аспектов демографической истории Тобольской губернии обусловливает ее актуальность. Цель статьи — выявить динамику изменения численности населения, сословную структуру и национальный состав в Тобольской губернии в 1897-1916 гг., что позволяет заложить основы для изучения демографических структур населения данного региона.

Основными материалами для исследования стали труды А.А. Дунина-Горкавича [24], Н.Н. Баранова [21], В.И. Пронина [30], В.А. Исупова [26], В.А. Зверева и С.В. Косыгиной [25], Ю.П. Прибыльского [28; 29], Е.А. Панишева [27], Л.В. Алексеевой [20].

Источниковой базой исследования послужили «Статистические обзоры Тобольской губернии» [1-17], материалы «Первой всеобщей переписи населения 1897 г.» [18], документы, заимствованные из Российского государственного исторического архива [19].

Основными методами исследования стали: контекстный анализ; сопоставительный, математический и статистический. Они позволили осуществить группировку и классификацию полученных данных, анализ статистических показателей, характеризующих численность населения и его динамику, национальный состав, а также численность населения по сословиям в исследуемый период.

В.И. Прониным выделены четыре этапа в динамике народонаселения региона. Их условные границы: 1) 1897-1905 гг.; 2) 1906-1909 (1910) гг.; 3) 1910 (1911)-1913 гг.: 4) 1914-1917 гг. [28].

Рассмотрим численность населения Тобольской губернии в 1897-1916 гг. Нами были проанализированы показатели численности населения, позволившие проследить, что численность населения Тобольской губернии с 1897 г. по 1903 г. имела незначительные изменения, а в 1899-1901 гг. характеризуется увеличением темпа роста населения. Иные данные о численности представлены в научной литературе. Так, В.А. Зверев приводит дру-

гие данные о численности населения [25]: в 1897 г. — 1 433 000; 1906 г. — 1717,0; 1911 г. — 1975,2; 1914 г. — 2103,3, чем данные, которые приводятся в «Обзорах…». Ниже мы приводим выборочные данные о численности населения с интервалом — три года (см. табл.1).

Таблица 1

Численность населения Тобольской губернии в 1897-1916 гг. [1-17; 22]

Год	**1897**	**1900**	**1903**	**1906**	**1909**	**1912**	**1916**
Итого	1568171	1545181	1631507	1717014	1824591	2038755	2191400

Анализ данных показал, что период с 1897-1905 гг. был не стабилен, а вот с 1906 г. численность населения начала расти. Н. Турчанинов и А. Домрачев сообщали, что в 1906-1914 гг. в Тобольскую губернию переселились 173 281 человек, из них примерно 6% вернулись обратно [31]. За 8 лет — с 1908 до 1916 г. прирост населения составил 321 968 человек. Это объясняется правительственной политикой по переселению в Сибирь, в том числе и необходимостью хозяйственного освоения ее северной части как региона богатыми природными ресурсами, после 1910 г. эта задача стала приоритетной в государственной переселенческой политике. До 1913 г. шло увеличение численности населения, в 1914 г. наблюдалось сокращение на 3 932 человек, что связано с призывом в армию в условиях начавшейся войны, однако в 1915 г. наблюдалось вновь увеличение численности населения в связи с прибытием эвакуированных, а также военнопленных. В.А. Зверев, С.В. Косыгина отмечают, что в течение 1916 г. количество жителей в губернии заметно сократилось — на 239 839 человек. Необходимо отметить то, что около 15 тыс. человек в 1914 г. «поглотил» отрицательный баланс механического движения населения, ведь во второй половине 1914 г. началась массовая мобилизация мужского населения, оно направлялось в западные районы страны к театрам военных действий [25].

Плотность населения и численность в отдельных районах Тобольской губернии не являлась одинаковой. Меньше всего проживало людей на Севере. Ю.П. Прибыльский подсчитал на основе «Списка населенных мест Тобольской губернии», что в 1912 г. в Березовском уезде в 211 поселениях проживали 13 182 человека, а в Сургутском уезде в 241 поселении — 6 589 человек. Всего на Тобольском Севере в двух уездах в 452 поселениях насчитывалось 19 771 человек [28; 29]. А.А. Дунин-Горкавич приводил иные данные, указывая, что население Тобольского Севера на пространстве 835 830 кв. верст достигало численности 35 000 обоего пола: в Березовском уезде 22 194 человека, в Сургутском — 8 372 человек [24].

Особенностью состава населения являлось наличие административно высланного в регион населения. Соответственно нам необходимо рассмотреть количественные данные о соотношении постоянно проживавшего и временного населения. Особой категорией населения являлись ссыльные. В пореформенный период они составляли в среднем 5% населения Тобольской губернии [27]. Е.И. Гололобов приводит данные, что только за 1906 г. число сосланных в Тобольскую губернию за политические преступления составляло около 1 тыс. [23]. Н.Н. Баранов отмечает, что в конце XIX в. Тобольской губернии было самое большое сосредоточение политических ссыльных Сибири. На 1 января 1898 г. их насчитывалось здесь 106 093 чел., то есть не менее трети от общего числа жителей [21]. После принятия в конце XIX — начале XX в. новых законов о ссыльных, численность этой категории населения к 1913 г. сократилась в 2 раза.

Рассмотрим *численность населения* Тобольской губернии на основе материалов переписи 1897 г. в разрезе округов и городов, включая временно прибывших и иностранцев (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность населения Тобольской губернии в 1897 г. в разрезе округов и городов (в т.ч. временно прибывшие и иностранцы) [18]

Округа и города	Население			В том числе населения	
	Муж.	Жен.	Всего	Временно прибывшие	Иностранцы
Тобольский	63625	64235	127860	2336	6
Тобольск	10654	9771	20425	485	5
Березовский	11235	10176	21411	177	-
Березов	583	487	1070	38	-
Ишимский	132225	136806	269031	4008	6
Ишим	3851	3302	7153	119	-
Курганский	125710	134385	260095	7573	14
Курган	5172	5129	10301	454	10
Сургутский	4009	3738	7747	20	-
Сургут	542	578	1120	8	-
Тарский	79755	79900	159655	2251	-
Тара	3751	3472	7 223	129	-
Туринский	33351	35368	68719	2122	2
Туринск	1481	1686	3167	14	-
Тюкалинский	106732	101986	208718	2656	6
Тюкалинск	2262	1 756	4018	56	-
Тюменский	59819	61 538	121357	2961	88
Тюмень	14926	14 618	20544	364	84
Ялуторовский	90037	98 413	188450	4110	63
Ялуторовск	1773	1 557	3330	182	-
Всего	706498	726545	1433043	29214	185

Изучив представленные сведения в таблице, можно заметить, что самыми населенными являлись Ишимский, Курганский и Тюкалинский округа. Города являлись небольшими по численности населения, но с 1913 г. ситуация заметно изменилась. Как пишет Е.А. Панишев, большое значение для роста городов име-

ло развитие транспортных коммуникаций, в первую очередь, железных дорог. Поэтому наиболее успешно развивались города на линии Транссибирской магистрали, в то же время старинные города Тобольск, Сургут, Березов остановились в экономическом развитии, а ведущими экономическими центрами губернии стали Тюмень и Курган, где сформировалась и развивалась фабрично-заводская промышленность [27].

Соотношение полов, как видно из табл. 2, наиболее равномерно представлено в Тобольском, Березовском, Тарском округах. Дисбаланс полов наблюдался в Курганском округе, где женщин больше на 8 675, чем мужчин, а в Тюкалинском округе, напротив, больше мужчин, чем женщин на 4 746 человек. Временно прибывших больше всего насчитывалось в Курганском, Ишимском и Ялуторовском округах. Иностранные граждане проживали в Тюменском и Ялуторовском округах.

Рассмотрим общую численность городского населения Тобольской губернии 1898-1915 гг. (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность городского населения Тобольской губернии 1898-1915 гг. [1-17]

Год	**1898**	**1899**	**1900**	**1901**	**1902**	**1903**	**1904**	**1905**
Население	87148	87559	88454	90767	91270	90983	91427	91337
Год	**1906**	**1907**	**1908**	**1910**	**1911**	**1912**	**1914**	**1915**
Население	120916	113830	117578	129798	131012	142372	142957	150065

Анализ численности населения в городах губернии показал, что до 1905 г. население городов Тобольской губернии росло достаточно равномерно, а с 1907 г. темп роста численности городского населения увеличивался ежегодно, за исключением 1915 г. Е.И. Гололобов выявил, что за период с 1906-1912 гг. только в Сургут было сослано более 100 сторонников различных политических партий и течений [23].

Социальная структура населения губернии проанализирована по сословиям на основе материалов переписи 1897 г. [18]. Самым многочисленным сословием являлось крестьянство — 1 284 480. Дворянское сословие насчитывало 6 656 человек, проживавшее в основном в Тобольском и Тюменском округах, (здесь же преимущественно сосредотачивалось духовенство — 5 147 человек). Купцов насчитывалось 1 352 человека, и они сосредотачивались в наибольшем количестве в Курганском округе, а мещане в Тюменской округе (всего мещан в губернии — 46 465 человек). К числу прочих сословий относились казаки. Н.Н. Баранов выявил общую численность «казачьего сословия» в середине XIX в. в Березове и Сургуте. Она достигала 1200 человек [21].

Национальный состав населения Тобольской губернии представлен ниже (см. табл. 4)

Таблица 4

Национальный состав населения Тобольской губернии 1897г. [18]

1	**Русские (великоруссы)**	1 270 173	88,63%
2	**Малороссы**	37 769	2,64%
3	**Белорусы**	4 396	0,31%
4	**Татары**	56 957	3,97%
5	**Остяки**	19 018	1,33%
6	**Киргизы**	7 481	0,52%
7	**Вогулы**	4 790	0,33%
8	**Самоеды**	4 450	0,31%
9	**Зыряне**	7 083	0,49%
10	**Поляки**	5 745	0,40%
11	**Латыши**	3 278	0,23%
12	**Евреи**	2 387	0,17%
13	**Эсты**	2 031	0,14%
14	**Цыгане**	1 526	0,11%
15	**Немцы**	1 120	0,08%
16	**Мордва**	1 524	0,11%

17	**Финны**	974	0,07%
18	**Чуваши**	625	0,04%
19	**Башкиры**	449	0,03%
20	**Литовцы**	335	0,02%
21	**Черкесы**	205	0,01%

Представленные данные в таблице, демонстрируют, что русские были самым многочисленным народом — 88,63%, следующее большой этической группой являлись татары, которые составляли 3,97% населения, и затем — малороссы (украинцы), которые составляли 2,64%. Установлено, что общая численность аборигенов Северо-Западной Сибири составляла 24 768 человек, в их числе ханты — 16 495, манси — 3 842, ненцы — 4 431. Больше всего народов Севера проживало в Березовском уезде: 8 560 ханты, 2 606 манси, 4 431 ненцев. В Сургутском уезде перепись учла 5 570 ханты, в Тобольском уезде — 1 236 манси и 2 365 ханты. Самой малочисленной в 1897 г. являлась группа северных селькупов — 827 человек [20]. Н.Н. Баранов отмечает, что сокращение населения во второй половине XIX столетия было, однако, связано не с вымиранием манси, а с их ассимиляцией русскими. В некоторой степени обрусению манси способствовали их браки с русскими. Довольно быстро манси, оказавшись в хантыйском окружении, сливались с ханты, меняли свою этническую принадлежность. При установлении причин уменьшения манси в Югре, вероятно, необходимо учитывать и эти факторы [21].

Численность национального состава Тобольской губернии в 1909 г. претерпевает изменения: русские — 928 тыс., турко-татары — 9 тыс., поляки — 19 тыс., евреи — 30 тыс., армяне — 6 тыс., остяки — 27 тыс., вогулы — 7,2 тыс., самоеды — 11 тыс. [19]. Можно утверждать, что численность поляков дает нам примерную цифру ссыльных, после событий 1905-1907 гг.

Выявление численности населения и его состава является первым этапом демографического исследования в рамках темы, направленной на изучение историко-демографического развития территорий Крайнего Севера Западной Сибири, в хронологических рамках (1897-1959 гг.). Речь идет о периоде, когда преобла-

дало традиционное общество, предшествовавшее формированию углеводородной цивилизации. Исследование показало, что в целом по Тобольской губернии благодаря материалам переписи 1897 г. и последующим формам учета населения (в дореволюционный период), мы располагаем сведениями о численности и составе населения, то применительно к Северу Западной Сибири (где размещаются современные Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономный округа) эти сведения весьма приблизительны. Основным фактором увеличения населения в Тобольской губернии стала правительственная политика по переселению, т.е. миграции. Край как место ссылки неблагонадежных элементов оставался таким на протяжении весьма длительного времени и привнес ощутимые последствия в его историческое развитие.

Список источников

1. Обзор Тобольской губернии 1898 г. — Тобольск: Губернское издание, 1900. — 33 с.
2. Обзор Тобольской губернии 1899 г. — Тобольск: Губернское издание, 1900. — 41 с.
3. Обзор Тобольской губернии 1900 г. — Тобольск: Губернское издание, 1901. — 26 с.
4. Обзор Тобольской губернии 1901 г. — Тобольск: Губернское издание, 1902. — 44 с.
5. Обзор Тобольской губернии 1902 г. — Тобольск: Губернское издание, 1903. — 43 с.
6. Обзор Тобольской губернии 1903 г. — Тобольск: Губернское издание, 1904. — 30 с.
7. Обзор Тобольской губернии 1904 г. — Тобольск: Губернское издание, 1905. — 34 с.
8. Обзор Тобольской губернии 1905 г. — Тобольск: Губернское издание, 1906. — 38 с.
9. Обзор Тобольской губернии 1906 г. — Тобольск: Губернское издание, 1907. — 29 с.
10. Обзор Тобольской губернии 1907 г. — Тобольск: Губернское издание, 1908. — 30 с.
11. Обзор Тобольской губернии 1908 г. — Тобольск: Губернское издание, 1909. — 30 с.

12. Обзор Тобольской губернии 1909 г. — Тобольск: Губернское издание, 1910. — 36 с.
13. Обзор Тобольской губернии 1910 г. — Тобольск: Губернское издание, 1911. — 40 с.
14. Обзор Тобольской губернии 1911 г. — Тобольск: Губернское издание, 1913. — 41 с.
15. Обзор Тобольской губернии 1912 г. — Тобольск: Губернское издание, 1913. — 33 с.
16. Обзор Тобольской губернии 1913 г. — Тобольск: Губернское издание, 1915. — 42 с.
17. Обзор Тобольской губернии 1914 г. — Тобольск: Губернское издание, 1916. — 40 с.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. — Тобольская губерния 1905. — 247 с.
19. Российский государственный исторический архив. Ф.Э-1. Оп.10. Д. 212. Л. 3.

Исследования

20. Алексеева, Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002.— 264 с.
21. Баранов, Н.Н. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших времен. — Екатеринбург: Волот, 2000. — 450 с.
22. Гололобов, Е.И. История Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. 10 класс. Учеб. пособие для общеобразоват. организаций. В 2-хч. Ч. 2 / [Е.И. Гололобов, Л.В. Алексеева и др.]. — Москва: Просвещение, 2019. — 230 с.
23. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX-XX в.) / А.А. Бурматов, О.Б. Дашинамжилов, В.А. Зверев, В.А. Исупов, В.А. Ламин, В.Б. Лапердин, Н.С. Коробейникова, М.А. Семенов; отв. ред. В.А. Исупов. — Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. — С. 32-71.
24. Дунин-Горкавич, А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. — Тобольск, 1911. — 250 с.
25. Зверев, В.А. Динамика численности и воспроизводство населения Тобольской губернии во время Первой мировой войны. / В.А. Зверев, С.В. Косыгина // Исторический курьер. — 2020. — № 1 (9). — С. 154-163.
26. Исупов, В.А. На закате империи, на заре демографической модернизации (1897-1917 гг.) // Демографическая история Западной Си-

бири (конец XIX-XX вв.). — Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. — С. 32-71.

27. Панишев, Е.А. Социально-демографическое развитие Тобольской губернии в 1861-1913 гг. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. — Тюмень, 2010. — 25 с.

28. Прибыльский, Ю.П. Советизация Севера (1920—1940) // Западная Сибирь: история и современность: краевед. записки. Вып. № 1. — Нижневартовск, 1998. — С. 89.

29. Прибыльский, Ю.П. История Ямала / Ю.П. Прибыльский, А.В. Головнев. — Тобольск; Яр-Сале, 1994. — С. 100-120.

30. Пронин, В.И. Население Сибири 1897-1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII-XX вв. — Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН [и др.], 1996. — С. 102-104.

31. Турчаников, Н. Итоги переселенческого движения с 1910 по 1914 гг. (включительно) / Н. Турчаников, А. Домрачев. — Петроград: Переселенческ. упр., 1916. — 81 с.

В.А. Книжников

Пристань Устье-Аха в 1964-1965 гг.

Открытие в 1950-1960-х годах колоссальных нефтегазовых залежей на территории Ханты-Мансийского округа предопределило начало новой эпохи в истории края и создало основу для формирования крупнейшего в стране топливно-энергетического комплекса. Его развитие требовало бесперебойного транспортного обеспечения.

Отсутствие разветвленной сети железных и автомобильных дорог на севере Тюменской области, нецелесообразность их строительства к каждому пункту добычи нефти и газа, лесоразработки выдвигали речной транспорт на первое место в обслуживании богатого природными ресурсами региона.

Возведение объектов транспортной промышленной и жилой инфраструктуры сопровождалось значительными трудностями, причём в отдалённых регионах, требовалось приложить значительно больше усилий для того, чтобы добиться поставленных руководством страны результатов. Интересным примером решения подобных задач можно назвать освоение реки Конды в 1960-1970-х гг. Река Конда, длиной в 1097 км, один из множества притоков Иртыша, которые в документации речников классифицируются как малые реки. Традиционно, наиболее крупный поток грузов направляли по Оби и Иртышу в такие крупные речные предприятия в городах Ханты-Мансийск, Сургут, Салехард и т.д., а уже затем развозили, по малым рекам из перевалочных пунктов. Это определяло тенденцию к скорейшему транспортному оснащению ключевых населённых пунктов на р. Обь и р. Иртыш, в то время как малые посёлки вдалеке от крупных речных артерий не обзаводились речными транспортными предприятиями, рангом выше, чем пристань.

Однако, масштабы хозяйственной деятельности на р. Конда привели к появлению здесь Кондинского эксплуатационного участка, впоследствии получившего статус районного управления.

Лесосплав по р. Конде в 1960-х гг. наряду с р. Тавдой обеспечивал значительную часть грузооборота сплавляемого леса на всех малых реках Иртыша, а также Средней и Нижней Оби. А к концу 1960-х гг. количество перевозимых грузов превысило 60% от общего объёма грузоперевозок на малых реках [1, Л. 35].

Главной пристанью на р. Конда стало Устье-Аха входившее в Тюменское линейное пароходство. Её функционирование напрямую было связано с экономической деятельностью Кондинского района, где находился важный центр лесной промышленности, сформированный ещё в 1950-е годы. К 1965 г. годовой объём заготовок Кондинского лесокомбината достиг 1500 тыс. кубометров леса. Тогда в состав этого предприятия входило семь лесозаготовительных пунктов, а также восьмой пункт для сбора аварийной древесины, а также четыре шпалозавода в Луговском, Три Конды, Ямки и Половинке. Помимо заготовки древесины работники комбината также занимались формированием плотов, доставка которых ложилась уже на речников пароходства. Буксировка плотов проводилась по двум участкам Верхняя Конда (Урай) и Нижняя Конда (Три Конды и Устье-Аха), направляясь далее к устью Иртыша и пристани Белогорье (недалеко от Ханты-Мансийска). В дальнейшем их буксировку можно было направить как в Салехард, так и перегрузив лес на суда, в Тюмень и Омск.

Однако, с открытием Шаимского месторождения, при участии бригады С. Урусова, в 1960-м году на освоение данного региона было обращено особое внимание. В тот же год пристань была официально открыта в одноимённом рабочем посёлке. Первоначально пристань Устье-Аха находилась в подчинении Ханты-Мансийского эксплуатационного участка, однако, уже с 1 августа 1964 года, её перевели на самостоятельный баланс, с подотчётностью Тюменскому линейному пароходству [3, Л. 5]. В тот же год (29 сентября 1964 года), синхронно с пристанью, посёлок Устье-Аха был преобразован в посёлок городского типа Междуреченский.

1964 год в целом стал знаменательной датой для речного флота. Начались первые перевозки нефти танкерами по сибирским рекам. При этом навигации проходили нелегко. Конда была

одним из крупнейших поставщиков сплавляемого леса. А потому операция по проведению судов через реку Конду, усеянную местами утопленным лесом, была крайне непростой, особенно с учётом длины некоторых танкеров до 67 метров. В случае непредвиденных ситуаций, застрявший “топляк” приходилось доставать, работая в холодной воде. Дополнительные трудности в первую навигацию создавали лесные пожары, через которые приходилось вести танкеры со свежей нефтью. При устранении аварий особо отличились в тот год механик-штурман В.М. Куприн, I штурман — II помощник механика Г.К. Медников, I помощник — II штурман Н.П. Куликов, рулевые мотористы А. Маметов и А. Говорков [4, с. 95-105]. В 1965 году тем же путём, из пункта Сухой бор до Омского нефтезавода, было отправлено уже 51,5 тыс. тонн сырой нефти.

В ходе навигации нефтяные танкеры не только обеспечивали вывоз сырой нефти с Конды и завоз топлива и горюче-смазочных материалов в Урай, но и благодаря своим радиостанциям временно обеспечивали связь на слабо освоенных участках малой реки. Последний недостаток работы на р. Конда частично был купирован в 1968 году, когда в зоне ответственности участка начала работать радиорелейная связь, обеспечивающая радиотелефонную связь Урая с Тюменью.

Несмотря на то, что от районного центра, села Кондинского, Устье-Аха отделяло 225 км реки, именно это место выбрали центром руководства водными перевозками в Кондинском бассейне. Через Устье-Аха было организовано руководство и контроль за работой буксирного, наливного, сухогрузного и пассажирского флота на р. Конде [3, Л. 1-10]. Ещё даже не став эксплуатационным участком Устье-Аха, уже имея 3 приписные пристани — Урай, Три Конды и Кондинское, быстро стала связующим звеном для разрастающегося Урая с остальными районами Сибири. В 1964/1965 г. туда завезли 23,6/31,9 тыс. тонн нефтепродуктов и 64/177,4 тыс. тонн различного оборудования [3, Л. 20-40]. Стоит заметить, что при этом, грузооборот собственно самой пристани Устье-Аха в 1964/1965 составил 22806/1764118 тонн (с учётом сплавляемого леса).

Однако обеспеченность средствами перегрузки для такого грузопотока была крайне неудовлетворительной, в виду чего только у пристани Урай простои в 1965 г. составили 48 тыс. тонн. Такие крупные клиенты речников как Нефтегаз и Газпром для перегрузки могли использовать лишь краны на автомобильном ходу, а Кондинский лесокомбинат имел лишь два портальных 5-тонных крана и три 1,5 тонных крана типа «Старый Бурлак». Сама пристань Устье-Аха на тот момент была оборудована для приёма контейнеров. Речники имели лишь один 6-тонный автокран. Ввиду этого в 1965 году все погрузочно-разгрузочные работы, за исключением контейнерных, проводились на причалах клиентуры, которые зачастую имели оборудованные площадки, но и им не хватало перегрузочных средств. Фактическое отсутствие собственных средств механизации вынуждало речников пользоваться переброшенной техникой из Тюмени, Тобольска и Ханты-Мансийска.

Ремонтная база Устья-Аха, несмотря на проведённую ещё вначале 1960-х гг. модернизацию, продолжала оставаться крайне слабой. В зимний период там был произведён ремонт оборудования в имеющейся плавмастерской, а для смены двигателей на пристани в наличии был автокран, однако, целый ряд запчастей (распылители, форсунки, шестерни больших и малых диаметров для редуктора) отсутствовал, а в плавмастерской не было ни станков для изготовления деталей, ни кузницы. Но, несмотря на неудовлетворительное состояние ремонтной базы, в ряде случаев, всё равно приходилось оставлять суда в Устье-Аха на зимний ремонт, если суда были плохо подготовлены к навигации ответственными предприятиями [3, Л. 24].

Всё это накладывалось на серьёзную нехватку квалифицированных кадров, в результате чего работникам приходилось регулярно решать многоплановые задачи, зачастую вне своей квалификации. Так, например шкипер рейда Воронцов в действительности выполнял работу тракториста, а оператором рейда числилась Помыткина, выполнявшая работу секретаря-машинистки. На тех пристанях Конды, где объём грузооборота не возрастал лавинообразно, укомплектованность кадров была относительно полной. Но в Урае, куда только в 1965 г. было завезено более 150

тыс. тонн груза и на главной пристани людей не хватало. В течение следующих навигаций шёл процесс увеличения штата. Всего же в 1965 г. было принято 45 человек, а уволено 22 работника [3, Л. 1-10].

Не менее сложным оставался вопрос заправки судов. В верховьях реки, в районе Три Конды — Устье-Аха, выделили наливную баржу с дизтопливом и смазкой для заправки, переместили дополнительно 4 теплохода мощностью по 150 л. с. для раннего начала работы на реке [2, Л. 35-57]. Также имелась бункеровочная база в Кондинском, однако заправка выполнялась при помощи пожарных машин, и не все базы были многоцелевые, в некоторых из них могло храниться только дизельное топливо, в то время как необходимо было также место под мазут и веретённое масло.

Кроме того, на заправочных пунктах также требовалось обустроить буфеты и наладить хлебопечение на главной пристани, так как в самом поселении Устье-Аха хлебопекарня находилась далеко от плавмагазина, а для доставки хлеба к реке не было транспортных средств. В виду сложности доставки продовольствия на малые реки работа там имела особую специфику. Примечателен тот факт, что в 1965 г. простои флота на р. Конде от нехватки продовольствия превосходили простои от нехватки сменных запчастей.

Не менее остро обстояла ситуация с пассажироперевозками. Строительство Урая способствовало активизации внутренней миграции в бассейне Конды, что заметно в статистике пассажирооборота. Так в 1964/1965 г. было перевезено 34/29,9 тыс. человек, при запланированных показателях 43/37 тыс. человек. При этом из 29,9 тыс. пассажиров перевезённых по Конде, непосредственно флотом пристани в 1965 г. было перевезено 22,3 тыс. пассажиров [3, Л. 20-35].

По итогам навигаций, в предложениях по улучшению работы пассажирского флота, руководство пристани просило «*реальнее подойти к расчёту производственных планов на суда*», а также перебросить на р. Конду речные трамваи типа Москвич, установить радиосвязь на судне, работающем на участке между Кондинским и Устьем-Аха и *«оказать действенную помощь по*

укомплектованию квалифицированными кадрами пассажирский флот». Ввиду этого, в 1965-1966 гг. было принято решение учредить отдельный, Кондинский эксплуатационный участок, подчиняющийся Тюменскому линейному пароходству. В 1973 году его, как и ряд других предприятий, перевели в статус районного управления, что достаточно необычно, ввиду его расположения на малой реке. Но не удивительно. Необходимость реорганизации пароходства и создания новых предприятий была вызвана активным освоением нефтяных ресурсов Тюменской области и, как следствие, возрастающим объёмом грузоперевозок.

Как и в других крупных населённых пунктах ХМАО, строители и речники р. Конды сталкивались с такими проблемами, как ранний ледовый режим, нехватка техники и нестабильность завоза продуктов. В таких городах, как Сургут и Нижневартовск острота проблем снижалась после пуска в эксплуатацию железнодорожного сообщения. Однако железная дорога Тавда-Сотник хоть и была в конце 1960-х года достроена до станции Устье-Аха, её ожидаемое и логичное доведение до Урая не состоялось. И, несмотря на то, что в 1973 году в Урае появился аэропорт, роль речного транспорта в обеспечении строителей, геологов и нефтяников материалом, оборудованием, техникой, а также горюче-смазочными материалами продолжала оставаться значительной ещё длительное время.

Список сокращений

БУ ИсА — Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (список литературы).

ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (список литературы).

Примечания

1. БУ ИсА. Ф. 1853. Оп. 1. Д. 1584.
2. ГАТО. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 31. Л. 97.
3. ГАТО. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 103. Л. 60.
4. Ланьков, Н.И. Дозорные Обь-Иртышья / Н.И. Ланьков, Н.И. Олениченко. — Омск: Омский дом печати, 2005. — 288 с.

Л. Е. Ковалева

Толькинский красный чум в фотографиях из архива Г.Н. Оносовой

Красный чум — кочевое комплексное учреждение культуры в районах Крайнего Севера. Красные чумы создавались в 1930-х годах для ликвидации отсталости коренного населения в области грамотности, медицинского и санитарного просвещения, культуры. По мнению Л.В. Алексеевой, зарождение такой формы работы с коренным населением было характерно вначале для Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа [1, с.147], откуда получило свое дальнейшее распространение.

Один из первых документов, регулировавших деятельность красных чумов, «Временное положение о «Красном чуме» от 1930 г., так определяет цели и задачи этого своеобразного учреждения: «Красный Чум» является культурным и политическим центром основных туземных масс тундры. Организуется в самой глуби тундры по пути постоянного передвижения основных кочевий тундры». В качестве задач устанавливалось следующее: «…а) поднятие культурного уровня туземца и в первую очередь ликвидация его неграмотности; б) оказание первой помощи туз-населению (женщине) и коренное переустройство по линии оздоровления санитарно-бытовой обстановки чума туземца; в) пропаганда и непосредственное инициативное участие (Красный Чум организатор) в деле перестройки северного хозяйства по пути его коллективизации; г) поднятие политической сознательности и активности туземного кочевья в деле осуществления мероприятий Соввласти; д) повышение производственных знаний туземца в области его трудовой деятельности; е) решительная борьба за раскрепощение туземки и уничтожение кулака тундры как класса, а также изгнание из тундры шамана…» [3].

В последние годы число научных публикаций, раскрывающих те или иные аспекты деятельности красных чумов на Советском Севере значительно выросло. В этой связи необходимо упомянуть в первую очередь работы Алексеевой Л.В., Ишбаева М.М., Кашамаковой М.В. и других. В монографии Алексеевой Л.В.

«Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920-1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты» подробно рассматриваются исторические аспекты организации и деятельности красных чумов на Тобольском Севере, описывается деятельность отдельных красных чумов Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов, в том числе — Толькинского красного чума [1, с.158].

Толька — самое удаленное северное поселение Ларьякского района в первой половине XX века, которое находилось в бассейне рек Толька и Пур, где Ларьякский район смыкался с Туруханским краем и Ямальским округом. До конца 1950-х гг. поселение Толька относилось к Ларьякскому району, позднее было передано в административное подчинение Ямало-Ненецкого округа.

Подробно деятельность Толькинского красного чума рассматривается в монографии Ишбаева М.М. «Выход в свет: становление культурно-просветительной работы в Ларьякском районе. Часть 2». Согласно его точке зрения, Толькинский красный чум был организован в 1932 г., а не в 1933, как утверждалось в более ранних публикациях [5, с.228]. Упоминания о начальном периоде Толькинского красного чума встречаются в воспоминаниях И.В. Борщова, известного советского и хозяйственного деятеля в Ларьякском районе в 1939-е годы.

Значительную ценность, с нашей точки зрения, представляют материалы Галины Николаевны Оносовой, работавшей врачом Толькинского красного чума в 1933-1934 гг., переданные в фонд Нижневартовского краеведческого музея Т.Д. Шуваевым. Толькинская коллекция Г.Н. Оносовой — это рукописные воспоминания на 40 листах из школьных тетрадей, записанные в 1973 г. и восемь любительских фотографий, снятых в 1933-1934 гг. на Тольке.

Об этих снимках и пойдет речь в настоящей статье. Физическое состояние самих фотографий не очень хорошее: у некоторых есть утраты углов, сгибы, трещины, на оборотной стороне — следы клея с остатками приклеенной бумаги, потемневший бумажный слой, пятна и т.д. Качество изображения также невысокое: оно практически на всех снимках высветленное, некон-

трастное, кое-где встречаются затемнения в углах кадра. Ряд портретных снимков, среди которых и портрет самой Г.Н. Оносовой, напечатаны с применением самодельных бумажных рамок, кое-где рамки при печати сдвинулись, открывая изображение в части кадра, прежде скрытой рамкой. Всё это позволяет предположить, что, вероятно, фотограф не обладал большим опытом в фотосъёмке и фотопечати.

Снимки сопровождаются подписями на оборотной стороне, выполненными рукой Г.Н. Оносовой. Два из восьми снимков были сделаны в зимнее время, шесть — в летний период.

Аналогичные снимки, отражающие первые годы работы Толькинского красного чума, в опубликованных источниках встречаются крайне редко, это, безусловно, повышает ценность нижневартовской коллекции с точки зрения краеведения.

Как отмечает М.М. Ишбаев, в первые два года своего существования красный чум на Тольке действительно располагался в двух чумах, пока в 1934 г. не было построено деревянное здание [5, с. 228]. Это же подтверждает Г.Н. Оносова, вспоминая о том, что вновь прибывшие на Тольку работники чума некоторое время жили в настоящем чуме, а затем переселились в палатку (7, л.37 об). В книге «Не чужая боль: страницы истории становления и развития здравоохранения Нижневартовского района…» приводится фотография с видом Толькинского чума в 1933 г., напоминающего времянку с печной трубой — вероятно, это и есть та самая палатка, которую упоминает Г.Н. Оносова. [6, с.75]

Деревянное здание Красного чума было построено по чертежам десятника Даниила Петровича Роговского из Ларьяка, который руководил строительством на Тольке. «…Здесь под одной крышей размещались сельский совет, школа и жильё для учителя, переводчика, заведующего. В составе Красного чума были ещё несколько отдельно стоящих строений: радиостанция, пекарня, медпункт и магазин» [5, с.228].

На одном из снимков нижневартовской коллекции (НвКМ-10408/1) запечатлён момент строительства деревянного здания: четыре человека в зимней одежде со строительными инструментами, стоящие рядом с оструганными брёвнами. В центре снимка — мужчина с топором, левая нога которого упирается в ле-

жащее на снегу бревно, слева от него смутно виден силуэт второго рабочего, стоящего анфас. У правого края кадра виден силуэт третьего рабочего, слева от него — рабочий, стоящий на высоких козлах с уложенными на них бревнами. В руках у рабочего — вертикальная пила для распилки бревна. На заднем плане видны невысокие одиночные деревья, вокруг лежит глубокий снег. На оборотной стороне снимка расположена надпись: «Толькинский красный чум. На строительстве помещения (школа, медпункт общежитие)».

Другой снимок (НВФ-1007/3) представляет групповой портрет работников красного чума, расположившихся в три ряда у бревенчатой стены. Портретируемые запечатлены в зимней одежде. В первом ряду снизу изображены три человека: справа и слева полулежат двое мужчин азиатского типа, в центре — молодая женщина со щенком в руках — учитель красного чума Александрова. Во втором ряду — трое мужчин, крайний справа — киномеханик Кузнецов Лазарь, и женщина. В третьем ряду первый слева — высокий мужчина с бородой и усами — заведующий красным чумом Леонид Миронович Райшев, одетый в тёмно-серую куртку, серую косоворотку. Второй слева — мужчина с густыми волосами, окладистой чёрной бородой и усами, одетый в серую телогрейку, со щенком в руках — командир оперативного отряда Сабанин. Третий слева — радист Толькинского туземного совета Кошкаров Иван в шлеме, в черной куртке и тельняшке.

Присутствие на снимке командира оперативного отряда объясняется трагическими событиями, произошедшими осенью 1933 года на территории Тольки: так называемый толькинский мятеж, ряд нападений на советские учреждения банды Фёдора Прасина. «…В сентябре был сожжён кочевой туземный совет, приостановлена его работа. Во время пожара сгорели и запасы продуктов. Ханты, опасаясь бандита Фёдора Прасина, перестали помогать школе мясом, рыбой. Среди учащихся и работников чума начался голод, дети из школы стали убегать, часть детей забрали родители. Работники чума вынуждены были ходить на охоту и питаться добытой дичью, а ночами дежурили и охраняли территорию резиденции. В один из дней отправился на охоту и

не вернулся учитель, комсомолец Василий Бормотов. Его разыскивали несколько дней, но обнаружить не удалось, и судьба его до сих пор не известна [5, с.234].

В декабре 1933 г. для усмирения мятежа из Ларьяка на Тольку был направлен небольшой отряд сотрудников ОГПУ и милиции, в состав которого входил уполномоченный ОГПУ Андрей Ефимович Волков, старший уполномоченный районной милиции Николай Александрович Перевалов [4], но подавить мятеж не удалось. В январе 1934 г. в перестрелке с бандитами погиб Н.А. Перевалов, группа вернулась в Ларьяк [2, с.9].

По воспоминаниям И.В. Борщёва, в марте 1934 г. на Тольку для борьбы с бандитами был послан вооружённый отряд из Остяко-Вогульска (Ханты-Мансийска) под началом ответственного секретаря окрисполкома Сабанина, которого Борщев характеризует словами: «молодой энергичный человек» [2, с.9]. В Ларьяке к отряду присоединилась небольшая группа ларьякских активистов под началом А.Е. Волкова. Вернулся отряд обратно после подавления мятежа в конце марта этого же года [там же]. Сопоставляя сведения из первоисточника с имеющимися снимками, можно с уверенностью утверждать, что групповой «зимний» портрет из коллекции сделан в марте 1934 г., поскольку на снимке запечатлен командир отряда Сабанин.

По словам Г.Н. Оносовой, красный чум под руководством Л.М. Райшева проработал тринадцать месяцев. В состав его входили: заведующий Райшев Л. М.; переводчик Натускин Кузьма — ханты из Ларьяка; учительница Александрова Людмила (так в подписи в фотографии) из Ларьякской школы (в монографии М.М. Ишбаева указана Александрова К.Н. [5, с.235]); киномеханик Кузнецов Лазарь из Самарово, врач Оносова Г. Н.; уборщица-санитарка Сигильетова Наталья — ханты из Ларьяка; пастухи Кунин Любушка и Кунин Тимофей, ханты с Тольки. «…Вместе с нами трудились работники туземного (Толькинского) Совета — Александров Евгений из Ларьяка и Тугаскин Иван с Нижней Оби, радист Кошкаров Иван из Ларьяка» [7].

Портреты отдельных работников красного чума запечатлены на шести снимках, сделанных в летний период. Так на фотографии № НвКМ-10408/7 крупным планом на фоне стены из свеже-

струганных брёвен изображена сама Галина Николаевна Оносова, одетая в светлую рубаху, в светлом, с мелким рисунком, платке, плотно закрывающем голову, лоб и шею. На обратной стороне шариковой ручкой написано: «1933-1934. Толькинский красный чум». Ниже читается: «Это я — в период «гнуса». На отдельной фотографии (НвКМ-10408/6) снят комсомолец Евгений Александров, секретарь Толькинского туземного Совета. Три парных портрета запечатлели радиста Толькинского тузсовета Кошкарёва Ивана (слева) и киномеханика красного чума Кузнецова Лазаря (№ НвКМ-10408/4); пастуха оленьего стада красного чума, толькинского ханты Кунина Любушку *(так в подписи к снимку)* и санитарку Сигильетову Наталью, ханты с Ваха (фотографии № НвКМ-10408/2); председателя Толькинского тузсовета Тугаскина Ивана, ханты с нижней Оби, и переводчика Натускина Кузьму (фото № НвКМ-10408/5).

Последний снимок заслуживает особого внимания.

О личности и судьбе охтеурского ханты Кузьмы Егоровича Натускина, учителя в Охтеурской, Колек-Ёганской и Большеларьякской школах, в 1933-1934 г. — переводчика в Толькинском красном чуме, в 1939-1941? — студенте Ленинградского института народов Севера, рано умершем от болезни молодом художнике, подробно рассказывается в вышеупомянутой монографии М.М. Ишбаева [5, с.210-226]. Исследователь практически полностью восстановил короткий жизненный путь талантливого молодого человека, но его фотографий ему найти не удалось. Портрет Кузьмы Натускина обнаруживается в фонде Нижневартовского краеведческого музея в коллекции документов Г.Н. Оносовой.

Возвращаясь к серии толькинских фотоснимков, следует отметить, что пять летних портретов были сделаны в одном месте — на фоне бревенчатой стены, вероятно, здания красного чума и, судя по всему, — в один день. Портрет ханты Григория Кунина, заместителя председателя Толькинского туземного совета, снят на фоне лесных деревьев.

Таким образом, на фотографиях указанной серии запечатлены семь работников красного чума (отсутствует Тимофей Кунин), а также четыре работника Толькинского туземного совета, упоми-

наемые в мемуарах Г.Н. Оносовой, а также в других источниках. Это достаточно редкие снимки, они являются важными свидетельствами становления системы народного просвещения и здравоохранения в национальных поселениях Ларьякского района и впервые вводятся в научный оборот.

С 2023 г. цифровые изображения коллекции стали доступными широкому кругу пользователей на сайте Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации.

Примечания

1. Алексеева, Л.В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920-1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты: моногр. — Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 2003. — 252 с.
2. Борщев, И.В. Воспоминания Борщева Ивана Васильевича. Ч. I. Нижневартовск: Изд-во «Приобье», 1997. — 38 с.: фот.
3. Временное положение о Красном Чуме. [1930 г.] КУ ГАЮ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 46. Л. 117.
4. Зайцев, В. Они были первыми // Ленинское знамя. 1975. — 7 нояб.
5. Ишбаев, М.М. Выход в свет: становление культурно-просветительной работы в Ларьякском районе: монография. Ч.2. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. — 268 с.
6. Не чужая боль: страницы истории становления и развития здравоохранения Нижневартовского района. Краткие вехи / авт.-сост. Л. Прио. — Нижневартовск: Вестимед, 2012. — 336 с.

Приложение

Перечень фотографий из коллекции Г.Н. Оносовой

1. У Толькинского красного чума: работники красного чума, члены оперативного отряда и строители. СССР, Омская область, Остяко-Вогульский национальный округ, Ларьякский район, пос. Толька. 1934 г. Фотобумага, фотопечать.10,0х15,0 см. НВФ-1007/3.

2. Строительство нового деревянного здания Толькинского красного чума. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ, Ларьякский р-он, пос. Толька. 1933-1934 годы. Фотобумага, фотопечать. 9,0х12,0 см. НвКМ-6293/1.

3. Фотография. Работники Толькинского красного чума Кунин Любушка (?) и Сигильетова Наталья [справа]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ, Ларьякский р-он, пос. Толька. 1934 г. Фотобумага, фотопечать. 9,7х15,0 см; 5,5х12,0 см. НвКМ-10408/2.

4. Заместитель председателя Толькинского туземного совета Кунин Григорий. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ, Ларьякский р-он, пос. Толька. 1934 г. Фотобумага, фотопечать. 9,0х12,0 см; 6,5х54 см. НвКМ-10408/3.

5. Фотография. Работники Толькинского красного чума: Кошкарёв Иван [слева] и Кузнецов Лазарь. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ, Ларьякский р-он, пос. Толька. 1934 г. Фотобумага, фотопечать. 9,9х14,7 см; 5,7х12,4 см. НвКМ-10408/4

6. Работники Толькинского красного чума Тугаскин Иван [слева] и Натускин Кузьма. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ, Ларьякский р-он, пос. Толька. 1934 г. Фотобумага, фотопечать. 9,8х14,6 см; 5,8х14,6 см. НвКМ-10408/5.

7. Александров Евгений, секретарь Толькинского туземного совета. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ, Ларьякский р-он, пос. Толька. 1934 г. Фотобумага, фотопечать. 7,3х6,3 см; 5,5х5,0 см. НвКМ-10408/6.

8. Оносова Галина Николаевна, врач. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ, Ларьякский р-он, пос. Толька. 1934 г. Фотобумага, фотопечать. 11,8х8,9 см; 6,4х5,4 см. НвКМ-10408/7.

Работники Толькинского красного чума Тугаскин Иван [слева] и Натускин Кузьма. пос. Толька. 1934 г

Строительство нового деревянного здания Толькинского красного чума. пос. Толька. 1934 г.

С.В. Миронычев

Организация Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Остяко-Вогульском национальном округе и ее итоги

За все время существования СССР с 1922 по 1991 гг. перепись населения проводилась семь раз. Перепись населения — это трудоемкое, затратное и в то же время крайне необходимое мероприятие. Как правило, такой проект разрабатывается на самом высоком уровне государственной власти. Огромные размеры страны, ее национальное и культурное разнообразие не могли оставаться без должного внимания. Перепись была бы просто неэффективной, если бы не брались во внимание такие факты.

Остяко-Вогульский национальный округ в период с 1939 г. и до августа 1944 г. входил в состав Омской области. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1944 г. была образована Тюменская область, куда отнесли и территорию Остяко-Вогульского округа [1, с. 6]. В 1939 г. округ состоял из 6 районов (Березовский, Кондинский, Ларьякский, Самаровский, Сургутский, Микояновский). Территория округа располагалась между 58-й и 65-ой параллелью северной широты и 60-ой и 83-ей диагональю восточной долготы и занимала общую площадь в 548457,5 кв. км, равную 1/3 части территории всей Омской области [1, с. 4, 7].

23 октября 1940 г. округ переименовали в Ханты-Мансийский. Прирост населения в отдельных районах округа составлял от 5 до 11% в год. Данные сведения приведены в докладной записке, характеризующей Остяко-Вогульский округ перед проведением Всесоюзной переписи 1939 года. В ней также отмечалось, что особенно сильно выросло население окружного и районных центров. Так население пос. Остяко-Вогульск увеличивалось ежегодно на 30%. По данным Окринспектуры Нархозучета (*далее* — НХУ) население по районам в 1939 г. распределялось следующим образом: Березовский — 15,4%, Кондинский — 15,8%, Ларьякский — 5,6%, Сургутский — 15,6%, Самаровский — 23,8%, Микояновский — 16,2%. Плотность населения в округе была

незначительна. На 1 кв. км. приходилось 0,16 человек [2, л. 41-44].

По решению советского правительства перепись на Крайнем Севере планировали провести во второй половине 1939 г., а ни как по всей стране (в январе 1939 г.), объясняя это так:

«По условию этих мест (труднодоступность многих районов, огромные расстояния, разбросанность населенных пунктов, кочевой образ жизни некоторых народов, населяющих Крайний Север) общесоюзные сроки переписи для них недостаточны». Учитывая все эти обстоятельства, перепись 1939 г. в Остяко-Вогульском национальном округе было решено проводить в декабре, так как основная масса населения в это время пребывала по месту жительства [3, с. 5-6].

Третья Всесоюзная перепись 1939 г., должна была предоставить объективные данные о численности населения страны, в отличие от переписи 1937 г., которая оценивалась руководством СССР как извращенная «троцкистко-бухаринскими шпионами» [4]. Подготовка к предстоящему событию организовывалась в кратчайшие сроки. Всесоюзная перепись назначалась 17 января 1939 г. и проводилась методом опроса. Для городских поселений предоставлялось 7 дней (с 17 по 23 января), для сельской местности 10 дней (с 17 по 23 января), в ХМНО ее планировалось закончить к концу 1939 года. О значимости переписи свидетельствовал тот факт, что куратором ее был назначен председатель СНК СССР В.М. Молотов, принимавший участие и в предыдущей переписи 1937 года [5, с. 43]. Под его председательством было сформировано Бюро Всесоюзной переписи, которое возглавил И.Ю. Писарев.

Перепись 1939 г., как пишет В.Б. Жиромская, была более обширной, чем в 1937 году. В переписи 1939 г. подробнее представлены сведения о грамотности и образовании, национальностях, родном языке, профессиональном составе населения [6, с.7]. Огромные территории СССР, труднодоступность некоторых регионов, различные климатические условия, большое население страны, полиэтничность и поликонфессиональность — это требовало предельной концентрации сил и средств, при организации переписи населения. Переписной лист был отпечатан на

22 национальных языках. Как отмечает один из авторов труда «Всесоюзная перепись 1939 г: основные итоги» Т.С. Лабутова, организация подготовительных работ к проведению Всесоюзной переписи населения включала в себя 5 основных пунктов:

1. Составление списков сельских населенных пунктов и списков домовладений в городских поселениях, а также карт районов;
2. Проведение переписного районирования;
3. Подбор и подготовка кадров переписи;
4. Печатание и рассылка на места всех документов переписи;
5. Разъяснительная работа среди населения [7, с.22].

В выписке из протокола № 12 заседания Президиума Омского областного исполнительного комитета советов от 27 февраля 1939 года, посвященного подготовке к проведению Всесоюзной переписи населения на Крайнем Севере, сообщалось о сроках ее проведения. В соответствии с постановлением СНК СССР от 23 августа 1938 года устанавливались следующие сроки проведения Всесоюзной переписи населения в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) округе (см. табл. 1).

Таблица 1

Сроки проведения переписи в районах Остяко-Вогульского округа [8, л.18]

Район	Начало переписи 1939 г.	Окончание переписи 1940 г.
Березовский	15 декабря	10 января
Кондинский	22 декабря	10 января
Ларьякский	15 декабря	10 января
Микояновский	15 декабря	10 января
Самаровский	23 декабря	10 января
Сургутский	15 декабря	10 января

Первым этапом подготовительных работ к Всесоюзной переписи населения в Остяко-Вогульском округе явилось, прежде всего, уточнение населенных пунктов и нанесение их на схема-

тические карты сельских советов, а также составление полных исчерпывающих списков населенных мест, близстоящих строений и уточнение всех охотничьих и рыбацких избушек. Списки населенных мест уточнялись на всем протяжении хода подготовительных работ, по ее результатам составлялись схематические карты округа, районов и сельсоветов [9, л. 26]. Карты района, необходимые при переписи населения, приходилось изготовлять своими силами. Например, в ответе на докладную записку Ларьякского райинспектора НХУ Ф.А. Фатеева, в которой он просил прислать карты сельсоветов, говорилось: «Окринспектура НХУ сообщает: для района схематическая карта к предстоящей переписи требуется одна, каковой на основе постановления Облисполкома и президиума окрисполкома от 4 января 1939 г. райинспектор НХУ обязан обеспечить райисполком без оплаты райинспектурой НХУ стоимости по изготовлению. Схематические карты сельских/национальных советов надлежит изготовить силами райинспектуры НХУ, путем выкопировок из районной карты. Материал для выкопировки, кальку или восковку надлежит изыскать на месте, так как таковой окринспектура НХУ за отсутствием выслать не может». Данная записка с подписью окружного инспектора НХУ Никифорова (имя неизвестно — прим. С.М.) и экономиста В.Г. Балина легла на стол Ф.А. Фатееву 16 марта 1939 г., на которую последний ответил незамедлительно, обещая, что схематические карты будут готовы к 18 марта 1939 г., а стоимость составит 100 руб., которые он оплатит лично за свой счет, «потому что некому этого сделать» [10, л.37].

Подготовительная работа к переписи населения не останавливалась ни на один день. В связи с предстоящей весенней распутицей и остановкой почтовой связи из окружного центра приходили распоряжения, предлагающие в кратчайший срок выслать в Окрнархозучет схематическую карту района и списки населенных мест. Информацию наказывалось направлять «правительственной почтой», без задержки, что еще раз доказывает всю важность предстоящего мероприятия. С 1 августа 1939 г. устанавливались сроки о предоставлении отчетности, связанные с ходом подготовительных работ. Таковые необходимо было высылать дважды в месяц 1 и 15 числа. За несвоевременное пре-

доставление отчетности райинспектор нес персональную ответственность.

Используя январский опыт переписи населения в центральных районах, в Остяко-Вогульском округе создавались комиссии содействия. Таких комиссий сформировали 243 и насчитывали они 1204 участника. Они были призваны оказать помощь, проявлявшуюся в форме содействия работникам переписи в уточнении списков населенных мест и составлении маршрута по объездам счетчиков, а также в проведении массово-разъяснительной работы в период подготовки и проведения переписи [9, л. 26].

По всей стране выпускались многочисленные плакаты и брошюры с призывом отнестись к предстоящей переписи ответственно и давать переписчику только верные сведения. Все это приводило к положительным результатам. Отношение населения к проводимой переписи было положительное. Коренное население (ханты, манси) всячески помогало переписчикам, предоставляя упряжки оленей для скорейшего их продвижения к месту работы. Был зафиксирован и такой случай:

«Хант Прасин Федор Иванович приехал на оленях за счетчиком, который должен был переписать население его юрты, покрыв расстояние в 291 километр. Товарищ Прасин боялся, что его юрту могут не найти и он останется пропущенным при переписи. Товарищ Прасин добровольно и совершенно бесплатно взялся работать проводником и переводчиком и обязался провести счетчика на оленях в несколько населенных пунктов. Товарищ Прасин со счетчиком проехал 500 километров» [2, л. 26].

В округе переписчику в помощь предоставлялся переводчик, который, как и счетчик, получали за свою работу зарплату. Данная информация имеется в письме окружного НХУ для Ларьякского района от 21 ноября 1939 г. за № 21/1, в которой говорится, чтобы смета расходов по проведению Всесоюзной переписи составлялась, руководствуясь следующими указаниями: «Зарплата счетчиков составляла 20 рублей в сутки, а переводчика 10 рублей, включая и время, затраченное на разъезды. Оплата разъездных счетчикам и переводчикам оплачивается из расчета 60 коп. за один километр» [10, л. 16]. Зарплата счетчика за месяц составляла около 600 р., что почти в два раза больше среднемесяч-

ной зарплаты рабочих в СССР. К примеру, в 1939 г. среднемесячная зарплата рабочих в Куйбышевской обл. составляла 351 руб. Для сравнения: килограмм колбасы стоил 7 р., банка консервов 3,15 рубля. Средняя оплата труда в промышленности и строительстве на Дальнем Востоке РСФСР по данным за сентябрь 1939 г. в Приморском крае вольнонаемных рабочих ГУЛАГа составляла 958 рублей. В Хабаровском крае средняя оплата была 668 рублей. Максимальная нагрузка на счетчика в сельской местности составляла 1248, а минимальная 83 человека. Средняя нагрузка по округу составила 453 чел. на одного счетчика [11]. Каждый из районов округа делился на счетные участки и считался самостоятельным переписным отделом. Всего было сформировано 211 участков. В разрезе районов количество счетных участков было определено в следующем виде (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество счетных участков по районам Остяко-Вогульского округа [12, л.26]

Район	Количество счетных участков
Березовский	34 участка
Кондинский	34 участка
Ларьякский	15 участков
Микояновский	38 участков
Самаровский	38 участков
Сургутский	32 участка
Пос. Остяко-Вогульск	20 участков

Согласно сводной ведомости по предварительным данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в рабочем поселке Остяко-Вогульске проживало 7 467 чел., всего в округе насчитывалось 94 865 человек (см. табл. 3).

Таблица 3

Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Остяко-Вогульском округе Омской области [13, л.108]

Название района	Всего населения на январь 1939 г.	Предварительные результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г.
Березовский	13500	14071
Микояновский	13505	15410
Самаровский	21500	22658
Кондинский	10395	14848
Сургутский	12496	15008
Ларьякский	4725	5 403
Остяко-Вогульск	6623	7467
Итого	82744	94865

Там же за подписью окринспектора НХУ Илларионова говорится о годовом приросте населения в 12 116 чел., то есть 14,5%.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г., общая численность населения Остяко-Вогульского округа составляла 93 274 человека (см. табл. 4).

Таблица 4

Численность населения Остяко-Вогульского округа по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 года [14, л.18]

Название района	**Всего населения**
Березовский	13 748
Кондинский	14 537
Ларьякский	5 276
Микояновский	15 152
Сургутский	14 745
Самаровский	22 328
Ханты-Мансийск	7 488
Всего	**93 274**

Разница между предварительными и утвержденными данными численности населения составила 1591 человек. Согласно этим данным, можем сделать вывод, что годовой прирост составил 10 525 чел., то есть 12,7%, что выше средних показателей предыдущих лет, когда прирост населения составлял от 5 до 11 процентов.

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. общая численность национального населения составила 21 294 человек. При подсчетах населения к числу коренного населения отнесли и народность коми-зырян. Самыми многочисленными являлись ханты (12 238 чел), они были расселены по всей территории округа, с наибольшей концентрацией в Микояновском, Сургутском и Ларьякском районах (см. табл. 5). Всего в Западной Сибири хантов проживало 18,3 тыс., манси насчитывали 5,9 тыс. Необходимо подчеркнуть, что по отношению к 1959 г. население хантов увеличилось на 400 человек, а вот манси остались в том же количестве [15]. Манси размещались в западной и юго-западной части округа в Березовском и Кондинском районах.

Таблица 5

Национальный состав населения Ханты-Мансийского национального округа Омской области по результатам Всесоюзной переписи населения 1939 г. [13, л.117]

Район	Пол	Рус.	Хант.	Манс.	Ком.	Тат.	Укр.	Нен.	Всего
Березовский	муж	3421	544	1337	918	195	123	140	6773
	жен	3435	518	1473	1073	133	106	148	6975
	итог	6856	1062	2810	1991	328	229	288	13748
Кондинский	муж	4838	470	1133	40	121	64	1	6766
	жен	5688	500	1231	36	146	70	-	7771
	итог	10526	970	2364	76	267	134	1	14537
Ларьякский	муж	1527	1059	1	1	18	15	3	2658
	жен	1591	964	1	2	18	12	4	2618
	итог	3118	2023	2	3	36	27	7	5276
Микояновский	муж	4677	1766	233	115	235	119	60	7322
	жен	5271	1776	226	103	174	111	79	7830
	итог	9948	3542	459	218	409	230	139	15152

Сургутский	муж	5161	1440	4	14	181	24	168	7066
	жен	5750	1480	2	8	165	40	177	7679
	итог	10911	2920	6	22	346	64	345	14745
Самаровский	муж	9079	691	8	33	355	156	29	10421
	жен	10592	689	11	38	337	151	28	11907
	итог	19671	1590	19	71	692	307	57	22328
Ханты-Мансийский	муж	3093	183	65	33	86	65	10	3534
	жен	3563	158	43	22	63	55	5	3956
	итог	6586	341	108	55	149	120	15	7488
Всего	муж	31726	6153	2781	1154	1191	566	411	44538
	жен	35890	6085	2987	1282	1636	545	441	48736
	итог	67616	12238	5768	2436	2227	1111	852	93274

В округе также проживали: немцы — 177; белорусы — 141; казахи — 89; мордва — 64 и прочие в количестве 555 человек. Удельный вес коренных малочисленных народов в структуре населения ХМНО составлял 22,8%, из них более 57% относились к народу ханты. Самым многочисленным этносом являлся русский, удельный вес которого составлял 72%.

Все данные по переписи населения, проводимые уполномоченными органами, можно считать максимально приближенными к реальности. Проводились различного рода подготовительные мероприятия, обучались ведению переписи счетчики, не раз собиравшиеся для прослушивания лекций и разбора внештатных ситуаций. Счетчики, инструкторы-контролеры, заведующие переписными отделами, все они тщательнейшим образом проверялись как с политической, так и с деловой стороны; они, как правило, должны были быть с безупречной репутацией. Контингент счетчиков выбирался, как правило, из государственных служащих, но из-за нехватки кадров разрешалось привлекать для этого почетного и ответственного дела, на условиях дополнительной оплаты, работников школ, советских учреждений и торговых организации, студентов и учащихся старших классов средних школ.

Документы свидетельствуют, что подготовительные работы к Всесоюзной переписи населения в округе прошли достаточно организованно. Огромный интерес к мероприятию проявили коренные жители, они при этом всячески содействовали уполно-

моченным лицам. Все мероприятия проходили в срок и без эксцессов. Для многих организаторов перепись стала самым большим событием и испытанием в их служебной деятельности.

Результаты переписи показали годовой прирост населения 12,7%, что выше показателей предыдущих лет. Это связано как с высоким естественным приростом, так и с миграционным фактором. На территории Остяко-Вогульского национального округа проживало более десяти народностей. Самым многочисленным этносом в структуре населения являлись русские. Более половины из числа коренного населения составлял народ ханты.

Примечания

1. Алексеева, Л.В. Крестьянская страда в 1418 дней: сельское хозяйство Югры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гуманитарного университета, 2012. — 355 с.
2. Казенное учреждение «Государственный архив Югры». Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 60.
3. Ваганов, А.И. Перепись населения на Крайнем Севере СССР. — М.-Л. Госпланиздат, 1939. — URL: http://elib.shpl.ru/nodes/24123#page/29/mode/inspect/zoom/4 (дата обращения: 30.05.2023).
4. Волков, А.Г. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-информация. Серия «История статистики». Вып. 3-5 (часть II). — Москва, 1990. — С. 6-63. — URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html (дата обращения: 30.05.2023).
5. Андреев, Е.М. Население Советского Союза: 1922-1991 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. — Москва, 1993.
6. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930 гг. Взгляд в неизвестное. — Москва, 2001.
7. Поляков, Ю.А. Всесоюзная перепись 1939 г: основные итоги / Ю.А. Поляков, А.А. Исупов. — Москва, 1992.
8. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 16.
9. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 60.
10. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 15.
11. Дмитриенко, Н.М. Население Томска и Томских районов по данным Всесоюзной переписи 1939 г. // Вестник Томского гос. ун-та.

— 2013. — № 6 (26). — URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 30.05.2023).

12. Казенное учреждение «Государственный архив Югры». Ф. П-6. Оп. 1. Д. 60.

13. Казенное учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 6. Оп. 1. Д. 17.

14. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 14.

15. Бурматов, А.А. Изменение национального состава населения Западной Сибири в 1939-1959 гг. // Исторический курьер. — 2019. — № 4 (6). Статья 8. — URL: http://istkurier.ru/data/2019 (дата обращения: 30.05.2023).

И.Т. Салтукиева

Кадры производственного объединения «Мегионнефтегазгеология» в конце 1970-начале 1990 гг.

Современную динамику развития Мегиону придало открытие в 1961 г. крупного Мегионского месторождения нефти, а позже, в 1965 г., Самотлорского нефтегазоконденсатного месторождения — одного из крупнейших в мире [6].

В связи со значительным увеличением объемов глубокого бурения в районе Широтного Приобья, с целью приближения руководства к трестам производства работ на основании Приказа Мингеологии РСФСР № 39 от 25.01.1978 г. и Приказа главка № 52 от 31.01.1978 г. в составе Главтюменьгеологии было организовано Мегионское производственное геологическое объединение по разведке нефти и газа «Мегионнефтегазгеология» (*далее* — «МНГГ») с местонахождением в Мегионе.

Оно было создано на базе выделенных из Обского объединения предприятий: Мегионской нефтеразведочной экспедиции, Вахской нефтеразведочной экспедиции, Аганской нефтеразведочной экспедиции, Мегионской вышкомонтажной конторы, Мегионской экспедиционно-комплектовочной базы [1].

За период с 1978 г. по 1991 г. объединение достигло следующих производственных показателей: общий объем проходки составил 4958,181 тыс.м, пробурено 1694 скважин, испытано 1672, из них 805 дали притоки нефти и газа, открыто 33 месторождения и 268 залежей углеводородного сырья. Большой вклад в достижение этих производственных показателей внесли выдающиеся руководители, передовики и бригадиры «Мегионнефтегазгеологии».

«70-80-е годы были периодом расцвета Мегионской экспедиции. В это время государство вкладывало средства в геологоразведку, и объёмы разведочного бурения постоянно наращивались», — рассказывал Владимир Антонович Макар, возглавлявший МНРЭ с 1981 по 1985 гг. — «Мы занимались разработкой перспективных площадей: если из данных сейсмиков следовало, что на данной площади может быть нефть, то сюда сразу же за-

возили буровые установки и начинали бурение». В то время даже поговорка была у геологов: чем больше пробурено метров, тем больше вероятность открыть новое месторождение. И в большинстве случаев так и было…

Если труд нефтяников измеряется тоннами добытой нефти, то геологи измеряют свой труд пробуренными метрами. На счету прославленного коллектива не менее четверти разведанных в Югре запасов углеводородного сырья, пройдено более 9 миллионов метров горных пород. Наибольших показателей по проходке (150030 метров!) Мегионская экспедиция достигла в 1988 году. В то время в Мегионской НРЭ было 6 буровых бригад, а строительством буровых, дорог и транспортным обеспечением занимались вышкомонтажное и дорожно-строительное управления, автотранспортное предприятие, которые представляли собой отдельные предприятия» [4].

В должности генерального директора объединения «МНГГ» работали:

— Гавриков Валентин Андреевич (30.01.1978-18.02.1985). Незаурядность В.А. Гаврикова была очевидной, а очень скоро он стал проявлять и недюжинные организаторские способности. Это не осталось незамеченным его непосредственными руководителями и, прежде всего, главным геологом экспедиции Модестом Фёдоровичем Синюткиным, который во многом способствовал карьерному росту молодого специалиста. Не прошло и трёх лет, как Гавриков стал начальником геологического отдела экспедиции, а в 1971 г. назначен главным геологом МНРЭ [3]. Возглавляемое им ПГО «МНГГ» всегда выполняло план по всем основным показателям. В целях дальнейшей специализации геологоразведки в 1980 г. по его предложению была создана экспедиция по испытанию скважин, что позволило резко увеличить объём и качество работ. В середине 1980- гг. В.А. Гавриков возглавил геологическое управление в Новосибирске. Под его руководством новосибирские геологоразведчики вели поиск и разведку полезных ископаемых на территории шести областей и двух краёв и достигли больших успехов в увеличении физических объёмов и производительности труда. Его именем (Гавриковское) названо одно из месторождений Тюменской области.

Он награждён орденами «Знак Почёта» (1974), Трудового Красного Знамени (1977), тремя медалями, отмечен дипломом «Первооткрыватель месторождения» (1989, Тагринское).

– Сухачев Геннадий Георгиевич (17.09.1984-01.08.1991) — начальник Правдинской НРЭ (1976-1984), генеральный директор ПГО, ГГП, АООТ, ОАО «МНГГ» (1984-1998).

Крупный организатор геологоразведочных работ, профессионал в вопросах бурения поисковых и разведочных скважин, в том числе в условиях аномально-высоких пластовых давлений (АПВД) (Салымское месторождение). Принимал участие в открытии и разведке Талинского, Северо-Чупальского, Тепловского, Тайбинского, Северо-Минчимкинского, Вачимского, Тевлинского, Алехинского, Федоровского, Покамасовского, Савуйского, Когалымского, Сыламского, Южно-Сургутского, Холмогорского и других месторождений нефти в Среднем Приобье [3]. Награжден орденами «Знак Почета» (1974), Трудового Красного Знамени (1980), Дружбы народов (1986).

В должности главного инженера трудились:

– Хохряков Борис Сергеевич (14.04.1982-10.05.1987) — главный инженер объединения «Мегионнефтегазгеология», начальник Восточно-Мегионской нефтегазоразведочной экспедиции, начальник Аганской нефтегазоразведочной экспедиции, а позже глава администрации Нижневартовского района, г. Нижневартовск. Внёс немалый вклад в открытие и разведку Самотлорского, Варьёганского, Урьевского, Тагринского, Нежданного и других месторождений Среднего Приобья. Первооткрыватель Поточного месторождения [3].

– Карагодин Алексей Петрович (0.05.1984-01.08.1991) — заслуженный геолог РФ, главный инженер объединения «МНГГ», ОАО «СН-МНГГ» (1984-1999). Профессионал, досконально знающий технологию глубокого разведочного бурения в особо сложных условиях Тюменского Севера и Широтного Приобья. Принимал участие в открытии Медвежьего, Юбилейного, Ямбурского, Нивагальского, Южного, Западно-Варьеганского, Колик-Еганского и других газовых, газоконденсатных и нефтяных месторождений. Награжден орденами «Знак Почета» (1983),

Дружбы народов (1997), медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1988) [2].

Должности главного геолога занимали:

— Синюткин Модест Федорович (07.03.1978-23.08.1983). Высококвалифицированный специалист в области нефтяной геологии, глубоко разбирающийся в вопросах организации поисковых и нефтеразведочных работ. Принимал участие в поисках месторождений газа в Берёзовском, Норильском районах, месторождений нефти в Среднем Приобье. Особенно большой вклад он внёс в открытие нефтяных месторождений Нижневартовского района. Один из первооткрывателей уникального Самотлорского, крупных Аганского, Варьёганского, Ватинского, Ермаковского, Лас-Ёганского, Нивагальского, Ореховского, Повховского, Северо-Покурского, Южно-Покачёвского и других месторождений нефти. В 1971 г. Министерство геологии РСФСР учредило почётное звание «Заслуженный геолог РСФСР». М.Ф. Синюткин получил его в числе первых пяти геологоразведчиков России. Награждён орденами: «Знак Почёта» (1967), Ленина (1981), медалью «За освоение и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1980). Отмечен дипломом «Первооткрыватель месторождения» (Самотлорское,1976). Заслуженный геолог РСФСР (1971). Почётный гражданин Мегиона (1985).

– Заволжский Виктор Борисович (28.03.1983-25.06.1987). Электрослесарь КИПиА Черкасского химкомбината, г. Черкассы (1968-1969). Главный геолог — зам. генерального директора ПГО «МНГГ» (1983-1987). Крупный специалист, глубоко разбирающийся в вопросах методики проведения геологоразведочных работ на нефть и газ. Активно участвовал в разработке планов и направлений работ в Нижневартовском районе, обосновывал заложение поисковых и разведочных скважин. При его участии открыто и разведано более 20 месторождений нефти, в том числе Приобское, Петелинское, Вынгапуровское, Бахиловское, Нивагальское. Награжден орденом «Знак Почета» (1986), медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной» [3].

В числе работников производственной сферы нефтеразведочных экспедиций объединения, внесших достойный вклад в обес-

печение прироста углеводородного сырья, также следует отметить:

– буровых мастеров С.Л. Малыгина, В.С. Литвинова, В.А. Макара, Ю.Р. Андреева, В.Д. Шидловского, Г.В. Медвежского, А.А. Москаленко, М.А. Овчаренко, В.И. Александренко, М.А. Стюрова, А.Ф. Балуева, Н.Г. Полшкова, А.П. Альцмана, Н.В. Геничева (Мегионская экспедиция), М.И. Пельо, В.А. Венкова, В.С. Литвиненко, Е.И. Клина, Т.Н. Корчевского, Л.Т. Коцыбу, Е.П. Микулина, М.Ф. Дружинина, В.М. Рукина (Восточно-Мегионская экспедиция), А.А. Халина, Н.П. Зуденкова, А.Я. Яворского, М.Г. Сережкина, В.В. Виноградова, А.М. Шаварнаева, Е.Ф. Гробова, В.А. Букрина, А.В. Браташева, В.М. Фахрутдинова, В.С. Орлова, Н.Н. Доценко, И.Г. Попивнича, В.И. Гурьева, В.И. Храмова, В.Н. Данилевского (Аганская экспедиция), В.В. Виноградова, О.Ф. Доронина, И.Н. Гаевского, С.Н. Засыпкина, К.М. Гусейнова, А.М. Шавердина, Н.И. Едельки на, В.И. Иглина (Вахская);

– бурильщиков В.М. Брагина, Н.В. Геничева, В.И. Дударева, А.Б. Доминова, Р.А. Кадралиева, В.В. Лымаря, Н.А. Никонорова, А.П. Петрова, В.И. Рудаса;

– бригадиров ВМБ А.К. Громова, А.П. Серебрякова, С.И. Катеновича, прораба ВМУ П.Ф. Анисимова (Мегионская), А.М. Чулкова, Ю.Ф. Ульянова, Н.А. Зырянова, В.К. Рыбалова, В.П. Козлова, А.Ф. Мурзина, М.К. Попова (Аганская).

– мастеров по испытанию скважин Г.Б. Моськина, В.Д. Шидловского, П.М. Дорошенко, Б.Г. Ротькина, Ю.С. Сивкова (Мегионская), В.И. Бондаренко, А.В. Чукомина, Б.В. Ковчура, А.П. Жилина (Аганская), А.К. Коренчука, Т.М. Кулиева (Вахская).

Благодаря героическому труду работников ПО «Мегионнефтегазгеология», которые участвовали в открытии месторождений Широтного Приобья и прилегающих районов северной части Западно-Сибирской низменности, объединение вписало яркую страницу в историю нефтегазовой геологии ХМАО-Югры и ЯНАО.

Примечания

1. Архивный путеводитель // Фонд № Р-19. Объединение «Мегионнефтегазгеология» г. Мегион Ханты-Мансийский автономный округ Тюменская область. — URL: https://alertino.com/ru/267560 (дата обращения: 30.03.2023)

2. Западная Сибирь: история поиска 1975-1995 годы. Ч. 1. / ред.-сост. Л.В. Цареградская. — Ханты-Мансийск-Екатеринбург: Баско, 2010. — 372 с.

3. Калин, В.М. Биография великого подвига / В.М. Калин, Е.В. Черняк. — Екатеринбург: Средне-Урал. кн. изд-во, 2003. — 688 с.

4. Купальцева, Н. Мегионской НРЭ — 58 лет! / Н. Купальцева // Мегионские новости. — 2020. — 31 янв.

5. Шедченко, А. История геологического поиска / А. Шедченко, Н. Балмышева, С. Потапов. — Москва: Пента, 2003. — 288 с.

6. Яшкова, И.А. Атлас нефти. Очерки о нефтегазовой истории России / И.А. Яшкова, И.Г. Якупова, Е.С. Подкопаева. — Екатеринбург: Баско, 2021. — 320 с.

И.А. Силаева

Документы по истории городов Сибири XVII столетия в научном творчестве Н.Н. Оглоблина

В широко известном «Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.)» видного российского историка-архивиста рубежа XIX—XX вв. [3, 4] нашли разностороннее отражение материалы по истории городов Сибири конца XVI-начала XVIII столетий, на что ранее не обращалось должного внимания.

Среди документов Сибирского приказа Н.Н. Оглоблин тщательно изучил переписные сметы, городовые списки, дозорные книги, выявив данные об основании, переносе городов на новые места, а также описания таких укрепленных поселений. По содержанию эти данные напомнили ученому сметные книги [1, с. 32].

Н.Н. Оглоблин указал, что определение «городовые списки» имеется в материалах Сибирского приказа. Городовые списки делились на два вида, первый из которых включает перечни различных «предметов государевой казны» и описание городских укреплений, во втором же такие описания отсутствовали, а содержались перечни «наряда» (артиллерии) по укреплениям и различных «предметов государевой казны». Стало быть, Н.Н. Оглоблин выделил два вида городских списков — подробные и краткие.

К примеру, по замечанию ученого, сохранился городовой список с наименованием «роспись Томскому городу и острогу» (1626/27 г.), состоящий из четырех частей (описание укреплений города, перечень припасов «зелейного погреба», перечень припасов «государевых житниц», описание укреплений острога).

Н.Н. Оглоблиным констатируется, что в другом списке, тюменском, было три раздела (описание города и острога, определение количества служилых людей с пометами об их службе и роспись о времени службы, месте, цели и выполнении поручений служилыми людьми). В этом списке укрепления описаны достаточно подробно, с указанием времени постройки и пере-

стройки, да и со сведениями об окологородных укреплениях, пушечных «нарядах» — как они присылались и как расходовались. Третья часть тюменского списка, по замечанию Н.Н. Оглоблина, сохранила перечень служилых людей, направленных на годовые службы (годовальщиков), включая «роспись» служб воеводы Я.И. Хрипунова, возглавившего «серебряную» экспедицию, а также лиц, служивших на караулах в Ницинской слободе и на Пышме [1, с. 33].

Этот документ любопытен, по мнению Н.Н. Оглоблина, известиями о порубежной службе тюменских служилых людей (они отправлялись на 3 урочища — на Ачикуль, Медвежье озеро и Бешку). В данном списке имеются указания на группы служилых людей — конных и пеших.

Сохранились городовые списки Тюмени за 1670/71 и 1672/73 гг., где есть, в частности, не только имена и фамилии служилых людей, но и указания на оклады и виды обязанностей. По замечанию Н.Н. Оглоблина, список по Тобольску за 1702 г. содержит имена лишь поверстанных (с окладами) тогда детей боярских.

Как говорится в «Обозрении…», все списки содержали и описания укреплений, однако, если список был кратким, то эти описания заменялись перечнем «наряда». В тех случаях, когда краткий список включал перечень наряда и зелейной казны, он именовался «росписью наряда» и «оружейным списком». К таким спискам исследователь отнес росписи Тары за 1625/26 и Томска за 1654/55 гг.

Список по Кузнецку (1652/53 г.) содержал роспись «огненного» наряда и пушечных запасов, с последующими сообщениями об их расходовании.

Н.Н. Оглоблин причислил к городовым спискам и роспись за 1651/52 г. Илимского острога [1, с. 34].

Историк указал на отличия городовых списков XVII и XVIII вв. В списках XVIII столетия имелись новые статьи, к примеру, список по Нерчинску за 1708 г. включал данные о количестве посадских людей (с обозначением видов несения ими службы и обложения их налогами), сведения о численности крестьян (с данными о государевой пашне, денежных оброках, натуральных повинностях), приходе и расходе денежной казны.

Учёный отметил, что городовые списки XVII-XVIII вв. зачастую назывались «перечневыми сметами» («перечневыми росписями», «перечневыми списками»), встречались среди них и такие, которые состояли всего из одного какого-либо перечня, например, прихода и расхода денежной казны. Таковы «перечневая смета» Иркутска за 1692/93 г., Томска за 1693/94 и 1695/96 гг., Пелыма за 1695/96 г. Однако это были исключения. В основном городовые списки содержали описания укреплений, перечни «наряда», количества служилых и посадских людей, крестьян. Н.Н. Оглоблин писал, что «перечневые» от «городовых» отличались более подробным изложением статьи о приходе и расходе разного рода казны — денежной, хлебной и другой, как в перечневых сметах Тары и Тюмени за 1702 г.

По наблюдению историка, некоторые «городовые списки» и «перечневые сметы» содержали описания не только города, но и всех острогов соответствующего уезда. Так, в «городовом списке» по Верхотурью за 1704 г. налицо описания укреплений всех слобод уезда (Невьянской, Тагильской, Ницинской, Ирбитской, Аромашевской) [1, с. 35].

Аналогичной по составу была «перечневая смета» Илимска (1702 г.), включавшая описания городовых строений Усуцкого, Яндинского, Идинского острожков и 5 слобод под этим городом.

По указанию Н.Н. Оглоблина, перечневая смета Тобольска за 1702 г. содержала описания укреплений, казенных зданий, «наряда» по Тобольску, Ницинской слободе и другим слободам Тобольского уезда. Смета сохранила сведения о количестве служилых людей, посадских, пашенных крестьян, митрополичьих и монастырских людей. Сообщения о казне (денежной и хлебной) также имелись в смете, помимо данных о «церковных обиходов», судовых припасах и ясаке. Там, согласно «Обозрению…», вначале приводились данные по Тобольску, потом — относящиеся к слободам.

Как констатировал Н.Н. Оглоблин, роспись наряда и пушечных запасов Енисейска 1654 г. включала, в первую очередь, данные о «наряде», а следом и о Старом Братском, Новом Балаганском, Баргузинском и Ангарском острогах. Так, в этом документе сообщается о том, что сыном боярским П. Бекетовым были

переданы пушечные запасы в два новых острога на реке Шилке и на Игрене озере «в области Китайского государства» [1, с. 36].

В архиве Сибирского приказа Н.Н. Оглоблиным были выявлены и сохранились перечневые сметы городов Тобольского разряда. Эти перечневые сметы, отсутствовавшие по Томскому разряду, по указанию Н.Н. Оглоблина, стандартно содержали три типа сведений: о численности служилых людей, об их службе, о количестве наряда и пушечных запасов. Соответствующие документы также включали сначала сведения о Тобольске, далее — данные о других городах Тобольского разряда. Перечневая смета этого разряда за 1627/28 г. содержала описание укреплений и три пункта с данными о военном потенциале Тобольска, Тары, Тюмени, Пелыма, Томска, Сургута, Березова, Мангазеи, Верхотурья, Туринска, Нарыма, Кетска, Енисейска и Кузнецка. По замечанию Н.Н. Оглоблина, все представленные в смете города не были еще разделены между Тобольским и Томским разрядами.

Ученому встретились и такие перечневые сметы, которые содержали данные не об укреплениях городов, а только о служилых людях и количестве наряда (за 1632/33, 1637/38, 1646/47, 1659/60 гг.).

Перечневая смета за 1632/33 г., согласно «Обозрению…», включала сведения только о городах Тобольского разряда (Тобольске, Верхотурье, Пелыме, Туринске, Тюмени, Таре, Сургуте, Березове и Мангазее) [1, с. 37].

Н.Н. Оглоблин обратил внимание и на строельные книги городов (известные по Европейской России). Сведения такой книги за 1655/56 г., посвященной постройке Илимского острога, делились на 6 частей: сообщение о приезде в 1651/52 г. в острог воеводы Б.Д. Оладьина, краткое описание острога, подробное описание Спасской церкви, перечень церковной утвари, описание воеводского двора, съезжей избы и казенных анбаров. В книгу вошли данные о старом воеводском дворе, двух тюрьмах, пяти житницах, караульной избе, «мере кругом острога», — описание городских укреплений, сооруженных до Б.Д. Оладьина и при нем. Довольно подробными Н.Н. Оглоблин находил описания жилецких дворов за острогом, дворовых земель и ого-

родов с данными о месторасположении дворов и перечислением имен владельцев и членов их семей. Описание также включало сведения о наличии документов на землю (купчих, отводных, закладных кабал). Как писал Н.Н. Оглоблин, в данной строельной книге есть и описание мельницы с перечнем ее снастей.

Другая строельная книга — по Мангазее, уже перенесенной на новое место в 1672/73 г., как говорится в «Обозрении…», содержит описание укреплений и острога нового города, в том числе башен города на Турухане с их ориентиром относительно частей света [1, с. 38].

О постройке Енисейска сказано в строельной книге за 1666/67 г., включавшей, по Н.Н. Оглоблину, описание башен и укреплений. В той же книге, как подчеркнул Н.Н. Оглоблин, названы «ставившие» город воевода стольник К.А. Яковлев, стрелецкий и таможенный головы и другие лица, причем о всех них сказано, сколько саженей каждый из них выстроил.

В этой же книге, как писал Н.Н. Оглоблин, имелись данные о новых острогах, надолбах и засеках в Енисейском уезде с определением их расположения и занимаемой площади. Книга включала сведения об укреплениях и служилых людях, руководивших сооружением этих укреплений.

Сохранилась и «роспись Тюменскому городу и острогу худыми мастерами», датированная 1638/39 г. Как отмечено в «Обозрении…», «роспись» зафиксировала предписания воеводы о том, что нужно было завершить и доделать [1, с. 39].

Историю постройки Нарымского острога раскрывают следующие документы, перечисленные Н.Н. Оглоблиным: «доезд томского боярского сына Р. Старкова с товарищи, посланных в Киргизскую землю на устье Упсы реки» для осмотра местности под постройку нового острога» (за 1665/66 г.) и две росписи чертежей (1643/44 г.), отписка нарымскому воеводе, где сообщалось об отправке в Москву чертежа нового острога. Учёный констатировал, что сам чертеж не сохранился, а до нас дошла только «роспись чертежу» с описанием земель, где был построен острог, и топографии местности.

Н.Н. Оглоблин обнаружил также составленную в Тобольске по приказу разрядного воеводы стольника П.И. Годунова «рос-

пись чертежу» с подробным географическим описанием «Сибирской земли», в том числе городов, острогов и слобод [1, с. 40, 41].

Н.Н. Оглоблин обратил внимание и на сведения о городах, имеющиеся в дозорных книгах. Сохранилась такая книга по Верхотурью с уездом (1623/24 г.), где мы находим описания города, перечни лавок и поповских дворов, двух житниц, гостиного двора, воеводских дворов и их хозяев, приведены имена посадских и служилых людей, а также подведен итог подсчету всех дворов в городе — 109. В книге, которая донесла до нас подробное описание Никольского, Покровского, Архангельского монастырей на реке Тагиле, имелись данные о строителях, владельцах, сроках постройки, о расстоянии до ближайшего «святого места», пригодности земли для пашни, количестве деревень [1, с. 293, 294]. Эта верхотурская книга содержала и сведения о 49 захребетниках и бобылях, посадских людях и пашенных крестьянах, перечень их дворов и имена членов их семей, даже сведения о наличии домашних животных.

Следующая рассмотренная в «Обозрении…» дозорная книга по Пелыму и Пелымскому уезду (1624/25 г.) сохранила наказ тобольскому воеводе-боярину князю Ю.Я. Сулешову, тюменскому сыну боярскому Н. Молчанову с подьячими, предписывавший осмотреть и описать город, наряд, церкви, угодья, пашни, перечислить крестьян, служилых людей, определить возможность увеличения государевой пашни и количестве обрабатывающих ее крестьян. Описание Пелыма содержит данные о городах, башнях, строениях, церквах, укреплениях, перечни государевых лавок, лавок приезжих людей, пашень, саженных покосов, перечень пашенных крестьян, а также описание Табаринской волости с имуществом и укреплениями. Н.Н. Оглоблин заметил, что в последнем описании есть сведения о государевой пашне у вогулов (75 человек). Данный раздел дозорной книги содержал подробное описание способа пашни вогулами — «полосами, а не десятинами» [1, с. 295, 296]. В дозорную книгу вошло также описание других различных пашень и сенных покосов с перечислением количества закрепленных крестьян.

Н.Н. Оглоблиным рассмотрена и дозорная книга Тары и ее уезда (1623/24 г.) — список с копии тарских дозорных книг «письма и дозору В. Тыркова» и подьячего Г. Ерофеева. Ученый указал на то, что подлинные книги забрал воевода-боярин князь Ю.Я. Сулешов при отъезде в Москву. Книга содержала подробное описание города, пушечных запасов, казенных зданий, в том числе житниц, описание Успенского собора, перечисление дворовых и служилых людей.

По указанию Н.Н. Оглоблина, подобно другим книгам, дозорная книга Тары и ее уезда включала подробное описание острога с нарядом. В данной дозорной книге налицо описание Борисоглебской церкви, Спасского монастыря, девичьего монастыря Прасковьи-Пятницы с перечнем келий и служительниц монастыря, гостиного двора и лавок, перечислением духовных и служилых людей, посадских людей, приведены перечни дворов служилых людей. Описание государевой пашни возле Тары, по замечанию Н.Н. Оглоблина, содержало также перечень крестьян — как опальных, так и местных [1, с. 297].

Составитель этого описания утверждал, что невозможно увеличить количество крестьян и земли, ибо местные жители недовольны и своими пашнями, их еще не распахали. В дозорной книге также шла речь о рукодельных работах крестьян на своей земле (изготовление веников, заготовка дров, выращивание солода и варение пива). В дозорную книгу были включены сведения о 60 запустевших десятинах пашни, которую пахали, а затем покинули казанские, лаишевские и тетюшские переведенцы. (Их, согласно грамоте царя Бориса, отправили в Туринский острог). Дозорная книга содержала и описи деревень, пашен и займищ других служилых людей. Были описаны и бухарские пашни вниз по Иртышу, с подробным перечислением бухарцев по дворам вдоль озера [1, с. 298].

Н.Н. Оглоблин остановился и на переписной книге Тобольска за 1622/23-1623/24 гг., с перечнем дворов, лавок, описанием укреплений и церквей, монастырей, казенных зданий (в городеи остроге). Автор «Обозрения…» находил, что эта книга была подобна дозорной, как и переписная книга Тюмени за 1623/24 г., составленная письменным головой Н.Н. Беглецовым и подьячим

Т. Васильевым. В книге основное внимание уделяется перечням жителей, в связи с чем, Н.Н. Оглоблин отнес ее к дозорным. Книга включала описания городских укреплений, угодий, мельниц, рыбных ловлей с обозначением их местонахождения [1, с. 73].

Подобными документами Н.Н. Оглоблин признал переписную книгу Тобольска за 1698/99 г., составителем которой являлся дворянин И.Р. Качанов, и переписную книгу Иркутска за 1699/1700 г. Кроме «росписи» укреплений, дворов города, церквей, описания дворов служилых и посадских людей, перечисления имен и хозяев, мужского и женского населения, в этих книгах говорилось о возрасте детей [1, с. 75].

Н.Н. Оглоблину была известна и переписная книга Бельского острога Иркутского уезда за 1699/1700 г., в которой, помимо перечисления укреплений, дворов крестьян и жителей острога, приведены, как и в других книгах, данные о женщинах и мужчинах.

Н.Н. Оглоблиным также рассмотрена переписная книга Балаганского острога за 1692/93 г., составленная сыном боярским Ю. Серебренниковым в связи с его переводом из Иркутского уезда в Енисейский. Книга, что отмечалось в «Обозрении…», содержала перечни наряда пушечных и других припасов, имена ясачных людей, «тянувших» к острогу.

Н.Н. Оглоблин выявил переписные книги тобольского дворянина И.С. Полозова и подьячего Я. Лаптева. Позднее эти книги вошли в состав целых сборников документов по острогам и слободам Тобольского уезда. Книги содержали, как обычно, описание укреплений, перечень церквей, казенных зданий, именные списки служилых и жилецких людей острогов и слобод Тобольского уезда, их пашен и угодий.

В «Обозрении…» сказано и о четырех переписных книгах за 1710 г., где имеются данные о селах и деревнях с перечнем мужского и женского населения. Описание Буткинской, Беляковской, Углецкой и других слобод вошло в книгу, составителем которой был тобольский дворянин И. Томилов. Дворянин московского списка А.И. Порфентьев описал Салтысарайскую, Масленскую, Волховскую и другие слободы [1, с. 75], а тобольский дворянин

по выбору В. Савинов — Усть-Миасскую, Окуневскую, Чумляцкую и другие слободы. Тобольский дворянин жилецкого списка Ф. Протопопов оставил описание Туринской, Нижней Ницинской и Верхней Ницинской слобод.

Последними по времени возникновения переписными книгами, где речь шла об укреплениях сибирских городов и острогов, Н.Н. Оглоблин назвал переписные книги мужского населения острогов и слобод Тобольского уезда с их селами и деревнями(1719 г.), и переписные книги Уктуских медных и Каменных железных заводов. Эти документы включали обильные данные по каждому острогу, слободе и заводу и были составлены разными лицами.

Помимо переписных книг со сведениями об укреплениях, о датах постройки и населении, Н.Н. Оглоблин рассмотрел и переписные книги, зафиксировавшие только служилое, посадское и крестьянское население [1, с. 76].

Историком рассмотрена «опись Илимскому городовому и всякому строению с чертежом города» (1703 г.). К ее созданию относится отписка илимского воеводы Ф. Качанова об отправке в Сибирский приказ чертежа города и описи чертежа. Опись содержала чертеж Илимска на трех листах [1, с. 78].

К документам об основании новых городов и острогов Н.Н. Оглоблин счел возможным отнести «дело о посылке из Москвы Андрея Дубенского в Качинскую землю на Красный Яр» за 1626/27 г., посвященное основанию Красноярска и началу там воеводского управления. В дело вошли отписки Дубенского, тобольских и других воевод, грамоты и челобитные.

Образованию Якутского (Ленского) уезда посвящено указанное Н.Н. Оглоблиным обширное дело 1637/38-1640/41 гг., со сведениями о первых воеводах стольниках П.П. Головине, М.Б. Глебове, дьяке Филатове и письменном голове В. Пояркове, которые руководили постройкой города с целью последующего сбора ясака на реке Лене [2, с. 34].

Н.Н. Оглоблин описал дела об укреплениях и «починке» Тобольского (за 1628/29 г., 1637/38-1700/1701 гг.) и Томского (за 1631/32 г.) острогов. В оценке Н.Н. Оглоблина данные дела освещают историю крепостей за три четверти столетия. Соответ-

ственно наименованиям дел они содержали подробные описи укреплений. Томское дело, кроме того, сохранило сведения об отправке денег для ремонта укреплений из Казани, что подтвердила грамота ее воеводам [2, с. 46].

Среди документов о городах Н.Н. Оглоблин выделил дело о перенесении Мангазеи, которое проводилось в 1670/71-1672/73 гг. Ученый отметил, что мысль о необходимости перенесения города в Туруханское зимовье возникла у служилых и жилецких людей еще в 1663/64 г. Сохранились «сказки» воевод, служилых, торговых, промышленных и жилецких людей о выборе нового места для Мангазеи. Как писал Н.Н. Оглоблин, указ о таком перенесении появился в 1670/71 г., а закладка города на новом месте состоялась 12 июня 1672 г.

В «Обозрении…» сообщается также о перенесении Якутска в 1683/84 г. вверх по реке Лене на 700 саженей от старого острога под руководством воеводы стольника И. Приклонского. К завершению постройки нового острога был причастен преемник Приклонского генерал М. Кровков. При этом обнаружилось недовольство перенесением города в бытность на якутском воеводстве Приклонского. К документам о перенесении города на новое место приложен также сыск (1687/88 г.) сменившего Кровкова стольника П.П. Зиновьева, составившего роспись нового города с обстоятельным описанием укреплений [2, с. 45].

Таким образом, в «Обозрении…» Н.Н. Оглоблина нашли широкое отражение содержание городовых, переписных, дозорных и строельных книг, других дел о состоянии городов Азиатской России. Эти документы, с точки зрения ученого, могли использоваться воеводами и правительством в практике управления Сибирью, особенно в целях сбора ясака и других налогов, поскольку содержали разнообразные сведения о географии и экономике восточных уездов России.

Примечания

1. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.) / сост. Н.Н. Оглоблин. — Москва, 1895. — Ч. 1. Документы воеводского управления.

2. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.) / сост. Н.Н. Оглоблин. — М., 1900. — Ч.3. Документы по сношениям местного управления с центральным.

3. Силаева, И.А. По тысячам архивных документов… (Проблемы истории Сибири конца XVI — середины XVIII веков в научном наследии Н.Н. Оглоблина) / И.А. Силаева. — Шадринск: Дом печати, 2015.

4. Силаева, И.А. Н.Н. Оглоблин и Российское историческое сибиреведение рубежа XIX-XX вв. / И.А. Силаева. — Шадринск: Шадринский Дом печати, 2020.

Я.Г. Солодкин

О нескольких спорных вопросах «Ермакова взятия» «Кучумова царства»

Немало проблем знаменитой казачьей эпопеи, положившей начало крушению Сибирского юрта, до сих пор остается дискуссионным, главным образом в силу ограниченности круга источников, особенно документальных, и излишнего доверия к сообщениям многих среди них, прежде всего поздних, к примеру, Ремезовской летописи (далее — РЛ) рубежа XVII-XVIII вв. Три такие проблемы мы попытаемся рассмотреть в настоящей статье.

Недавно И.В. Балюнов посчитал, что «первое крупное сражение между войсками хана Кучума и дружиной Ермака» произошло близ Искера (Кашлыка), на Чувашевом мысу [3, с. 14; 4, с. 19]. После этого сражения, как утверждал В.В. Трепавлов, казаки вторично разбили хана в декабре 1582 г. возле Абалака. (Вернее, не хана, а его племянника султана Маметкула или Мамет-Кула.) Омские археологи А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров, говоря о начале похода Ермака, упомянули лишь про захват и грабеж казаками татарских поселений по Туре и Тоболу [12, с. 215, ср. с. 208; 41, с. 19]. (Те же исследователи обратили внимание на то, что сибирские летописцы, рассказывая о решающей битве «под Чювашею», из представителей татарской знати назвали одного Маметкула. Но полагать на этом основании, что их там вопреки распоряжению Кучума и не было [12, с. 217, и др.; ср. 13, с. 128], думается, опрометчиво, если учитывать происхождение «исторических повестей» о «Сибири и о Сибирском взятии».) Утверждение Д.М. Исхакова и З.А. Тычинских, будто Ермак с Туры перешел на Тавду, в устье которой нанес очередное поражение татарам [13, с. 127; ср. 24, с. 24], следует отнести к домыслам, да и в Тавду, заметим, можно попасть из Тобола. (У впадения Тавды в Тобол казакам лишь удалось взять в плен ханского придворного Таузака [25, с. 51, и др.].)

Согласно свидетельству архиерейского дьяка Саввы Есипова, воспроизведенному многочисленными редакторами его летопи-

си, «сече злой» или «брани велией» у засеки около Искера (в синодике «ермаковым казакам» (далее — С), заключающем самую раннюю тобольскую летопись, говорится про «бой велик» «на брегу под Чювашею») предшествовала такая же «брань» возле урочища Бабасаны (Басан, Бабачани), что на Тоболе, где казаки «побиша поганых множество» и обратили их в бегство [25, с. 33, 38, 52, 83, 92, 109-110, 121, 131, 181, 240, 306, 360; см. также: 29, с. 19-20, 66, 100, 323, 414; 31, с. 161; 33, с. 31, примеч. 72], и не стоит принимать ее за мелкую стычку, как поступили А.С. Зуев (в одной из статей), Д.М. Исхаков и З.А. Тычинских [8, с. 536; 13, с. 127]; С.У. Ремезов, впрочем, объявил это «побоище» пятидневным, но, скорее всего, без всяких оснований. (Е. А. Рябинина почему-то писала о сражении ермаковцев с ополчением лучшего военачальника Кучума царевича Маметкула поблизости от Бабасанских юрт лишь предположительно [43, с. 257].) Нужно, впрочем, учитывать, что нередко выражение «велия (великая) брань» и т.п. являлось трафаретной формулировкой, стилистическим клише. Так, в сибирских летописях, начиная с «тетрадей» Саввы Есипова, и «Подлинном аписании Сибирского государства городом и островом (точнее, острогом. — *Я.С.*), и рекам, …» говорится о великих (порой превеликих) реках Оби, Лене, Енисее и Амуре, великом озере Байкал, великом «Камне», великом «камении», жалованье, «урядстве», падении, собрании, страхе, плаче, сраме, дожде, ополчении, воинстве, множестве (воинов), богатстве, изобилии, голоде, огне, пожаре, пламени, дыме, мятеже, радении, «осторожестве (остерегательстве)», «доволстве», дереве, «утеснении», океане, пути, зное, росте, о великой радости, отраде, чести, сече, победе, смуте, казне, корысти, корме, печали, горе, засеке, крепости, ревности, ярости, милости, боязни, «пре» (распре), нужде, тщете и гибели, шкоте и беде, о великих людях, мужах, дарах, данях, щуках, карасях, «крепях», льдах, степях, горах и лугах [25, с. 32-34, 36, 38-40, 44-46, 59, 60, 63, 71, 73, 74, 76-78, 81, 94, 103, 106, 107, 110, 111, 113, 114, 118-121, 124-126, 129, 131,134-136, 138, 142, 144, 147, 151-153, 159, 163, 165, 173, 178, 179, 191, 195, 212, 214, 222, 240, 241, 243, 246-251, 254, 257, 258, 279, 280, 282, 287, 288, 299, 359, 378, и др.; см. также: с.220, 380, 381].

Тюменские археологи Н.П. Матвеева и О.М. Аношко сочли, что урочище Бабасаны «упоминается в источниках как место сбора татарской дружины под руководством Маметкула» [18, с. 20]. Вернее, подвластные Кучуму татары, остяки, вогулы «и прочая «языцы», когда стало известно о вторжении «руского полка», должны были, о чем писал Есипов, по требованию хана явиться «во град Сибирь» (Искер, Кашлык), дабы «мужески ополчитися про[ти]во нашедших» [25, с. 52, ср. с. 33, 38, 92, 110, 121, 131, 181, 240, и др.; 31, с. 122, примеч. 3; 32, с. 13], очевидно, не туда, как представлялось Я.В. Пилипчуку [24, с. 24, 25; ср. 25, с. 121], а к этому городу, ибо он едва ли мог вместить многочисленное войско [30, с. 47; 43, с. 257-258, ср. с. 185]. (Вопреки мнению В.В. Трепавлова, «великое собрание», о котором идет речь в позднем Румянцевском летописце, а также, заметим, в Титовском виде и Лихачевской редакции вышедшей в 1636 г. из-под пера Есипова «истории», — отнюдь не население Искера, а ополчение татар, видимо, бека Сейдяка, преградившее путь к бывшей ставке Кучума рати И.А. Мансурова. В поздних редакциях Сибирского летописного свода при этом говорится о «превеликом собрании», а не «таковом», как, причем уже в третий раз, у Саввы Есипова и многих других тобольских «слогателей» XVII — начала XVIII вв. [25, с. 34, 40, 52, 53, 64, 83, 121, 251, 311, 364, и др., ср. с. 33, 38; 42, с. 158]. Про «велие собрание» и «собрание велие», кстати, сказано в Летописной книге о Смутном времени, известной создателю протографа самых ранних из сохранившихся «исторических повестей» о «Сибирском взятии». Это выражение встречается и во многих документах начала XVII в. [1, с. 253, 260, 262-266; 23, с. 402, 416, и др.], т. е. представляет собой литературный штамп.)

«Бранью велией» автор Основной редакции Есиповской летописи (далее — ОЕЛ) вопреки свидетельству С назвал и «дело» у Абалацкого озера, где отряд Маметкула истребил станицу есаула Богдана Брязги [25, с. 53, 57, 71, 380]. (В С о сражении в «улусе» мирзы Бабасана, которое Г.Ф. Миллер считал в ходе прославленной экспедиции «главнейшим и важнейшим», умалчивается — или потому, что из этого «бранного ополчения», видимо, первой половины — середины октября 1582 г., ермаковцы

вышли без потерь, или, причем скорее, поскольку к осени 1621-1622 гг. — времени создания «помянника» атаманов и казаков, основанного на сведениях «написания» (далее — Н) участников «Сибирского взятия», — среди них уже не осталось тех, кто «дрался» «с татары Кучюмовыми» в самом начале «пошествия» за «Камень» либо помнивших о бое, состоявшемся в канун битвы у Чувашева мыса, возле городка мирзы Атика. (Д.М. Исхаков, кстати, напрасно приписал Есипову сообщение о местности «Чуваш-тура» [12, с. 747].) Примечательно, что о считающейся ожесточенной [12, с. 218; 13, с. 128, и др.] битве вблизи Искера умалчивается в скопированном по заданию Г.Ф. Миллера в Тобольске перечне атаманов и казаков, павших в пору «Ермаковой эпопеи» [25, с. 78], — перечне, который есть основания принять за казачье Н. Возможно, при копировании данного текста соответствующий фрагмент был пропущен, как имя одного из участников «Сибирского взятия» [31, с. 85, 159, 210-211, и др.] и указание на место гибели Ермака и семи его соратников.)

В нескольких вторичных разновидностях ОЕЛ «подчювашская брань» считается четвертой по счету, а первым таким «делом» однажды названо не это сражение, как в С, а состоявшееся в Бабасанах. Но в Погодинском летописце (далее — ПЛ) сказано о еще более раннем столкновении (по мнению А.Т. Шашкова, с заставой «кучумлян») у Епанчина (деревни, или, на взгляд ряда историков, городка), где волжские казаки «языка тотарского не изымаша» [12, с. 166, 397; 25, с. 130, 181, 182, 232, 241, 301, 302, 307, 360, 380; 43, с. 186, 257]. В Лихачевском летописце, где явно ощутима фольклоризация изображаемых событий, повествуется о боях на заставах у границ «Кучумова царства» и даже предшествовавших «сече» при Бабасанах «битве и боях великих», в частности, с войсками Пелымского княжества [25, с. 121], но, вопреки представлению Я.В. Пилипчука, эти показания лишены достоверности [24, с. 22, 25; 30, с. 66, 69, 72 и др.].

Думается, сражение близ урочища Бабасаны можно признать наряду с «подчювашской бранью» одним из двух главных, решающих в ходе сравнительно недолгой «Ермаковой эпопеи» [9, с. 694; 19, с. 20-22; 20, с. 484; 39, с. 99, и др.; ср. 32, с. 15, 53]. Разгромив в этих битвах «кучумлян», «руский полк» беспрепят-

ственно занял Искер, который сибирские летописцы единодушно считали столицей обширного юрта.

Не следует подобно С.С. Тихонову утверждать, что в первые недели «пошествия» за «Камень» «вооруженные … ратоборством» атаманы и казаки нанесли ряд «поражений сателлитам хана» [38, с. 177]. В то время, как и впоследствии, войска Кучума наверняка состояли главным образом из татар.

Недавно повторенный И.В. Упоровым взгляд известного омского этнографа Н.А. Томилова, что «буквально с первых месяцев похода Ермака … часть татар примкнула к его отряду», вскоре татары, накануне подвластные Кучуму, приняли российское подданство и стали служить московским государям [40, с. 87; ср. 12, с. 217], должен считаться очевидным заблуждением. Фактами такого рода за период до оставления Искера уцелевшими соратниками прославленного атамана, служилыми и даточными людьми во главе с И.В. Глуховым мы не располагаем [см., напр.: 12, с. 220, 774; 31, с. 135, примеч. 32; 43, с. 148, 260, 262, 299].

Как замечали Есипов и редакторы его «Сказания», покидая в панике Искер, властитель обширного юрта взял «мало нечто от сокровищ своих (нечто взя от сокровищ своих, сколко возможно, от казны своея царъския)», о чем писал и ряд сибирских исследователей [12, с. 884; 13, с. 392; 25, с. 33, 39, 55, 84, 93, 111, 132, 182, 243, 307, 361, ср. с. 112]. По утверждению А.Г. Нестерова, в этом городе казакам достались «огромные запасы пушнины». Н.М. Мельников, М.М. Чореф и Е.А. Рябинина повторили известие Строгановской летописи о захвате ермаковцами также золота и серебра [12, с. 208; 19, с. 22; 26, с. 23; 43, с. 257, 258; 46, с. 12]. В.В. Трепавлов со ссылкой на РЛ упомянул о том, что при вступлении в «царствующий град» Сибири «православным воям» достались богатства и хлеб [42, с. 34].

По словам Е.А. Рябининой, найденных ермаковцами в Искере «запасов, очевидно, было не настолько много, чтобы дать даже казачьему отряду перезимовать, не испытав голода», и в декабре 1582 г. русским пришлось «заниматься рыболовством» [43, с. 257]. Остяцкий князь Бояр появился там не спустя четыре дня после занятия этого города бесстрашной «дружиной», как уве-

ряли летописцы, а позднее [30, с. 21-22], и привезенные остяками с реки Демьянки запасы (якобы «в почесть» или в качестве ясака [25, с. 122; 31, с. 142, примеч. 18; 42, с. 33, примеч. 1; с. 158 и др.]) позволили Ермаку и его соратникам выжить в первую зиму, проведенную в Искере.

Хотя, как давно установлено, ОЕЛ и Основная редакция повести анонимного строгановского «историографа» «О взятии Сибирския земли …» восходят к одному протографу — согласно Р.Г. Скрынникову, ранней летописи, сложившейся в столице «русской» Сибири, показания тобольского и сольвычегодского книжников об обстоятельствах бегства Кучума из Искера зависят от другого источника либо кто-то из них, скорее всего выполнявший заказ именитых людей Строгановых, использовал сочинение, оставшееся другому летописцу неизвестным или же в данном случае обойденное его вниманием.

Г.Ф. Миллер считал, что, покидая Искер, хан забрал с собой все драгоценности. На взгляд Б.И. Галязимова, Кучум бежал из своей столицы, прихватив золото и серебро [6, с. 166, 167; 20, с. 226; ср. 33, с. 14, примеч. 19]. Хан мог вывести оттуда драгоценности еще до бегства из Искера, который не решился оборонять [34, с. 64]. К тому же, с точки зрения Д.Н. Маслюженко, этот город служил лишь временной, условной, номинальной ставкой, летовкой на севере подвластных Кучуму земель. (В летописях, тем более XVI в., отнюдь не сообщается, как находила Р.Г. Буканова, о предметах роскоши, которыми славился Искер [5, с. 41].)

К 1583 г. принято относить «хождение» ермаковцев, вероятно, во главе с атаманом Никитой Паном, в Обь-Иртышье и пленение «резвыми» казаками царевича Маметкула на Вагае, а также (спустя несколько месяцев) истребление являвшимся ранее ханским карачи-беком («думчим») Маметом или Мухаммедом отряда Ивана Кольца. Видимо, тогда же «православные вои» совершили как минимум еще один поход с целью объясачивания жителей центра прежних владений Кучума, возможно, побывав в Чимги-Туре (Чингидене). Скорее всего ко времени создания протографа ОЕЛ и даже С участников этой экспедиции либо помнивших о ней не осталось в живых, почему в дошедших до нас источниках соответствующих сведений нет.

Заметим, что Кучум, разгромленный у Чувашева мыса и лишившийся «царьства», бежал из Искера, в силу ряда причин [34, с. 60-64; 42, с. 14; 43, с. 257-258, и др.] отказавшись от попытки его оборонять, Ермак же с «товарством» (накануне оставшиеся без станицы Ивана Кольца, отправленного в разведку атамана Якова Михайлова и казаков, очевидно, собиравших ясак «по волостем и по улусом») в течение нескольких месяцев 1584 г. выдерживали там осаду, а потом, совершив вылазку, заставили войско Карачи со «срамом велиим» отступить.

В вышедшей из-под пера Саввы Есипова летописи, кстати, допущено противоречие, не обратившее на себя внимания ее многочисленных редакторов, да и ученых, в частности, А.А. Дмитриева, Р.Г. Скрынникова, А.Т. Шашкова, В.В. Трепавлова: то утверждается, будто вскоре после «пришествия» казачьих сотен в город Сибирь туда, в свои прежние дома, вернулись семьи (возможно, не один десяток) татар, то сказано, что ермаковцы и служилые люди покинули его пустым (вслед за гибелью «велеумного» атамана) [25, с. 33, 34, 39, 40, 56, 64, 84, 87, 93, 96, 111, 114, 123, 125, 132-135, 138; 30, с. 47, примеч. 63; 42, с. 53, 68, 158, 161, и др.]. (В ПЛ, однако, подчеркнуто: «руские люди вышли въсе» [25, с. 134; ср. с. 250, примеч. 31; с. 345]. Это замечание склоняет к допущению, что в Искере весной — в первые дни лета 1585 г. оставались татары, и в таком случае султан Али занял вовсе не пустой город, как думалось многим историкам, начиная с Г.Ф. Миллера [см., напр.: 13, с. 130; 42, с. 68], — город, который накануне предположительно по заданию отца блокировал). Быть может, однако, при подходе Карачи к Искеру казаки изгнали оттуда прежних обитателей ханской столицы, кроме захваченного в плен Маметкула и его слуг. Оригинальное известие Абрамовской редакции летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде» про татар, находившихся в Искере во время его осады Карачей [12, с. 886; 25, с. 95], видимо, появилось в результате неудачной правки сочинения Есипова. Ведь в ОЕЛ и во всех остальных, кроме только что названой разновидности этого «Сказания», говорится не о присоединении «поганых» к тем «бусурманам», которые стояли у «града», и вылазке казаков из кустов, а об отходе ермаковцев в Искер и их вы-

ступлении оттуда после бегства осаждающих в Саускан [25, с. 62, 87, 113,125, 134, 185, 248-249, и др., ср. с. 34, 40].

На взгляд В.В. Трепавлова, «никакой пользы для политической борьбы убийство Ермака татарам не принесло» [42, с. 36]. (Предпочтительнее, думается, говорить о его гибели.) Данный вывод нетрудно оспорить. Отряд стрелецкого головы И.В. Глухова, включавший главным образом оставшихся в живых ермаковцев, вернулся на Русь существовавшим с конца XV в. «Чрезкаменным» (Печорским) путем по Иртышу, Оби и Соби через Пустоозеро или Пустозерский острог [25, с. 133-135, ср. с. 73, 74; 29, с. 310], а не Чусовским, которым ханской резиденции достигли «Ермакова дружина» и рать князя С.Д. Болховского, миновав, в частности, Тагил, Туру и Тобол, ибо контроль над бассейнами этих рек весной 1585 г. мог вновь перейти к «кучумлянам» и союзным им угорским князцам. Вспомним также, что после оставления Искера русские, причем теперь уже служилые люди, появились в Сибири через три — четыре месяца исперва (во главе с И.А. Мансуровым) сумели закрепиться в Нижнем Приобье, а в 1586 г. заложили Тюменский острог возле пришедшей в упадок Чимги-Туры. Или при его основании, или в течение двух последующих лет (в пору воеводства В.Б. Сукина), как утверждается в челобитной сыновей видного тюменского татарина Маитмаса Ачекмасова (Азехматова), на которую ссылался и В.В. Трепавлов, «кучумляне» сражались с войсками московского царя, что противоречит заключению, будто после смерти Ермака хан «в течение 5 лет» не напоминал о себе администраторам Тюмени и «срубленного» год спустя Тобольска [20, с. 479; 31, с. 135, примеч. 32; с. 178, 193; 42, с. 36, 81, примеч. 1, и др.]. (Мнение, будто о Маитмасе умалчивается в письменных источниках [16, с. 365, комм. 63], — очевидная ошибка.)

Многие историки были убеждены в том, что с экспедиции Ермака началось образование Азиатской России, завоевание русскими сибирских территорий или же присоединение последних к Московскому государству, окончательное включение в его состав всей Западной Сибири, а то и «Закаменьской страны» вообще [8, с. 535; 10, с. 87; 11, с. 102; 12, с. 208; 13, с. 127; 15, с. 65; 17, с. 21; 27, с. 333; 28, с. 214; 31, с. 3, 90, 178, 180, 183-186,

189, 191-194, 203-204, 215; 32, с. 6, 29, 88, 101, 109, 148-149, 154, 155, ср. с. 3, 64-65; 41, с. 21; 43, с. 261; ср. 13, с. 101; 42, с. 21, 23, и др.]. В.Н. Евсеев и А.П. Ярков приняли эту экспедицию за «яркий образец» «собирания» земель вокруг Московской Руси [7, с. 47; 47, с. 78; 48, с. 26], очевидно, не приняв во внимание, что и накануне, и в ходе «пошествия» малочисленного, что подчеркивалось летописцами, казачьего «товарства» за Урал оно действовало по решению круга [ср. 43, с. 130, 256], а отнюдь не в соответствии с волей Ивана IV либо его «освятованного» преемника Федора, да и «остальцы» «Ермаковой дружины» и отряда воеводы князя С.Д. Болховского в конце весны или начале лета 1585 г. были вынуждены отправиться из Искера на «Русь». (Оценка этой «единомысленной дружины», «взявшей» «за саблею» «Кучумово царство», как «по существу наемной» [47, с. 61], должна считаться односторонней. Выдавать же ее поход во владения сибирского «салтана» всего лишь за набег, хотя бы поначалу [9, с. 694; 10, с. 57; 12, с. 208; 43, с. 42, 256, 257] представляется неоправданным уже ввиду и численности бесстрашного «товарства», и продолжительности.)

Кстати, летописи вовсе не свидетельствуют о том, что С.Д. Болховский с головами, видимо, стрелецкими, И.В. Глуховым и И.С. Киреевым, подчинялись Ермаку (таково мнение В.Ю. Софронова) [36, с. 17, и др.; ср. 13, с. 129; 19, с. 73], да и отряд, включавший служилых и даточных людей нескольких уездов, если следовать ПЛ конца XVII в., прибыл в Искер уже после гибели «ратоборного» атамана увагайской перекопи [25, с. 133—135; 29, с. 40, 71, 156, 165, и др.; 30, с. 25; 33, с. 35, примеч. 97]. (Многие уникальные известия этой «Повести летописной», «откудуначяся царство бисерменское в Сибири …», об экспедиции Болховского, вероятно, основаны на ранних документах, отложившихся скорее всего в архиве Посольского приказа.) Кстати, не приходится вслед за Д.М. Исхаковым утверждать, что поход правительственных войск за Урал в 1584 г., — поход, во время которого Искер с прилегающими к нему территориями на несколько месяцев сделался частью России, — был предпринят по просьбе Ермака [14, с. 51].

Хотя эмблема Сибирского царства закрепилась в государственном гербе России не позднее 1583 г., а указания на завоевание русскими ханства Кучума встречаются в московской дипломатической документации с конца осени следующего года [44, с. 191; 45, с. 95, и др.; ср. 10, с. 133], процесс вхождения «землиц» Сибири в состав огромной державы, нередко считавшейся Новым Римом, развернулся уже после «хождения» Ермака «с товарыщи» за «Камень» [31, с. 12, 114, 185; 43, с. 212, ср. с. 16, 263], во время экспедиций князя С.Д. Болховского и И.А. Мансурова [35, с. 90-94, и др.]. Так, Н.И. Никитин заключил, что «коренной перелом в присоединении к России Северного Приобья» произошел (думается, однако, начался — *Я.С.*) с основанием Мансуровского городка в канун зимы 1585-1586 гг. [22, с. 490]. (Утверждения, будто Западная Сибирь стала частью Русского государства после окончательного разгрома Кучума в 1598 г. [2, с. 39; 37, с. 74] или же со времени строительства Тюмени в 1586 г.[21, с. 21], явно не отличаются точностью.)

Примечания

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. — Т. II-IV + 438 + 29 с.
2. Асфандияров, А.З. Основание города Уфы // Река времени. 2021. — Уфа: КнигаПринт, 2021. — С. 38-55.
3. Балюнов, И.В. Археологический отдел Тобольского губернского музея // Зыряновские чтения. Мат-лы Всерос. науч. конф. «XIX Зыряновские чтения». Курган, 2-3 дек. 2021 г. — Курган: Изд-во Курган.гос. ун-та, 2021. — С. 13-14.
4. Балюнов, И.В. «Русские вещи» с городища Искер // VIII Емельяновские чтения. Мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 75-летию образования Курганской области: г. Курган, 20 апр. 2018 г. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2019. — С. 19-22.
5. Буканова, Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. — Уфа: Изд-во «Китап» им. Зайнаб Биишевой, 2010. — 263 с., ил.
6. Галязимов, Б.И. Последние дни хана Кучума // «AUSSIBIRIEN — 2015». Научно-информационный сборник. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2015. — С. 166-168.

7. Евсеев, В.Н. О «Синодике Ермаковым казакам» // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием 25-28 окт. 2012 г. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. — С. 40-48.

8. Зуев, А.С. Ермак // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири». — Новосибирск, 2009. — Т. А-И. — С. 535-536.

9. Зуев, А.С. Присоединение Сибири к России // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. — Т. К-Р. — С. 693-698.

10. Зуев, А.С. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. / А.С. Зуев, П.С. Игнаткин, В.А. Слугина. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. — 444 с.

11. История Сибири: учеб.пособ. — Томск: Изд-во Томск.гос. ун-та, 1987. — 472 с.

12. История татар с древнейших времен: в семи томах. — Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. — Т. IV. Татарские государстваXV-XVIII вв. — 1080 с., ил.

13. История татар с древнейших времен: в семи томах. — Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. — Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI-XVIII вв.). — 1031 с., ил.

14. Исхаков, Д.М. Арские князья на службе у московских государей: походы в Сибирь // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств. Мат-лы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф.: г. Курган, 21-22 апр. 2017 года. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. — С. 49-52.

15. Кокшаров, С.Ф. Из опыта историко-археологических исследований Югры / С.Ф. Кокшаров, С.В. Горшков // Очерки истории Ханты-Мансийского округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). М.; Ханты-Мансийск: Проект «Академическая история Югры», 2020. — С. 62-66.

16. Кузнецов, Е.В. Сибирский летописец / под ред. С.Г. Пархимовича; сост. Ю.Л. Мандрика. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — 367 с.

17. Курносов, В.В. Роль аборигенных народов в завоевании Русским государством Западной Сибири // Пять столетий Югры. Проблемы и решения. Итоги и перспективы. Сб. науч. трудов / под общ. ред. А.В.

Спичак. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2022. — Вып. 3 (10). — С. 21-27.

18. Матвеева, Н.П. Проблемы и перспективы изучения сибирского похода Ермака на основе комплексного источниковедения / Н.П. Матвеева, А.М. Аношко // Присоединение Сибири к России: новые данные. Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень, 9-10 дек. 2014 г. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. — С. 16-26.

19. Мельников, Н.М. Ермак Тимофеевич Князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели. — Париж: Издание «Родимого Края», 1961. — 147 с.

20. Миллер, Г.Ф. История Сибири. — 2-е изд., доп. — Москва: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — Т. I. — 630 с.

21. Наш край в документах и иллюстрациях. — [Б.м.]: Средне-Уральское книжное изд-во, 1966. — 588 с.

22. Никитин, Н.И. Обский городок // Исторический лексикон. История в лицах и событияхXIV-XVI века. — Москва: Академкнига / Учебник; Знание, 2006. — Кн. 1. — С. 489-491.

23. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. — Москва: Художественная литература, 1987. — 616 с., ил.

24. Пилипчук, Я.В. Пелымское княжество манси в средневековой истории Сибири // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в средневековье и в новое время. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет, 18-22 окт. 2015 г. Тез. докл. и сообщ. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. — Вып. 1. — С. 22-26.

25. Полное собрание русских летописей. — М.: «Наука», 1987. — Т. 36. — Ч. 1. — 382 с.

26. Пять столетий Югры. Проблемы и решения. Итоги и перспективы: колл. моногр./ под общ. ред. проф. Л.В. Алексеевой. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. — Ч. V. — 269 с.

27. Романов, Р.Е. Тюменская область / Р.Е. Романов, Л.В. Лбова // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. — Т. С-Я. — С. 330-336.

28. Семенов, О.В. Правительственная связь на севере Западной Сибири в конце XVI-XVII вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). — Москва; Ханты-Мансийск: Проект «Академическая история Югры», 2020. — С. 214-228.

29. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). — Рязань: Изд-во «Александрия», 2008. — 10 + 1 + XXXI + 1 + 645 с.

30. Солодкин, Я.Г. «Беседуя к вашей любви …». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. — 330 с.

31. Солодкин, Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. — 234 с.

32. Солодкин, Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. — 170 с.

33. Солодкин, Я.Г. Сибирское летописание XVII — первой половины XVIII вв.: спорные и малоизученные вопросы. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2018. — 146 с.

34. Солодкин, Я.Г. Что заставило Кучума покинуть свою столицу без боя? (О некоторых источниковедческих аспектах изучения начала крушения Сибирского ханства) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф.: г. Курган, 21-22 апр. 2017 года. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. — С. 60-65.

35. Солодкин, Я.Г. Экспедиция князя С.Д. Болховского и начало присоединения Сибири к России (из истории «Ермаковой эпопеи») // Вестник Воронеж.гос.ун-та. Сер. История. Политология. Социология. — 2022. — № 2. — С. 90-96.

36. Софронов, В. Вехи сибирской истории. В 3-х т. — Тюмень: «Общество русской культуры», 2020. — Т. 2. Сибирское воеводство от возникновения до упразднения (XVII — начало XVIII вв.). — 429 с.

37. Татауров, С.Ф. К вопросу о формировании сибирских татар // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы II Всерос. науч. конф.: г. Курган, 17-18 апр. 2014 года. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. — С. 74-78.

38. Тихонов, С.С. Монография о Тюменском и Сибирском ханствах // Средневековые тюрко-татарские государства. — 2019. — № 11. — С. 174-178.

39. Токарев, С. Поход Ермака и завоевание Сибирского царства // Исторический журнал. — 1939. — № 1. — С. 94-102.

40. Томилов, Н. Сибирские татары // Прииртышье мое. — Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1990. — Ч. II. — С. 87-88.

41. Трепавлов, В.В. Проблемы вхождения Югры в состав России в отечественной историографии // История Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и ее исследование в отечественной и зару-

бежной историографии. — Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2021. — С. 20-22.

42. Трепавлов, В.В. Сибирские царевичи в истории России / В.В. Трепавлов, А.В. Беляков. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. — 496 с.

43. Тюменское и Сибирское ханства. — Казань: Изд-во Казан. федерального ун-та, 2018. — 560 с.

44. Фаизов, С.Ф. Казанский «дракон»: происхождение, морфологические и функционально-смысловые метаморфозы // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань: Изд-во «Ихлас»; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. — Вып. 3. — С. 155-196.

45. Чернышов, С.А. «Искони вечная вотчина государей наших»: легитимизация присоединения Западной Сибири к Русскому государству во внутренних и внешних коммуникациях московских царей // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган, 30-31 октября 2020 года. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. — С. 93-98.

46. Чореф, М.М. К вопросу о наличии денежного обращения в Сибирском ханстве // Вестник Сургут. гос. ун-та. — 2014. — Вып. 3 (5). Гуманитарные науки. К 420-летию Сургута. — С. 9-13.

47. Ярков, А. «Литовские ж люди белорусцы» // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Белорусы в Сибири. — Тобольск: Издание Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2019. — Т. 1. — С. 57-86.

48. Ярков, А.П. Сибирь и первые Романовы // Пятнадцатые Романовские чтения. Всерос. научно-практ. конф. (Екатеринбург — Алапаевск, 16-17 июля 2015 года). — Екатеринбург: Изд-во «Квадрат», 2015. — С. 25-32.

В.Ф. Струсь, Л.М. Завьялова

Самарьяне-благодетели в истории Ханты-Мансийского района

В историю Ханты-Мансийского района одноименного автономного округа — Югры, на территории которого в дореволюционный период располагались селения Самаровской, Филинской волостей Тобольского уезда, Елизаровской волости Березовского уезда, вплетены имена зажиточных крестьян, оставивших заметный след на земле во благо людей.

Среди них Василий Трофимович Земцов (ок. 1831-1901), пионер консервного производства в Тобольской губернии, житель села Самаровского, учредивший и содержавший «на свои собственные средства школу для обучения местного населения улучшенным способом готовить рыбув консервных целях, для поднятия таким путем экономического состояния жителей северной части Тобольской губернии».

Не менее значительный вклад внесли в развитие Тобольского Севера и уроженцы с. Базьяновского Самаровской волости братья Башмаковы Илья, Василий и Константин — представители семейного клана рыбопромышленников и торговцев, откликавшиеся на общественные нужды.

Отметим, что имена вышеупомянутых лиц впервые открыл читателю известный в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре краевед-исследователь, журналист Валерий Константинович Белобородов (1936-2016), заполнивший многие белые пятна в истории округа дореволюционного периода [2, с. 32-44, 45-49].

Не обошел тему благотворительности и один из авторов данной статьи — Владимир Струсь, который на протяжении уже двадцати двух лет собирает информацию и пишет историю своей малой родины — села Зенково Ханты-Мансийского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Так получилось, что в этой летописи, основанной на архивных документах и воспоминаниях старожилов, автору пришлось раскрыть не только историю села Зенково, но и затронуть историю его сосе-

дей — сёл бывшего Зенковского куста, в частности, села Селиярово, история которого тесно и неразрывно связана с историей села Зенково. Ну, а само село Селиярово, в свою очередь, неотделимо от имени известного в конце XIX века на Тобольском Севере купца Рязанцева, о котором и пойдёт речь в данном исследовании.

С именем селияровского купца Евгения Рязанцева у современных исследователей Югры в настоящее время наблюдаются досадные разногласия. Как у начинающих журналистов, так и у маститых акул пера. Зачастую и те, и другие, особо не углубляясь, многократно множат непроверенную и искажённую информацию, порой даже идущую к нам в таком виде из глубины веков. Нередко причина досадного искажения кроется в небрежности почерка предшественников, в не знании конкретных мест и фамилий.

Н.А. Балюк в своих работах упоминает рыбопромышленника Самаровской волости конца 1890-х гг. Рязанцева Е.Д. (а не Е.А.). Разумеется, тот, кто знаком с архивными документами, в которых фигурирует имя Евгения Акимовича Рязанцева, догадается, что здесь имеет место просто небольшая ошибка, и речь идёт именно о селияровском Рязанцеве [1, с. 192].

В другом случае некоторые авторы публикаций, ссылаясь на книгу Х. Лопарева «Самарово», приписывают Рязанцеву собственный пароход, прошедший из Тобольска в 1860 г. через Самарово в Берёзово. Данный факт, пожалуй, требует уточнения, так как у Х. Лопарева в книге указан всё-таки купец Рязанов [10, с. 58].

Размещая данную информацию, Хрисанф Лопарев ссылался на «Списки населённых мест Тобольской губернии по сведениям 1868-1869 годов», в которых по этому поводу было указано: «*<…> в 1858 году купец Рязанов получил 10-летнюю привиллегию (*так в источнике — *авт.) на пароходное плавание между Тобольском и Берёзовым; он составил компанию и выстроил пароход в 36 сил на Екатеринбургском механическом заводе. Пароход этот в 1860 году совершил первый рейс к Березову, впрочем, весьма неудачный по причине дурной его конструкции…*» [12, с. XXX].

Вероятно, тут, действительно, речь идёт о солидном купце Рязанове, установить имя которого и факт его реального существования — это просто вопрос времени. Но даже, если предположить, что речь идёт о «нашем» Рязанцеве, то, забегая вперёд, можно твёрдо утверждать — ну не мог 24-летний юноша из деревни, крестьянского сословия основать пароходную компанию и построить пароход. К тому же, во всех изданиях о Тобольском Севере, архивных документах, и в показаниях его сына Евстафия во время допроса сотрудниками НКВД даже и намёка не было о пароходном увлечении Рязанцева-старшего.

Далее-более… Некоторые авторы-журналисты называют купца Рязанцева активным участником восстания 1921 г., не учитывая и не ведая о том, что если бы он и дожил до этих дней, то активному борцу за «Советы без коммунистов» исполнилось бы 87 лет. Но умрёт Евгений Рязанцев задолго до восстания...

Так кто же всё-таки скрывается под ярлыком «купец Рязанцев»? И имел ли названный «купец» действительно купеческое сословие?

Данные исследований по этому вопросу основаны на документах государственных архивов г. Ханты-Мансийска, Тобольска, Тюмени и архивных материалах ФСБ Тюменской области. Возможно, и в этих документах не всё точно и гладко. И прежде всего понятие «купец Рязанцев» тесно взаимосвязано с его преемниками — сыновьями.

Перепись населения (ревизская сказка) 1850 г. не выявила в селе Селияровском Тобольского уезда Тобольской губернии жителей с фамилией Рязанцевы. И если взять во внимание данные рождения сына Е.А. Рязанцева — Евлампия, родившегося 6 октября 1860 г. в селе Селияровском (дальнейшая судьба которого пока неизвестна), то можно предположить, что появился Рязанцев в Селиярово в период с 1850 по 1860 г.

Евгений Иоакимович (Акимович) Рязанцев, православного вероисповедания, родился в 1834 г. в селе Любичи Ловецкой волости Зарайского уезда Рязанской губернии [6, 32-32 об.], в настоящее время входящее в состав Луховицкого района Московской области. Сословием происходил из государственных крестьян. Образование получил в сельском училище. Каким ветром

судьба занесла его из центра России на Тобольский Север? Можно предположить, что прибыл сюда не по доброй воле, а на поселение. В это же время в селе Самаровском поселился младший брат Евгения — Андрей Акимович Рязанцев, 1845 г.р., положивший начало самаровским Рязанцевым.

Рязанский крестьянин Евгений Рязанцев оказался оборотистым малым, и уже вскоре о нём заговорили как о представителе окрестного купечества. В историю Самаровской волости Евгений Акимович Рязанцев войдёт не только как крупный рыбопромышленник, но и как благодетель нивы Просвещения.

Летом 1873 г. самаровские и окрестные зажиточные крестьяне решили увековечить в памяти села Самарово недавнее посещение их Августейшей царской особой, Его Императорским Высочеством Великим князем Алексеем Александровичем, совершавшим поездку по Сибири. С этой целью ими были внесены пожертвования на сумму в три тысячи рублей с образованием стипендии имени Великого Князя, с последующим воспитанием в Тобольской гимназии на проценты от этой суммы представителя Самаровской волости. «*Вот имена этих просвещенных благодетелей, которыя не назвать было бы преступлением: во-первых Василий Трофимович Земцов и его двоюродный брат Евгений Акимович Рязанцев, затем Василий и Иван Ивановичи Мурины, Николай Григорьевич Шеймин, о. Нестор Иванович Вергунов, Иван и Александр Григорьевичи Кузнецовы, Илья Васильевич Башмаков и другия лица, которым позже Его Императорское Высочество, изволил выслать или свои фотографические портреты или серебряные часы с надписью (напр.: «От Его Императорского Высочества Великаго князя Алексея Александровича Александру Григорьевичу Кузнецову»), а кормчему и гребцам было послано позже по красной рубашке*» [10, с. 64]. Хотя конкретно не зафиксировано, но, учитывая, что в списке благодетелей их имена стоят первыми, с большей вероятностью можно предположить, что именно Рязанцев Евгений Акимович, как и его двоюродный брат, крупный самаровский рыбопромышленник Василий Трофимович Земцов, получил в подарок один из двух предметов.

Проявил себя Евгений Рязанцев благотворительной деятельностью на просветительской стезе и в своём родном селе. В 1888 г. он подаёт прошение Его Преосвященству Владыке Тобольскому и Сибирскому с просьбой назначить в Селияровскую церковно-приходскую школу правоспособную учительницу. От себя Евгений Рязанцев пообещал предоставить учительнице помещение, стол (пропитание) и 50 рублей деньгами на ежегодное жалование. К тому же прошению приложил проситель 12 рублей, необходимых для проезда учительницыиз Тобольска в село Селияровское.

Приводим полный текст прошения Евгения Рязанцева:

«*Его Преосвященству, Преосвященнейшему Аврамию, Епископу Тобольскому и Сибирскому. Крестьянина села Селияровского, Тобольской губернии и округа, Самаровской волости, Евгения Акимова Рязанцева.*

Покорнейшее прошение

Во исполнение Высочайшей воли Монарха о распространении религиозно-нравственного просвещения юношества, по настоянию о. Благочинного с местным причтом в селе нашем с сентября 1885 года значится открытою церковно-приходская школа, для помещения которой обществом отведено особое здание. Но школа эта не принесла и не приносит желанных результатов. Прихожане, коих в селе Селияровском более 1500 душ обоего пола, при всем своем желании отдавать в нее для обучения грамоте детей своих, по крайней бедности не имеют возможности в достаточной степени обеспечивать таковую в материальном отношении, а местный причт, состоящий из одного священника и псаломщика, на коем лежит обязанность учительства, не в силах вести учебные занятия, первый по служебным своим обязанностям, а последний по малограмотности и преклонности лет, других же лиц, способных к учительству в нашем приходе, хотя бы и за умеренную плату не предвидится, и школа, таким образом, как бы не существует. Между тем в существовании школы чувствуется потребность не только

жителей села Селияровского, но и соседних чужеприходних деревень, как-то Чебыковых, Зеньковой и др.

Вполне сознавая важность и пользу грамотности, любя сам просвещение в духе православной веры и церкви, какое преднамечено повсеместным открытием церковно-приходских школ, и ревнуя о распространении такого просвещения особенно между юным поколением нашего края, ныне я возымел желание принять на себя попечение о церковно-приходской школе в нашем Селияровском селе с обязательством давать от себя учителю или учительнице (правоспособным) помещение и стол и, кроме того, деньгами из небогатых своих средств 50 рублей ежегодно на жалованье учащим школы. Почему благопокорнейше прошу Ваше Преосвященство не найдете ли возможным сделать зависящее со своей стороны распоряжение об открытии вновь в нашем селе Селияровском церковно-приходской школы с назначением в нее правоспособного учителя или учительницы и разрешить местному причту восполнять недостающую сумму на жалованье учащим до 70 рубл[ей] в год из суммы приходской церкви или из сумм Епархиально-училищного Совета, с отпуском последним учебных книг и пособий в названную выше школу. На что и осмеливаюсь ожидать Архипастырской Вашего Преосвященства резолюции.1888 года мая 20 дня.

Церковный староста Селиярско-Успенской церкви Евгений Акимович Рязанцев».

Через неделю в Тобольский Епархиально-училищный Совет при семинарии было отправлено дополнительное прошение от Е.А. Рязанцева:

«*Прилагая при сем двенадцать рублей (12 р.), честь имею покорнейше просить Тобольский Епархиально-училищный Совет выдать таковые лицу, имеющему быть назначенному, по воле Тобольского Архипастыряна учительскую должность в село — Селияровскую церковно-приходскую школу на путевыя издержки при отправлении к месту службы в вышеупомянутое село. О чем впоследствии и уведомить меня через местного о. Благочинного.1888 года мая 26 дня*» [4, л. 20-22].

Тобольский Епархиальный училищный Совет прошение церковного старосты Селияровской церкви крестьянина Евгения Рязанцева удовлетворил, направив в село учительницей Еликониду Попову (согласно её прошению), окончившую курс в Тобольском Епархиальном женском училище.

За обучение детей учительница получала, согласно журналу Епархиального училищного Совета *«50 руб. из сумм Совета и 50 руб. от церковного селияровского старосты крестьянина Евгения Рязанцева при готовой квартире и столе от Рязанцева...»*. Иных источников средств на содержание школы в её первые годы существования не имелось.

Забегая вперёд, и говоря о благосклонности Евгения Рязанцева к просвещению родного села, следует заметить, что после его смерти и революционных преобразований в селе Селияровском советская власть весьма оригинально «отблагодарит» его просветительское подвижничество. Его дом реквизируют и разместят в нём сельскую школу, которая просуществует до половины 1980-х гг. А имя бывшего хозяина лучшего сельского помещения будет склоняться, как угнетателя трудового крестьянства.

«*Из письма в Тобольский уездный отдел народного образования о перемене здания школ в Зенковском районе волости. 12/VII-1920 г.*

*В Селиярово тоже переменили здание школы, мобилизовал и у бывшего буржуйчика Ивана (*сына Евгения Акимовича — *авт.] Рязанцева, заняли 2 комнаты, одна для школы, другая для читальни народной. 2 стола, 7 стульев венских, одно зеркало, все это бесплатно*» [5, 11]

Но вернёмся в те дни, когда селияровский купец Евгений Рязанцев имел значимость и уважение не только в Самаровской волости. Уважали и ценили сноровистого крестьянина и в самой губернии. В издании «Календарь Тобольской губернии за 1897 год» в разделе «Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе» Рязанцев Евгений Иоакимович значится как член губернского статистического комитета. Имея достаток от добычи рыбы, пушного дела и торговли мануфактурной лавки, не забывал Евгений Рязанцев делиться и с Господом, благоприятствующем ему в процветании. В 1875 г. «То-

больские губернские ведомости» известили читателей о Благословении Святейшего правительственного Синода за «сделанные в пользу церквей, монастырей и других учреждений духовного ведомства пожертвований и другиезаслуги лицам» Тобольской губернии, среди которых отмечен и крестьянин села Селияровского Рязанцев Евгений Акимович [3, с. 1].

Из скупых сведений, дошедших до наших дней, следует, что замечен был Евгений Рязанцев и в других богоугодных делах. Но, прежде всего, получил известность торгующий крестьянин села Селияровского как купец-рыбопромышленник.

В феврале 1893 г. «Тобольские губернские ведомости», освещая репортажи с ежегодной Ирбитской ярмарки, сообщали:

«<…>рыбные товары тобольского рыбопромышленника Е.А. Рязанцева приобретают наибольшее внимание покупателей. Промыслом Рязанцев занимается по верхнему течению реки Оби, где у него 4 рыболовных района — «песка», как называют его рыбопромышленники. Всего Рязанцев привёз в Ирбит 12 000 пудов рыбы разных видов: осетрины, нельмы, муксуна, стерляди и т.п. Преимущество рыбных продуктов Рязанцева состоит в том, что он солит рыбу животрепещущую, прямо из неводов, тогда как в большинстве солят её уснувшую и даже лежалую. Засол живой рыбы бывает лучше, и она во время хранения не теряет долгое время вкуса и цвета. Покупатели признали эти качества и охотно покупают у Рязанцева, несмотря на то, что ценына50 копеек в пуде дороже против других торговцев…» [13, с. 1].

Развернув бурную предпринимательскую деятельность, Евгений Рязанцев уже к началу 1880-х гг. сумел взять в свои руки всю торговлю в близлежащих деревнях и остяцких юртах селияровской округи. Кроме этого, он являлся арендатором богатых рыбных угодий, одно из которых, известный на всю округу плавной песок — Долгое Плёсо приносило ему немалые доходы. Как и все оборотистые люди, имевшие своё дело, Рязанцев не мог обходиться без наёмного труда, т.е. выражаясь советской терминологией — без батраков. По воспоминаниям уроженца Селиярово Паромова Ивана Ефимовича, 1896 г.р., на одном

только песке Долгое Плёсо у Рязанцева в летнее время не менее 100 человек неводили 4-5 стрежевыми неводами.

В своих воспоминаниях, написанных в последний год жизни (1976), восьмидесятилетний пенсионер-коммунист Паромов не слишком лестно отзывался о деятельности селияровских купцов — Горшкове и Рязанцеве. Возможно, с его неконкретизированной подачи и пошёл гулять миф о безликом «бандите» Рязанцеве. *«Весной 1921 года кулацкий мятеж был ликвидирован, главарь — купец Рязанцев и два активиста были расстреляны на месте в с. Селиярово»* [8, л.8].

Насколько объективны воспоминания Паромова И.Е., касающиеся торговой и рыбопромышленной деятельности Евгения Рязанцева?! Трудно сказать… Надо заметить, что когда Евгений Рязанцев отошёл в мир иной, Паромову Ванюше шёл всего лишь седьмой год. Мог ли ребёнок в эти годы со знанием дела оценивать окружающую его жизнь? И опять же, о каком Рязанцеве идёт речь? О Евгении или его сыне Семёне?

Существует ещё одна точка зрения на профессиональную сторону деятельности селияровского рыбопромышленника.

Летом 1888 г., в расцвет предпринимательской деятельности Е. Рязанцева, Селиярово посетил действительный член Русского географического общества, учёный из Санкт-Петербурга Серафим Патканов. Целью его путешествия по Сибири было изучение экономического быта государственных крестьян и инородцев Тобольского округа той же губернии. В поле зрения его исследования оказалось и село Селиярово Самаровской волости.

По исследованию учёного состояние основного рыбного промысла, на который так уповали и рассчитывали остяки, в Самаровской волости выглядело следующим образом. Волость располагала 5-ю крупными рыболовными песками: Соспас, Дурной, Деревенский, Терёхин, Дундыков. Один из них песок

«Дурной», и протоку Соспас, арендовали у остяков юрт Костиных торгующий крестьянин села Селиярского (так в книге) Евгений Рязанцев вместе со своим родственником, двоюродным братом, рыбопромышленником из Самарово Василием Трофимовичем Земцовым. На песке работало 4 артели, нанятые арендаторами. Затраты по аренде песка были настолько значительны,

что «навар» не казался таким уж баснословным. Да и уловы рыбы были не такие богатые.

Судя по подсчётам С. Патканова, неплохую выгоду с аренды одного из лучших песков в Тобольской губернии — песка «Дурной» имели владельцы песка — остяки юрт Костиных. Не владея в должной мере снастями и прочим снаряжением, а также из-за своей немногочисленности, им было гораздо выгоднее сдавать в аренду русскому населению рыболовное угодье, чем рыбачить на песке самим. Аренда могла решить многие их проблемы! Из 8 остяков юрт Костиных в среднем на душу выходило до 160 рублей за три месяца. Но, бездумно потратив легко заработанные деньги, остяки вынуждены были наниматься в батраки к тому же Рязанцеву, получая за лето тяжёлой работы на неводьбе всего лишь 15 рублей. Вот и выходило, что торгующий крестьянин становился для окрестных остяков, да и для бедных односельчан, как пишет С. Патканов — «кормильцем» [11, с. 234].

Как отмечает исследователь, имел Рязанцев и доходы с орехового промысла. У остяков юрт Алекинских он брал в аренду участок их богатейшего кедрачом урмана и пускал всех желающих на сбор орехов. Основными клиентами арендатора являлись крестьяне села Селияровского, Конёво, деревни Зеньковой и других селений. В урожайный год крестьяне набирали в урмане до 50 пудов ореха. За аренду Рязанцев брал с шишкарей от 1/3 до половины всего дохода.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, прошедшая по России в 1897 г., выявила в селе Селияровском Тобольского уезда Тобольской губернии 34 хозяина-домовладельца [6, Л. 32-32 об.].

Самым зажиточным хозяином в селе Селияровском на момент переписи являлся 63-летний Рязанцев Евгений Акимович, имевший крестьянское сословие, но вошедшийв историю села, как купец Рязанцев.

В переписном листе у хозяина Евгения Рязанцева в графе «Главное средство существования» было указано: «рыбопромышленность». В графе «побочное ремесло» переписчик указал — церковный староста, хозяин мануфактурной лавки. Домашнее

хозяйство Рязанцева состояло из трёх жилых строений, в которых вместе с членами семьи и прислугой проживало 13 человек.

Семья Рязанцева Евгения Акимовича на момент переписи состояла:

- жена Марфа Степановна, 50 лет, уроженка Селиярово, неграмотная;
- старший сын Семён Евгеньевич, 36 лет, холост, грамотный, ратник I разряда, приказчик мануфактурной лавки, занимался рыбопромышленностью при отце;
- средний сын Иван Евгеньевич, 28 лет, грамотный, холост, во время переписи находился на воинской службе;
- младший сын — Евстафий Евгеньевич, 14 лет, грамоту получил в церковно-приходской школе, занимался рыбопромышленностью при отце;
- дочь Ольга Евгеньевна, 19 лет (по другим документам, возраст Ольги на момент переписи был 16 лет), обучалась грамоте в церковно-приходской школе, при отце.

В домашнем хозяйстве у Евгения Акимовича работали 6 работников. Надо полагать, домашнее хозяйство у Евгения Акимовича было немалым.

Через три года Селиярово посетило печальное событие. Летним днем 21 июня 1903 г. на 69-ом году жизни в собственном доме под образами испустил дух крестьянин села Селияровского Евгений Акимович Рязанцев. Возраст известного на всю округу селияровского купца был не таким уж и преклонным. Но его профессиональная деятельность — рыбопромышленность и суровый сибирский климат, возможно, ускорили его уход. В метрической книге Селияровской Успенской церкви в части 3-ей «Об умерших», в графе «Причина смерти» было указано — от ревматизма... Последний приют усопший обрёл на Селияровском приходском кладбище [9, Л. 418 об.-419].

Надгробие на могиле Рязанцева Е.А. сохранилось до сих пор. Надпись гласит: «*Евгений Иоакимович Рязанцев скончался 1903 года июня 21 в 3 часа утра от роду 68 лет*»

После смерти отца главой в хозяйстве остался старший сын Семён. Вместе с ним остался в отцовском гнезде и его брат Иван с семьёй.

Раздел отцовского имущества, а оно было немалым, произойдёт в 1908 г. Делили на три части: Ивану, Семёну и Евстафию. Делили товар и хозяйство. «Денег я не видел», — покажет на допросе в ГПУ в 1932 г. младший из братьев Евстафий.

Говоря о прямых потомках Евгения Рязанцева, следует отметить, что в семье были ещё сын Константин и дочь Дарья. Константин умер в 1893 г. в возрасте 23 лет. Судьба Дарьи неизвестна.

В период Первой мировой войны (1914-1918) рыбопромышленность Тобольского Севера работала на оборону государства. В фондах Государственного архива г. Тобольска сохранился «Список предприятий, относимых в число работающих на оборону, вследствие выполнения ими соответственных заданий» от 10 февраля 1917 г.: «*Крестьянин Сургутского уезда Тундринской волости Семен Евгеньевич Рязанцев. Адрес: г. Тобольск, Абрамовская речка, дом Соляных и летом в с. Селияровском Самаровской волости. Рыбопромышленность по р. Салыму (приток Оби) на песке «Долгое Плесо» Самаровской волости Тобольского уезда. Предприятие существует с 1881 года*». Всем служащим этого предприятия, работающим на обеспечение продовольствием армии и населения, государство предоставило отсрочку от призыва на войну. Во время I Мировой войны на рыбопромышленном предприятии Семёна Рязанцева работало от 40 до 45 человек. Ежегодно с предприятия для нужд населения и государства вывозилось на тобольский рынок от 500 до 2000 пудов свежей, сухой и солёной рыбы разных сортов [7, Л. 1].

Рыбопромышленник Семён Рязанцев, 1861 г.р., был старшим сыном в семье Рязанцевых. Отцовский достаток позволил ему окончить сельское училище и обучиться грамоте. Закончив военную службу, вернулся в Селиярово, где оборотистый отец назначил его главным приказчиком в их семейной мануфактурной лавке.

В лавке Семён торговал всевозможными товарами и продуктами, которые отец завозил из Тобольска. Но для Семёна работа в лавке была побочным занятием. Как и отец, он тяготел к большому делу и вместе с отцом занимался рыбопромышленностью.

После смерти отца все дела перешли к Семёну. И крепнуть бы оборотистому роду Рязанцевых, но…

С приходом Советской власти на Обский север в Селиярово в июне 1920 г. были образованы партийная и комсомольская ячейки. Первыми шагами новых советских организаций была передача в государственный фонд стрежевых песков и конфискация у купцов Рязанцева и Горшкова торговых лавок, рыболовных снастей, продуктов и всех товаров.

А уже Зенковский волисполком «добивал» местных кулаков — сыновей Рязанцева: Ивана, Семёна, Евстафия и Ивана Тимофеевича Горшкова, обложив их крупными денежными налогами.

22 мая 1923 г. на 62-м году жизни путь Семёна Евгеньевича Рязанцева, прожившего весь отпущенный ему срок бобылем, закончился…

Годом раньше, в 1922 году, «красными» был расстрелян 53-летний Иван Евгеньевич Рязанцев, проживавший вместе с братом Семёном в родительском доме. Именно Иван, а не его отец Евгений, фигурирует в воспоминаниях Паромова И.Е, как «активный участник бандитского восстания».

Единственная дочь Евгения Акимовича Рязанцева — Ольга, выйдя замуж за зажиточного крестьянина из с. Зенково Пачганова Федора Степановича, родила мужу шестерых детей. В период коллективизации Пачганов Ф.С. умер по возвращению из ссылки. Ольга Евгеньевна закончила свою жизнь в Селиярово.

Подвергся репрессиям со стороны Советской власти и самый младший сын Евгения Рязанцева — Евстафий Евгеньевич, 1882 г.р. После раздела отцовского имущества он отошёл от дела братьев и начал самостоятельно торговать в Селиярово различными товарами и мануфактурой, применяя наёмный труд батраков и батрачек, вплоть до 1927 года. 17 марта 1933 г. Евстафий и его жена Ефросинья Яковлевна, 1883 г.р., урождённая Китайкина, были арестованы органами НКВД.

10 августа 1933 г. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило Рязанцева Е.Е. и Рязанцеву Е.Я. из-под стражи освободить. Дальнейшая судьба их неизвестна. 28 сентября 1989 г. оба были реабилитированы Прокуратурой Тюменской области.

Посткриптум

К 75-летию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, в ноябре 2005 г. в селе Селиярово Ханты-Мансийского района был открыт музейно-исторический комплекс «Дом-музей купца Рязанцева», опять же озвученный журналистами, то как «Дом-усадьба купца Рязанова», то «Рязанцева». Почему такая небрежность? И снова, даже в официальной информации, подаваемой безымённой. О каком купце идёт речь? О старшем…, или среднем…, или младшем?! Они все подпадают под этот брэнд. И все имеют своё имя.

Хочется надеяться, что с открытием этого музейного комплекса, жители села Селиярово Ханты-Мансийского района обогатятся не только прекрасно отреставрированным домом-усадьбой и уникальными экспонатами старины, но и достоверными сведениями из жизни их знаменитого земляка Евгения Акимовича Рязанцева.

Примечания

1. Балюк, Н.А. Тобольская деревня в конце XVI-XIX вв.— Тобольск, 1997.
2. Белобородов, В.К. Обитаемое прошлое: кн. Негромких приключений. — Тюмень, 2011.
3. Благословение святейшего Синода // Тобольские губернские ведомости. — 1875. — № 13.
4. ГБУТО ГА в г Тобольске. Ф. И61. Оп. 1. Д. 6.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И167. Оп. 1. Д. 45.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 482.
7. ГБУТО Га в г. Тобольске. Ф. И455. Оп. 1. Д. 117.
8. КУ «Государственный архив Югры». Ф. 553. Оп. 1. Д. 10.
9. КУ «Государственный архив Югры». Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43.

10. Лопарев, Х.М. Самарово — село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — Тюмень, 1997.

11. Патканов, С.К. Сочинения: в пяти томах. Т. 2: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. — Тюмень, 2003.

12. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — СПб, 1861-1885. Вып. 60: Тобольская губерния: ... по сведениям 1868-1869 годов.— СПб, 1871.

13. [Хроника] // Тобольские губернские ведомости. — 1893. — № 6.

14. ФСБ России. Региональное Управление по Тюменской области. Архивная справка. 2005. 7 дек.

С.В. Фоменков

История села Сытомино Сургутского района (1891-1929)

Село Сытомино — одно из старейших поселений Сургутского района. Своё название оно получило от протоки, на которой стоит. Как удалось выяснить, слово «сытомина» происходит от хантыйского «иситомпина», что в дословном переводе означает «за Обью».

Когда здесь появились первые поселенцы, достоверно выяснить не удалось. Известно лишь, что в конце XIX в. на протоке Сытоминой стояла пароходная пристань. Первое упоминание о ней в источниках относится к 1891 г. В письме сургутского окружного исправника в Тундринское Инородное Управление читаем: «Надо устроить в надлежащих размерах заготовку дров для пароходов на Ляминой, *Сытоминой* [курсив мой — *С.Ф.*] и Белоярской пристанях <…>» [17, л. 15]. К 1900 г. Сытоминская пристань начинает именоваться «Белым Яром» или «Белоярской». В административном отношении она входила в состав Тундринской Инородной Управы: «Белый Яр, выселок, при реке Сытоминой, пароходная пристань. Домов — 4, дворов нет, мужчин — 4, женщин — 4» [24, л. 48] (1900 г.).

Кто же первым поселился на пристани? Есть две основные версии. По одной из них, это были жители окрестных населенных пунктов, которые заготовляли дрова для пароходов. По другой версии, первоначально на пристань поселили ссыльных в Самаровскую волость. Эти люди были приписаны к селияровскому крестьянскому обществу, но проживали на Сытоминой в выселке. Мы склоняемся ко второй версии.

Как пример можно привести семью Мазаловых. По воспоминаниям Лихачевой (Третьяковой) Марии Семёновны, её дед, Мазалов Константин, был привезён в кандалах вместе с семьёй на пристань Сытомина, где стояла одна сторожка, в которой жил бакенщик [25, с.12]. «И вот они начали эту Сытомину» [25, с.12]. Подтверждение слов Марии Семёновны мы находим в Алфавитном указателе ссыльных за 1888 г.:

«Мазала Константин, 26 лет, женат. Из крестьян горы Церковного общества Минской губернии. По приговору общества за дурное поведение при ст. списке Минского Губернского Правления от 28 мая 88 г. за № 93 и 94, сослан в Сибирь» [2, л. 768]. Ещё раз фамилия «Мозало» упоминается в метрической книге Троицкой церкви г. Сургута за 1889 г. [10, л. 113]. Позже она трансформируется в «Мазинов» [11, л. 71], а потом в «Мазалов». Примечательно, что долгое время Мазаловы писались в документах как «поселенцы». Лишь в 1903 г. Константин Петрович Мазалов прописан в метрической книге крестьянином «села Селияровского» [12, л. 155]. О том, что он проживал в Белом Яру, указано в письме пристава 1-го стана Сургутского уезда причту Успенской церкви села Селиярово от 24 февраля 1907 г. (по ст. стилю): «Мазалов проживал на Белом Яру /Сытоминская пароходная пристань/, а умер и похоронен в Кушниковой» [12, л. 296-296 об.].

Вероятнее всего, что вместе с Мазаловыми на пристани проживало ещё несколько человек из сосланных. Из 15-й партии ссыльных, к которой принадлежал Мазалов, ещё двое были приписаны к селу Селиярову: Давыд Титов (уроженец Могилевской губернии) и Иван Черныш (уроженец Полтавской губернии) [2, лл. 1155, 1287]. О некоем «дедушке Давыде» в своих воспоминаниях говорит и М.С. Лихачева [25, с.12-13]. Одним из приписанных к селияровскому обществу был ссыльный из 22-й партии Мефодий Антонович Билый (Билык) — уроженец Подольской губернии [2, л. 143]. Возможно, что именно они были первыми жителями Сытомино.

Ещё одним из первых поселенцев старожилы называют Путилова. Существовала даже легенда, согласно которой Сытомино основали двое бежавших ссыльных: Путилов и Сытомин. Однако архивные документы это опровергают.

Фамилия Сытомин ни в одном из архивных источников не упоминается. Что же касается Путилова, то ссыльным он не был точно.

Прокопий Григорьевич Путилов родился в июле 1859 года в селе Пелымском Туринского уезда Тобольской губернии [16, л. 482]. В возрасте 21 года был призван на действительную воен-

ную службу, которую проходил в Сургутской пешей команде [9, л. 174]. После увольнения в запас был причислен к городу Сургуту. Возможно, некоторое время проживал в юртах Чигимкиных [13, л. 414]. В 1903 году просил разрешения у инородцев юрт Тугаскиных поселиться на пристани Сытоминой: «Приговор. 1903 года Декабря 3 дня мы нижеподписавшиеся инор. Тобольской Губ. Сургутского Уезда ведения Тундринской Инородной Управы Селияровской Волости юрт Тугаскиных быв сего числа на общем мирском сходе слушали словестную прозбу отставного рядового причисленного к г. Сургуту Прокопья Григорьева Путилова, который просит пустить его для проживания на 1 ½ года на пристань Сытомину <…> ПОСТАНОВИЛИ: на просьбу Путилова мы со своей стороны препятствий не имеем и дозволяем ему Путилову прожить на пристани Сытоминой 1 ½ года с 1-го Января 1904 г. по 1-е Июля 1905 г.» [6, лл. 4-4 об.]. Из этого документа мы можем сделать вывод, что Прокопий Путилов появился в Белом Яре только в 1903 году.

Однако авторитет Прокопия Григорьевича среди жителей пристани был столь высок, что уже в 1906 г. его избирают десятником: «1906 г. Июля 22 дня, мы нижеподписавшиеся, жители на пристани «Белоярской» в районе Тундринской Инородной Управы, Селияровской волости быв сего числа на сельском сходе 8 человек, что составляет на 2 человека более 2/3 голосов схода, и все лица имеющие голос на сходе, где между прочим имели суждение об избрании нового десятника на 1907 год сим Постановили: избрать и избрали на должность сельского десятника на 1907-й год для пристани «Белоярской» Крестьянина Тобольской губернии Туринского уезда Пелымской волости Прокопия Григорьева Путилова…» [6, л. 27].

К этому времени начинает формироваться основной состав старожильческого населения будущего Сытомино. Помимо семей Мазаловых (6 человек) и Путиловых (2 человека) на пристани появляются крестьяне-переселенцы из Тобольского уезда.

К ним можно отнести крестьян села Каштакского Абалакской волости Тобольского уезда Федора Григорьевича Ефремова и Дмитрия Степановича Петрова. Первый «приехал сюда грузчиком на пароходе <…> Ну и остался у купца в Кушниковой, жил у

него, работал <…> Он работал у него 4 года. А потом надумал жениться, а мать тоже у купца работала, поженились. Купец дал корову и лошадь, дал денег, чтоб построить дом, и они переехали в Сытомино…» [25, с.26]. Второй, вероятнее всего, также работал у купца Кушникова. В 1903 году он женился на дочери Путилова Елизавете [12, л. 154]. Ещё одними из первых в Сытомино поселились крестьяне Кугаевской волости Михей Филатов и Григорий Третьяков.

Михей Семенович Филатов (1860-1925). Уроженец деревни Ушаровой Кугаевской волости Тобольского уезда [15, л. 427]. В 1881 году призван на действительную воинскую службу [20, л. 66]. Скорее всего, также как и Путилов, проходил службу в Сургуте. По данным Всероссийской переписи населения 1896 г. семья Филатовых «в полном составе ея находится в отсутствии в городе Сургуте» [4, лл. 36-36 об.]. Позже к Михею приедет его племянник Данил Захарович Филатов (в 1916 г. женится на Антонине Константиновне Мазаловой [14, л. 256]).

Третьяковы появились в Сургутском уезде в конце XIX века. Сначала приехал Дмитрий Александрович [8, л. 69]. Затем приехал Григорий Александрович, который, вероятно, сначала поселился у старшего брата в д. Верхне-Лямина. Позже его семья перебралась в Белый Яр. Всего у Григория Александровича было четверо сыновей — Семён, Александр, Павел, Дмитрий и три дочери — Александра, Татьяна и Елена. Дмитрий и Елена родились уже в Сытомино.

В результате увеличения численности населения, Сытомино делится на две части: собственно, саму пристань (Белый Яр, Нижняя Пристань, Нижне-Сытомина) и деревню Сытомина, которая находилась чуть выше по течению. К уже указанным семьям добавляются переселенцы Поспеловы, Шестаковы, Першины, Луцы, Сеиновы, Самохваловы, Кожевниковы, Кольцовы и др. [14]

Основным занятием населения было рыболовство. Добывали ценные породы рыб (осётр, стерлядь, муксун), помещали их в специальные «сады», а зимой увозили обозом до Тобольска. Те, кто имел лошадей, занимались также перевозкой пассажиров и почты в зимний период. Было развито отходничество, когда

мужчины сезонно отправлялись в города на заработки. Некоторые «пушнячили» — промышляли пушного зверя. Заливные луга давали траву для корма скоту, поэтому держали коров. Огородничество было развито слабо. В основном сажали картофель, морковь, репу. Занимались сбором дикоросов.

В административном отношении Сытомино входило в состав Тундринской инородной управы Сургутского уезда, но находилось на земле инородцев Селияровской волости. Поэтому жители деревни были приписаны к приходу Успенской церкви села Селиярово Тобольского уезда [14].

Первая мировая война не обошла стороной и Сытомино. Мужчин призывали на фронт. Например, из семьи Третьяковых на действительной службе по мобилизации находились трое: Семён, Александр и Павел [19, л. 175]. Из протокола допроса Третьякова Александра Григорьевича: «22-х лет я был призван на действительную службу, затем попал на Германскую войну, был ранен и находился на излечении в Москве. В Москве меня застал 17 год, я участвовал в свержении Николая, опять получил ранение и уехал на родину, где вступил в партию» [3, л. 277 об.].

Революционные события и Гражданская война также коснулись сытоминцев. Вернувшиеся с фронта мужчины попадали под мобилизацию, как красных, так и белых.

31 января 1921 г. в Западной Сибири вспыхнуло крестьянское восстание, именуемое в советской историографии «кулацко-эссеровским мятежом». Начавшись в Ишимском уезде, оно быстро перекинулось на соседние территории. 21 февраля был занят Тобольск.

На подавление восстания большевики бросили отряды красноармейцев. Некоторые из них проходили и через Сытомино: «<…> Из с. Тундрино приехал человек, (Молоков Федор) который передал мне, что в ближайшие дни на Самарово должны пройти отряды, которым я [Третьяков А.Г. — *С.Ф.*] должен был обеспечить продвижение, доставкой подвод и проч.» [3, л. 276 об.].

После поражения красных, жители Сытомино примкнули к восставшим. Руководителем одного из крупнейших отрядов стал Александр Григорьевич Третьяков. Другие сытоминцы (Андрей

Мазалов и Данил Филатов) также занимали командующие посты [3, л. 277].

Восстание было подавлено лишь в мае 1921 г. После этого многие его участники были арестованы и преданы суду. А.Г. Третьякову удалось скрыться. Сначала он жил по р. Лямин, добывал белок, ловил рыбу. Продукты получал через местных остяков. Выезжал также в юрты Кунины за мукой [3, л. 61]. Затем перебрался поближе к Сытомино, жил в охотничьей избушке в лесу [3, л. 61]. Арестован 24 января 1925 г. уполномоченным ОГПУ по Сургутскому и Александровскому районам Фоминым [3, л. 53]. Содержался под стражей сначала в Сургуте, затем в Тобольском изоляторе.

Летом 1925 года по прошению граждан д. Монастыревой Тобольского района И.Ф. Монастырева и Н.Ф. Монстырева (родных братьев матери Третьякова), а также гражданина д. Тренинной А.Г. Тренина (дальнего родственника) и под их имущественное поручительство [3, лл. 207-207 об.], А.Г. Третьяков был отпущен на свободу до суда [3, л. 211]. С 18 июля 1927 г. по 1 сентября 1928 г. работал «товарным приказчиком» [3, л. 253].

20 октября 1928 г. Тобольским окружным судом Александр Григорьевич Третьяков был приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет после освобождения [3, лл. 284-284 об.]. Умер в тюремной больнице города Надеждинска [25, с. 14].

После окончательного установления советской власти, Сытомино входило в состав Тундринского сельского совета [21]. 11 января 1924 г. был образован Сургутский район, в состав которого вошел самостоятельный Сытоминский сельский совет. Он включал в себя: д. Сытомино (Верхне-Сытомина), Нижнюю Пристань, Кушникова, Чимкина, а также остяцкие юрты (Балины, Кунины, Тугаскины, Сахалинские, и др.). В 1924-1925 и 1927-1928 гг. председателем Сытоминского сельского совета был Михаил Алексеевич Алексеев [7, лл. 3, 28]. В 1929 г. его сменил Мелентий Филиппович Белозеров [7, л. 19]. Действовала ревизионная комиссия, председателями которой (в разные годы) были Иван Петрович Васеничев [7, л. 14] и Макар Алексеевич Туполев [7, л. 38]. Работал сельский крестьянский комитет обще-

ства взаимопомощи (председатели Першин Леонтий Ипатьевич и Третьяков Дмитрий Григорьевич) [5, л. 8].

В годы НЭПа в деревне появилось Сытоминское интегральное кооперативное товарищество «Рыбак» [3, л. 253].

«Черную» рыбу (язь, чебак, щука) добывали индивидуально. Ценные же породы рыб обычно ловили артелями. Те, у кого был невод, нанимали человек 5-6 рыбаков, а с улова брали двойной пай. Рыбу с обозами отправляли зимой в Тобольск. Почти у каждого жителя Сытомино были лошади. По данным на 1925 г. в деревне насчитывалось 15 человек, у которых было более 2-х лошадей от двух лет и старше [22].

В 1924 или 1925 годах в Сытомино была построена новая трехклассная школа [1, л. 128 об.]. По данным за февраль 1926 г. в ней обучался 31 учащийся, из них 23 русских и 8 остяков [21, л. 4 об.]. Из материалов обследования школы за декабрь 1926 г.: «Школа 3х летка. Учащихся 33 чел. <…> Учащая I Ужинцева с 8ми летн. стажем. Окончила 5 классов гимназии. Школа <…> возникла по настоянию жителей. При помощи Рика выстроено специальное помещение. Радиус района, обслуживаемого школой равен 10ти верстам. Население русское. Занятия его промысел: рыбная ловля, отчасти пушнина и очень немного смешанный промысел /ямщина, извоз, служба/. Материальное положение: Школьное помещение мало, парт недостаточно, учебников мало <…> Топливом школа обеспечена, освещением тоже. Жалованьем учащая и сторож не обеспечены. С начала года до сих пор зарплата не выдавалась. Ставки работникам неизвестны. Открыт кредит в кооперативе» [1, л. 28 об.].

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Нижне-Сытомино насчитывалось 6 хозяйств и 21 человек населения; в Сытомино — 40 хозяйств и 151 человек населения [18, лл. 101-101 об.].

Заканчивается эпоха НЭПа. Впереди «Великий перелом», индустриализация и коллективизация. Сытомино ждут большие перемены.

Список сокращений

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области государственный архив в городе Тобольске.
2. КУГАЮ — Казенное учреждение «Государственный архив Югры».
3. МКУ «МА г. Сургута» — Муниципальное казенное учреждение «Муниципальный архив города Сургута».

Примечания

1. Акты инспекторского обследования школ Дальнего Севера (по Березовскому, Сургутскому, Обдорскому районам) // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 228.
2. Алфавитный указатель ссыльных с буквы А по Я // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-330. Оп. 4. Д. 273.
3. Дело по обвинению Третьякова Александра Григорьевича по ст. 58/2 УК // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-310. Оп. 3. Д. 3.
4. Деревня Дубровная Ушарова // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-417. Оп.2. Д. 397.
5. Документы по перевыборам Сытоминского сельского ККОВ / Протоколы общих собраний, списки членов комиссии, протоколы пленарных заседаний // КУГАЮ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 31.
6. Книга на записку приговоров инородческого схода Тундринской Инородной Управы, Сургутского уезда, на 1904-1906 года // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-427. Оп.1. Д. 26.
7. Личные анкеты и списки членов сельских советов Сургутского района // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 137.
8. Метрическая книга церкви во имя святого мученика Пантелеимона села Тундрино Тундринского прихода Сургутского уезда Тобольской духовной Консистории (1896-1900, 1902, 1904-1908 годы) // КУГАЮ. Ф. И-1. Оп. 7. Д. 1.
9. Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви записи о рождении, браке, смерти (1881-1883) // МКУ МА г. Сургута. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 7.
10. Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви записи о рождении, браке, смерти // МКУ МА г. Сургута. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 11.
11. Метрическая книга Селияровской Успенской церкви (1889-1897) // КУГАЮ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 27.
12. Метрическая книга Селияровской Успенской церкви (1898-1908) // КУГАЮ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 35.

13. Метрическая книга Селияровской Успенской церкви (1903-1904) // КУГАЮ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 43.

14. Метрическая книга Селияровской Успенской церкви (1909-1919) // КУГАЮ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 49.

15. Метрические книги церквей Тобольского уезда. Т.1 // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 564.

16. Метрические книги церквей Туринского уезда // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 884.

17. О продовольствии инородцев хлебом из казенных хлебозапасных магазинов и о взыскании за оную денег // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-427. Оп. 1. Д. 20.

18. О снабжении и переселении кулаков (переселенцев) и пр. (протоколы, планы, сведения, характеристики и переписка) // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-434. Оп. 3. Д. 158.

19. Призывные списки Тобольского по воинской повинности присутствия // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-455. Оп. 1. Д. 398.

20. Призывные списки 1 участка Тобольского уездного по воинской повинности присутствия // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-455. Оп. 1. Д. 203.

21. Сведения о количестве учащихся Сытоминской школы Сургутского района // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 219.

22. Сведения о селениях, входящих в состав Тундринской, Юганской, Локосовской, Лумпокольской и др. // МКУ МА г. Сургута. Ф. Р-163. Оп. 1 Т. Д. 98.

23. Список лиц, проживающих на территории Сургутского района и имеющих двух и более лошадей и жеребят до двух лет // КУГАЮ. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 75.

24. Список населенных мест по Сургутскому уезду // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-417 Оп. 1. Д. 405.

25. Чирухин, В.А. Времена. Сытоминский сельсовет: антология воспоминаний. — Омск: Омскбланкиздат, 2013. — 464 с., ил.

В.В. Цысь

Монеты Российской Империи в собрании МАУ «Экоцентр» г. Мегиона

Денежные знаки составляют неотъемлемую часть собраний абсолютного большинства краеведческих музеев нашей страны. В основном это монеты периода Российской империи, СССР, боны конца XIX-XX вв. Не является исключением и МАУ «Экоцентр» г. Мегиона. Следует оговориться, что пополнение монетной коллекции не относится к числу приоритетных задач данного музея. Однако их наличие позволяет обеспечить необходимым материалом экспозиции, посвященные таким темам как торговля на территории края, его хозяйственное развитие в XIX — начале XX вв., отдельные аспекты материальной и духовной культуры коренных народов Югры. Научное описание, каталогизация собраний монет музеев ХМАО-Югры в настоящее время ведутся, прежде всего, в крупных научных центрах [См., напр.: 2]. С небольшими собраниями муниципальных, и, тем более, школьных музеев такого рода исследовательская работа не проводилась.

Как известно, денежные знаки как экономическая категория являются средством оплаты за товары и услуги, особым активом, выступающим в качестве инструмента накопления, т.к. длительное время они сохраняют свою ликвидность и позволяют приобрести необходимые товары и услуги в будущем. Применительно к Югре необходимо указать на «культурологическую» функцию денежных знаков, предполагающую их использование в различных церемониях, религиозных обрядах, не связанных с приобретением реальных товаров и услуг, например, в форме подношений на «священных местах».

Следует отметить, что на территории Югры долгое время господствовала меновая торговля [Подробнее, см.: 4; 5]. Монеты здесь не имели широкого распространения в силу натуральной замкнутости местной экономики, несмотря на определенную вовлеченность региона в мировую пушную торговлю.

В первой четверти XVIII в. в России произошли значительные изменения, затронувшие все сферы жизни общества — по-

литику, экономику, культуру. В период правления Петра I реформированию подверглось, в том числе, и денежное обращение. Несмотря на всю решительность великого преобразователя, в этом вопросе он проявлял осторожность и последовательность, чтобы не повторить ошибок своего отца, предпринявшего неудачную попытку в 1654-1663 гг. ввести серебряный рубль и медную копейку как основу денежной системы нашей страны, хотя конечная цель оставалась та же: копейка из меди и рубль из серебра. При Петре I происходил переход на современную европейскую денежную систему с учетом национальной специфики. Тем не менее, хотя реформатор добился поставленных задач, в конце его правления увлеклись выпуском неполноценных монет.

При Анне Ивановне пытались исправить ситуацию, что удалось в основном только в отношении серебряных монет. Чтобы наконец-то повысить доверие народа к медным деньгам в 1730 г. начали чеканить медные «денги» и полушки по стопе 10 руб. из пуда. В эпоху дворцовых переворотов (1725-1762 гг.) происходили частые изменения монетной стопы, номиналов, пробы. В 1757 г. при Елизавете Петровне стали выпускать монеты номиналом в 2 копейки из расчета 16 руб. с пуда и монетным типом — всадник, поражающий копьем дракона, номинал (на аверсе); вензель императрицы, дата выпуска (на реверсе).

Очередная реформа, связанная с понижением монетной стопы и изменением монетного типа, проводится при преемнике Елизаветы Петровны Петре III. Однако уже полгода спустя, когда в результате дворцового переворота пришла к власти Екатерина II, ставился вопрос, что делать с медными деньгами — оставить 32 руб. стопу Петра III или же вернуться к 16 руб. как при Елизавете Петровне. Хотя был соблазн все оставить как есть, но все-таки решили, что для повышения доверия населения к деньгам нужна 16 руб. стопа.

Основной медной монетой стали 5 коп. весом около 51 гр., что затрудняло работу фальшивомонетчиков, т. к. для ее подделки штемпель, изготовленный вручную, не годился.

Монетный тип: аверс — двуглавый орел, номинал словами; реверс — вензель Екатерины с римской цифрой II и годом вы-

пуска. Эти монеты были очень широко распространены, чеканились во все возрастающем количестве.

Хотя медные монеты получили широкое распространение, существенным их недостатком была тяжеловесность. Рубль пятаками весил более 1 кг. Особенно сложно было при перевозке денег на большие расстояния. При необходимости разменять медные монеты на серебряные на рынке существовал неофициальный курс: за рубль меди давали 95-98 коп. серебром.

В конце правления под влиянием своего фаворита Платона Зубова Екатерина проводит реформу, в результате чего монетная стопа вновь была понижена до 32 руб. все с той же целью увеличения доходов государства за счет эксплуатации монетной регалии. Выпуск начали в 1796 г. в последний год правления императрицы. Но через несколько месяцев после начала чеканки Екатерина умерла. К власти пришел ее сын Павел I, который отказался от реформы. Монеты были перечеканены или переплавлены, из-за чего сохранились до настоящего времени в сравнительно небольшом количестве.

Павел I во многом старался поступать наперекор своей матери. Финансы были расстроены неконтролируемым выпуском ассигнаций, поэтому было заявлено, что они будут изъяты и уничтожены, повышается проба золотых и серебряных монет. Вернулись к 16 рублевой стопе медных монет, в итоге самым крупным медным номиналом были 2 копейки. Но благие намерения столкнулись с необходимостью решать финансовые проблемы. Чтобы выкупить у населения ассигнации, даже по заниженному курсу, требовалась сумма равная двум годовым бюджетам. Вновь заработал печатный станок. На смену сожженным ассигнациям пришли новые, которые выпускаются во все возрастающем количестве. Монетный тип существенно изменился. Надолго исчезли портреты императоров, вместо которых на аверсе помещался вензель.

В целом можно отметить следующие особенности денежного обращения и денег в XVIII веке:

1) Частые перечеканки медных монет из-за регулярных смен монетной стопы.

2) Попытки найти оптимальное соотношение между тремя монетными металлами — золотом, серебром, медью, а затем и бумажными деньгами.

3) Переход от использования импортного сырья к отечественному, полученному с Уральских, Сибирских и отчасти североевропейских рудников.

4) Расширение масштабов использования денег в обращении, для различных платежей. Если в XVII в. налоги, как правило, вносились натурой — зерном, то теперь — деньгами.

5) Общее увеличение денежной массы и как следствие рост цен, рост зарплат, налогов.

6) В эпоху просвещенного абсолютизма возрастает роль медных денег в обращении. Медная монета из разменной превращается в одно из главных платежных средств. Появляются субституты в чистом виде, т.е. деньги ничем не обеспеченные кроме государственных гарантий.

7) Наблюдалась тенденция, когда правители (Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Павел I) начинали свою деятельность с благих намерений упорядочить денежное обращение. Но по мере того, как они вникали в государственные дела, расширяли масштабы своей внешне- и внутриполитической деятельности, они от этих планов отходили. Намерения оказывались нереализованными, т.к. не могли удержаться от легкого способа получения дохода — выпуска необеспеченных денег.

В той или иной степени, все эти особенности проявлялись и на территории Югры. Монеты из коллекции МАУ «Экоцентр» представлены несколькими монетными дворами Российской империи, преимущественно Екатеринбургского и Петербургского.

Значительная часть коллекции монет XVIII — начала XX вв. (45 экз., т. е. больше двух третей собрания) поступила на постоянное хранение в результате экспедиции в поселение Избы Ачимовы в 1992 г. от дарителя Ольги Михайловны Кельминой — представителя коренных малочисленных народов региона, ведущей традиционный образ жизни и занимавшейся традиционными видами хозяйственной деятельности. Это первые экспонаты нумизматической коллекции краеведческого музея города Мегиона. Следует предположить, что источником коллекции мо-

нет, поступивших от О.М. Кечимовой, были брошенные в тайге тайники, места подношений коренных жителей духам («священные места»), или старые поселения, попавшие под современное промышленное освоение.

В том числе можно отметить несколько экземпляров «денег» аналогичного монетного типа периодов правления Анны Иоанновны (1737, 1738 гг., тип VI-А/а, здесь и далее — по каталогу В.В. Узденникова [См.: 3, а также 1]), и Елизаветы Петровны (1745, 1747, 1750, 1759 гг., тип VI-Б/а). Все монеты — регулярного чекана, вследствие реализации именного указа от 22 декабря 1730 г., предполагавшего выпуск денег и полушек по стопе 10 руб. из пуда меди, нормативный вес 8,19 гр. Это монеты одного из самых массовых чеканов имперского периода, выпускавшиеся в 1740-1754 гг. (перерыв — 1732-1733 гг.). К данной группе принадлежит еще одна «денга» 1750 г. выпуска, поступившая от дарителя в 2019 году.

Меньший нормативный вес (5,19 гр.) при аналогичном монетном типе имеет деньга 1759 года. В коллекции также представлены 2 копейки 1757 г. (разновидность — «номинал снизу») выпуска 1757 г. (чеканились в 1757-1762 гг.) с сетчатым гуртом, т.е. одна из трех, наиболее распространенная разновидность данного года выпуска.

Четыре монеты собрания относятся к периоду правления Екатерины II (из них две поступили от О.М. Кечимовой). В том числе 5 копеек регулярного чекана 1794 г. (VIII-Ж/в, нормативная масса 51,2 гр., чеканились с 1763 г. ежегодно практически без изменений до конца правления императрицы), «денга» 1790 г. (VIII-А/б, нормативная масса 5,12 гр.).

Среди монет данного периода наибольший интерес представляют две, которые размещены непосредственно в экспозиции краеведческого музея МАУ «Экоцентр».

Первая относится к сибирским монетам — «денга» 1775 г. выпуска (нормативный вес 3,28 гр.). Это один из самых известных и самый продолжительный региональный выпуск XVIII в., проводившийся в 1763-1781 гг. Первые два года чеканились пробные серебряные в 20, 15, 10 коп., но основу сибирских монет составили медные номиналами от полушки до 10 коп. Мас-

совые регулярные выпуски начались на Колыванском монетном дворе (Алтай) с 1768 г. Причинами появления сибирских денег являлись:

1) сложность транспортировки денежных знаков в далекую Сибирь, в то время как под рукой имелись значительные запасы монетного металла;

2) наличие в алтайской меди небольших примесей серебра и золота, что повышало стоимость металла, при невозможности отделить эти примеси без существенных затрат.

Поэтому для сибирских монет утверждается стопа 25 руб. с пуда. Сибирские деньги отличал оригинальный монетный тип. На реверсе большинства номиналов изображался герб Сибири — два соболя, держащие овальный картуш, увенчанный короной, на котором помещено обозначение номинала и года выпуска; на аверсе — вензель Екатерины II. Ежегодно в среднем изготавливалось сибирских монет на 253 тыс. руб.

В собрание МАУ «Экоцентра» сибирская «денга» поступила в декабре 1991 г. (дар К. Каргаполова). Хотя монета не относится к числу редких, наличие сибирской символики, ее привязка к региону дают возможность использования в ряде организованных МАУ «Экоцентр» временных выставок, а также в специально разработанном экскурсионном маршруте.

Еще одним интересным экспонатом следует признать монету номиналом 10 коп. 1796 года (X-A/a). Представлена одна из четырех разновидностей выпуска: гурт сетчатый, дата крупными цифрами, без обозначения монетного двора. На аверсе и реверсе можно обнаружить следы перечекана из пятикопеечника Екатерины II. В каталоге В.В. Узденникова отмечена тире с точкой, т.е. как «очень редкая монета», поэтому ее следует отнести к числу раритетных для провинциального собрания.

Монеты павловской эпохи представлены поступившими от О.М. Кечимовой двумя экземплярами регулярного чекана номиналом в 2 коп. выпуска 1797 г. (Колыванский (Нижне-Сузунский) монетный двор) и 1801 г. (Екатеринбургский монетный двор), обе нормативного веса 20,48 гр. (XI-A/a). У верхнего края первой монеты имеется сквозное отверстие, что говорит о возможном ее использовании в качестве украшения.

Следующий период в истории нашей страны (XIX — начало XX вв.) представлен выпусками от Александра I до Николая II включительно.

Необходимо отметить, что Александру I досталась от отца расстроенная финансовая система, но так как Россия вступила в полосу войн, навести порядок оказалось невозможно. Фактически в стране использовались две параллельные валюты — рубль ассигнациями и рубль серебром. При продаже товаров, выплате жалованья и др. указывалось, в чем выражена сумма — в ассигнациях или серебре. Соотношение этих валют подвергалось курсовым колебаниям, но в целом находилось в приблизительной пропорции от 1 к 3 до 1 к 4. Медные монеты чеканились по прежней стопе 16 руб. из пуда, а с 1810 г. стопа была понижена до 24 руб. Монетный тип медных монет приобрел более привычный вид, сохранявшийся в целом с небольшими изменениями и перерывами в последующие периоды: аверс — двуглавый орел, реверс — номинал в обрамлении венка из листьев. Серебряные монеты также приобретают стандартный тип, во многом аналогичный медным. При Николае I в начале продолжалась политика его старшего брата. Сохранял свой пост министр финансов Е.Ф. Канкрин — человек очень осторожный, консервативных взглядов. Но постепенно приходило осознание необходимости проведения денежной реформы, устранения двойственности денежной системы. Цели реформы:

1) Устранить возможности для спекуляций и злоупотреблений, связанных с курсовыми колебаниями валют. Как уже отмечалось, курс ассигнаций и серебряного рубля подвергался постоянным колебаниям, которые не были едины для всей страны, могли быть различными в той или иной губернии, зависели от количества монет и ассигнаций, находившихся в местном обращении. Это давало возможность к злоупотреблениям со стороны лиц, причастных к денежному обращению. Нарастает поток жалоб по этому поводу на имя царя от различных слоев населения.

2) Устойчивой валюты требовала и растущая экономика, соответственно следовало обеспечить ее потребности в стабильной денежной системе.

В 1837 г. Николай I принимает решение о наведении порядка в денежном обращении. После подготовки реформы 1 июля 1839 г. принимается манифест, который предусматривал, что с 1 января 1840 г. все сделки в России должны производиться только на серебро. Ассигнации оставались, но им отводилась роль вспомогательного средства. Реформа позволила унифицировать бумажные денежные знаки, обеспечить доверие к ним населения. Вводится серебряный монометаллизм. Именно серебро являлось основой денежного обращения, а кредитные билеты являлись его заменителями.

В начале правления Николая I меняется вид государственного герба на монетах. Новый герб — орел «с распростертыми крыльями» — использовался на серебряных монетах в 1826-1831 гг., на медных — с 1830 по 1839 гг. В лапах орла — не скипетр и держава, а лавровый венок, факел, горящий с двух концов, ленты, двойной перун со стрелами. Появление такой символики — влияние французского ампира и прусской традиции использования герба, которая позволяла вольно трактовать его отдельные элементы.

Монетная стопа в 1832 г. увеличена до 36 руб. с пуда (монеты начали чеканить с 1830 г.). Выпускались номиналы в 1, 2, 5, 10 коп. Однако денежная реформа Е.Ф. Канкрина привела и к изменениям в монетной стопе (повышена до 16 руб. с пуда) и в монетном типе медных денег. Чеканятся номиналы от полушки до 3 коп. Слово «деньга» заменяется на ½ коп., «полушка» — на ¼ коп. На аверсе — вензель императора, на реверсе — номинал с указанием, что монета подлежит свободному обмену на серебро. В 1849 г. стопа изменена в два раза — до 32 руб. с пуда. Чеканятся номиналы 2, 5 коп., происходит возврат к старому монетному типу: двуглавый орел на аверсе и номинал на реверсе. Вензель сохранился на мелких номиналах — 1 коп., «денежка», «полушка».

С финансовым благополучием России покончила Крымская война. Взошедшему на престол в 1855 г. Александру II досталось тяжелое финансовое наследство: большой дефицит бюджета, расстроенное из-за войны денежное обращение. В 1867 г. установлена стопа 50 руб. с пуда меди, которая оставалась неиз-

менной вплоть до революции. Монетный тип мало изменился. Герб был утвержден в 1858 году. В 1883 г. он был скорректирован и в таком виде сохранялся до революции. При чеканке использовались как выпуклые, так и вдавленные надписи с целью затруднить подделку. У серебряных монет мелких номиналов была понижена проба — в 1860 г. до 72, в 1867 г. — до 48 (т.е. 500-я в метрической системе). Крупные же — 1 рубль, 50 коп. по-прежнему чеканились из высокопробного серебра 83-й, затем (с 1885 г.) 900-й пробы. При Александре III на монеты крупных номиналов возвращается портрет императора.

Сокращается число монетных дворов. Чеканка медных монет производилась в Екатеринбурге до 1876 г., затем монетный двор был здесь закрыт. Еще один монетный двор — Колыванский (Сузунский) на Алтае выпускал медные монеты с 1802 г. до 1847 г. (обозначение — КМ), затем также был закрыт. Выпуск металлических денег в дальнейшем производился только в Санкт-Петербурге, за исключением региональных выпусков.

В собрании МАУ «Экоцентр» определенный интерес представляет монета 5 копеек 1806 г. (XII-Б/б, Екатеринбургский монетный двор, тираж — более 38 млн. экз., нормативный вес 51,19 гр.). Монетный тип характерен для 1802-1810 гг. (поступление июля 1993 г.). Из остальных монет четыре относятся к выпуску 1812 года. Все они поступили от О.М. Кечимовой. Три монеты номиналом 2 коп. отчеканены в Екатеринбурге (XIII-А/а) и одна номиналом 1 коп. (XIII-А/а) — на Колыванском монетном дворе. Последняя является относительно редкой («не совсем обыкновенная монета» по классификации В.В. Узденникова).

Эпоха Николая I представлена 14-ю монетами (из них 9 поступили от О.М. Кечимовой, еще три — от А. Старосты в декабре 1998 г.): 2 коп. 1827 г. аналогичны монетам предшествующего периода, еще десять отражают реформу Е.Ф. Канкрина (номиналы от ½ коп. до 3 коп., XV-А/а) и еще две монеты — последние годы царствования (1 и 3 коп., XVII-А/а и XVI-А/а). Монеты выпускались как на Екатеринбургском, так и на Санкт-Петербургском монетных дворах.

Период правления Александра II представлен восемью монетами (семь из них поступили от О.М. Кечимовой) номиналами 1

коп (2 экз.), 2 коп. (1 экз.) и 5 коп. (5 экз.). Одна монета из собрания МАУ «Экоцентр» выпущена в период правления Александра III (5 коп. 1892 г.) и еще 16 — при Николае II (из них 8 поступили от О.М. Кечимовой).

К последним двум правлениям принадлежат несколько серебряных монет коллекции, номиналами 5 коп. (1 экз.), 10 коп. (2 экз.), 15 коп. (1 экз.), 20 коп. (3 экз.), 50 коп. (1 экз.). Серебряные монеты мелких номиналов относятся к образцу 1860 г., массовой чеканки, 500-й пробы. На монетах 1915-1916 гг. отсутствует обозначение места выпуска.

Таким образом, в собрании МАУ «Экоцентр» г. Мегиона представлены преимущественно широко распространенные в денежном обращении соответствующих периодов монеты общегосударственных выпусков мелких номиналов. Большая их часть поступила в результате дарения от местных жителей. Сам по себе характер собрания отражает, на наш взгляд, и особенности использования денежных знаков в регионе в рассматриваемый период. Медные монеты мелких номиналов в основном применялись в торговле, а также являлись своего рода донативами духам в «священных местах» обских угров, а их находки продолжают пополнять собрания краеведческих музеев Югры. Вряд ли является случайным почти полное совпадение хронологических рамок нумизматических коллекций имперского периода в собраниях МАУ «Экоцентр» г. Мегиона (1737-1916 гг.) и Государственного музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске (1735-1916 гг.).

Широко распространенные монеты регулярных выпусков, как нам представляется, дают более ясную, «типичную» для своего времени картину денежного обращения XVIII — начала XX вв., чем редкие экземпляры, которые могут являться украшением специальных нумизматических собраний. Коллекция же МАУ «Экоцентр» может служить в качестве дополнения, наглядной иллюстрации состояния торговли, денежного обращения в крае. Думается, что она нуждается в пополнении, в заполнении пробелов в хронологии выпусков, в крупных номиналах, если ставить задачи расширения перспектив экспонирования монетных коллекций.

Примечания

1. Деньги России: от истоков до современности. — URL: https://www.russian-money.ru (дата обращения: 25.03.2023).

2. Монеты Российской империи с 1700 по 1917 годы из фондов музея Природы и Человека: кат. монет / авт.-сост.: В.А. Борноволоков, Л.А. Халтурина; [под ред. С.В. Лазаревой]. — Екатеринбург: Баско, 2009. — 207 с.

3. Узденников, В.В. Монеты России. 1700-1917. — М.: Финансы и кредит, 1985. — 504 с.

4. Цысь, В.В. Меновая торговля на севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв. // Былые годы: российский исторический журнал. — 2015. — № 3. — С. 595-601.

5. Цысь, В.В. Деньги и денежное обращение на территории Югры в первой четверти XX века // Сборник материалов конференций МАУ «Экоцентр» 2022 года: научно-практическая конференция «Югра — диалог поколений» в рамках VII Регионального фестиваля «Хатлые» (г. Мегион, 25 августа 2022 г.); IX Открытая городская учебно-практическая конференция «Мы в ответе за Землю» (г. Мегион, 03 декабря 2022 г.) / отв. ред. В.В. Цысь, Э.Р. Юмагулова.— Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2022. — С. 16-22.

О.П. Цысь

Просветительская и благотворительная деятельность Нарымского благочинного Н.Н. Никольского

В 1912 г. в одном из номеров «Томских епархиальных ведомостей» был опубликован юбилейный очерк, посвященный двадцатипятилетней службе нарымского протоиерея Н.Н. Никольского. Открывается статья следущими статьями. Начинается статья следующими строчками: «Нарымский край… О сколько много ужасных представлений в воображении человека связывается с этим именем! Нарымский край — это отрезанная от мира, далекая холодная северная окраина Сибири. Нарым — это медвежий захолустный уголок Томской губернии. Нарым — это сплошное болото… Само имя «Нарым» называть страшно и произносить жутко»[1]. Автор публикации характеризует юбиляра как «ярого защитника христианства и православия», несущего «тяжелый крест» в тех обстоятельствах, которые исторически сформировались в этом отдаленном уголке, а его работу оценивает, как «самоотверженное служение», проведенное с большой пользой и «громадным успехом» для жителей сурового края[2].

Подобного рода выводы нельзя считать преувеличенными, присущими юбилейному материалу. И само место служения протоиерея Н.Н. Никольского, и его деятельность там в течение многих лет заслуживают самого пристального внимания.

В дореволюционной *историографии* изучаемая нами тема, кроме упомянутого выше очерка, затрагивалась в историко-статистическом исследовании А.Ф. Плотникова[3]. В советский период о священнике не вспоминали даже в рамках активно разрабатывавшейся проблематики политической ссылки в Нарым. В

---

[1] Алтайский П. К 25-летнему юбилею о. Николая Никольского в сане священника // Томские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1912. № 14. Отдел неофиц. С. 756.

[2] Там же. С. 756—758.

[3] См.: Плотников А.Ф. Нарымский край (5-й стан Томского уезда, Томской губернии): историко-статистический очерк. СПб., 1901. — 366 с.

постсоветских публикациях Н.Н. Никольский вскользь упоминается в связи с историей церквей и церковно-приходских школ края[1], Александро-Невского храма г. Ново-Николаевска[2].

Характеристика многогранной деятельности Н.Н. Никольского как настоятеля Нарымского собора и благочинного на основе комплекса разнообразных источников позволяет не только по достоинству оценить его вклад в разитие образования и просвещения, православной благотворительности на самом севере Томской епрархии, но и лучше понять специфику общественного служения провинциального священника в условиях социально-политических изменений начала XX в., наличия большой доли среди прихожан иноэтничного, а также оппозиционного по настроениям населения[3].

Основным *источником,* рассказывающим о жизни и служении этого пастыря, является делопроизводственная документация, сохранившаяся в фондах Томской духовной консистории (Ф. 170) и Благочиния церквей округа № 6 (Ф. 257) Государственного архива Томской области: клировые ведомости, ежегодные отчеты благочинного[4], а самое главное — церковно-приходской журнал нарымского Крестовоздвиженского собора[5].

---

[1] Устинов Л.Е. Крестный путь: история церквей и церковно-приходских школ Нарымского края, священнослужители и религиозность населения, 1597-1953 гг. Томск, 2002. — С. 33, 92.

[2] Голодяев И.К. Никольские церкви города Ново-Николаевска (Новосибирска) // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск, 2017. Т. XII. С. 176-177.

[3] Полицейские и судебные функции с конца XIX в. исполняли становые приставы (ранее отдельные земские заседатели), бывшие единственной государственной властью в г. Нарыме, в 2-х русских (Парабельской и Кетской) и 24 инородческих волостях.

[4] См., напр.: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 3170, 3236; Оп. 2. Д. 3278 и др.

[5] Церковно-приходской журнал Томской епархии, Томского округа г. Нарыма, Крестовоздвиженской церкви, благочинья № 6 // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. С середины XIX столетия синодальные указы требовали от сельских священников вести приходское летописание, которое в целом решало более широкую задачу сохранения исторической памяти об значимых событиях для Русской Православной церкви. Сино-

Журнал велся с января 1897 г. по 26 сентября 1910 года. Не все его страницы сохранились, но уцелевшая часть содержит хронику событий приходской жизни г. Нарыма, и позволяет изучить многие стороны деятельности клириков собора. Определенное значение для раскрытия темы имеют справочные книги по Томской епархии[1] и публикации на страницах «Томских епархиальных ведомостей».

Нарым был основан в 1697 г. как форпост Российского государства в районе проживания селькупов. Поселение стало первым русским укрепленным поселением на территории будущей Томской губернии. Через 200 лет в нем проживало 1125 чел. (данные на 1898 г.)[2].

Одним из центров общественной жизни города являлся каменный Крестовоздвиженский собор, заложенный в 1817 г. и освященный в 1827 году[3]. Здесь располагалась резиденция самого северного в Томской епархии шестого благочиннического округа[4]. В его составе находились приходы, центрами которых были села: Парабельское, Инкинское, Каргасокское, Тымское, Васюганское, Тогур, Ново-Ильинское, Кетское, Кетное, Колпашево. Кроме города Нарыма и сел, по данным на 1914 г. в благочинии имелось 56 деревень, 126 юрт, 9 поселков, пристань и заимка. Число прихожан Нарымского благочиния по данным справочных книг Томской епархии составляло на 1898-1899 г. — 16 644 чел., на 1914 г. — 20 494 чел.[5] За полтора десятилетия оно выросло на

дальные указы сохранили об открытии при духовных консисториях архивных комиссий (1864); о рекомендации заводить в епархиях церковно-исторические и историко-статистические описания (1866).

[1] См., например: Справочная книга по Томской епархии за 1898-99 год. Томск, 1900. С. 157-158.

[2] Зиновьев В. Город Нарым (Водотопное место) // Сибирская старина: краеведческий альманах. 1994. № 7 (12). С. 7.

[3] Устинов Л. Е. Крестный путь… С. 32.

[4] На 1914 г. Томская епархия делилась на 52-а благочиния. Округ № 6 — Нарымское благочиние.

[5] Подсчитано по: Справочная книга по Томской епархии на 1898-99 год… С. 157-166; Справочная книга по Томской епархии составленная служащими консистории под руководством секретаря оной В.А. Карташева в январе-марте месяцах 1914 г. Томск, 1914. С. 159-167.

3 850 чел, или на 23,1%. Расстояние от Нарыма до епархиального центра достигало 427 верст.

Разбросанность селений, удаленность храмов от деревень и инородческих юрт на десятки, а то и сотни верст создавали немало неудобств священнослужителям. Сложной в этих условиях была миссия благочинного, которым на протяжении 20 лет являлся Н.Н. Никольский (1868-1937) — возможно, крупнейший общественный деятель г. Нарыма конца XIX — начала XX вв. Его биографию следует признать во многом типичной для своего времени.

Николай Николаевич Никольский родился 6 января 1868 г. в семье священника. Окончил курс Томской духовной семинарии (1890 г.), 3 февраля 1891 г. епископом Томским и Семипалатинским Исаакием (Положенским) рукоположен в священника Петро-Павловской церкви с. Чингизского Барнаульского уезда. С 1891 г. по 1894 г. исполнял обязанности законоучителя при местной церковно-приходской школе (ЦПШ). 7 февраля 1893 г. преосвященным Макарием (Невским) назначен окружным наблюдателем за церковными школами благочиния № 19 Барнаульского уезда Томской епархии. По инициативе архиерея «для пользы службы церкви Божией» переведен 26 июня 1894 г. на старшее священническое место к Крестовоздвиженскому собору г. Нарыма[1]. С 1894 г. — законоучитель Нарымской женской ЦПШ, с 1895 г. — окружной наблюдатель церковных школ, в 1897 г. назначен председателем экзаменационной комиссии «для испытания ищущих утверждения в должности псаломщиков» в Нарымском крае, с 1899 г. — председатель окружного миссионерского комитета[2].

В 1895 г. Н.Н. Никольский был утвержден в должности нарымского благочинного, обязанности которого исполнял до 12 апреля 1915 года[3].

---

[1] Ведомость о Градо-Нарымской Крестовоздвиженской Соборной церкви // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 114. Л. 2 об.

[2] Там же. Л. 3.

[3] Справочная книга по Томской епархии составленная служащими… С. 14.

Говоря о многогранной деятельности нарымского благочинного, следует отметить, значительную часть времени настоятеля поглощали церковные службы. По нашим подсчетам, основанным на данных церковно-приходского журнала Крестовоздвиженского собора, в литургиях настоятель принимал участие до 40 раз в год[1], (в разделе «Запись церковных служб» за 1898 г. Н.Н. Никольский в церковно-приходском журнале упоминается 39 раз[2]). Только за первые пять месяцев 1897 г. на регулярно проводившихся церковных службах присутствовало в среднем около 240 чел. (приведены сведения по 28 литургиям)[3]. В Вербное воскресенье, на Пасху в храме одновременно находилось по 400 и более молящихся. Примечательно, что в Нарыме ситуация в данном отношении принципиально не изменилось и в дальнейшем. Ни события Первой русской революции, ни присутствие в городе большого числа политических ссыльных не уменьшили количества верующих, посещавших собор в дни Великих праздников или же в воскресенье. По сведениям записей церковно-приходского журнала в 1909 г. на Крещение Господне на литургии и освящении воды на реке присутствовало до 500 чел., в Вербное воскресенье — до 350 чел., на Благовещение — до 500 чел., а в Пасху — до 800 чел.[4] В среднем же на богослужениях в течение пяти первых месяцев 1909 г. находилось по 253 чел. (данные по 48 литургиям)[5].

Как и любой настоятель, Н.Н. Никольский регулярно произносил воскресные проповеди после литургии, текст которых обычно брался из таких изданий как «Руководство сельских пастырей», «Пастырский собеседник», «Сеятель»,

«Воскресный день», «Русский паломник», «Воскресный благовест», «Божья нива» и др. Темы подбирались в соответствии с церковным календарем, например: «До чего ослепляет человече-

---

[1] Подсчитано по: Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 1-35.

[2] Подсчитано по: Там же. Л.35 об-65 об.

[3] Подсчитано по: Там же. Л. 1-20.

[4] Там же. Л. 152 об-160 об.

[5] Подсчитано по: Там же. Л. 152 об-165 об.

ское распутство» — в неделю о блудном сыне (1897 г.), «О прощании» — в неделю сыропустную (1897 г.),

«Чудесное исцеление» — во вторую неделю Святой Четыредесятницы (1908 г.); «Разбитая семья» — в третью неделю Великого поста (Крестопоклонную) (1908 г.); «Значение освященной воды для верующих христиан» — перед Крещением[1] и т.п. В обязанности настоятеля входило и оповещение прихожан о происходивших в стране важнейших политических событиях. Так, 17 июня 1907 г., как сообщалось в церковно-приходском журнале, после литургии настоятелем собора «изложен высочайший манифест о роспуске II-ой Государственной Думы. Молящихся 246 чел.»[2].

Каждый год на Пасхальной Светлой Седмице, а так же в июле Н.Н. Никольский с псаломщиком И. Волковым ходили с молитвенным шествием со святыми иконами по деревням прихода[3]. Крестный ход начинался в г. Нарыме в день Святого Христова Воскресения[4], прихожане, носившие крест, иконы, Евангелие, хоругви «довольно стройно… пели запевы: Спасителю, Божией Матери, Св. Николаю, Достойно есть, Спаси Господи»[5]. В последующие дни клир посещал русские деревни Нарымского края и совершал пасхальные обходы домов прихожан. Так, по замечанию Н.Н. Никольского, со 2 по 6 мая причт и миряне ходили со святыми образами в деревни Ильиной, Большой Подъельник, Малый Подъельник, Алатаева, Городищенская, Луговская, Кузьмина, юрты Тыжины, Чиряевы, Мысовые, народ пел «Христос Воскресе», после краткого молебна все прикладывались к иконе, прихожане угощали куличами[6].

Практиковалось хождение по домам не только в связи с ежегодными праздниками, но и при экстраординарных событиях. Так, в июле 1909 г. в Нарыме и деревнях распространилась среди домашних животных сибирская язва, много лошадей погиб-

---

[1] Там же. Л. 2 об-6, 120.
[2] Там же. Л. 119 об-120.
[3] Там же. Л. 162-163.
[4] Там же. Л. 15.
[5] Там же. Л. 52.
[6] Там же. Л. 15, 141.

ло[1]. Причт собора выезжал со святыми иконами в деревни, где случилась вспышка сибирской язвы и организовывал крестный ход «при большом количестве молящихся». 27 июля настоятель после литургии Святого целителя великомученика Пантелеимона произнес поучение «О болезнях и их врачеваниии»[2].

Население Нарымского края сосредоточено было по берегам Оби, Кети, Парабели и Тыма[3]. Реки же служили и путями сообщения. Весной, во время их вскрытия, и осенью, при замерзании, связь с приходскими церквями прекращалась на 2-4 недели, а с отдаленными инородческими юртами и на больший срок, с епархиальным центром — более чем на месяц[4]. В зимнее время перемещались по льду рек на запряженных лошадьми санях. Так, в журнале за 1898 г. Н.Н. Никольским была сделана следующая запись: «31 марта в 8 вечера — пришла последняя зимняя почта из Томска»[5]. О прибытии в Нарым первого весеннего парохода сообщается священником 10 мая, а в записи за 23 сентября говорится о доставке последней летней почты. Лишь 1 декабря из Томска после перерыва в 68 дней была получена первая зимняя почта[6].

Немногие из нарымских благочинных ездили столько по приходам своего округа, сколько Н.Н. Никольский. За время своего служения он неоднократно бывал во всех, даже в самых глухих уголках Нарымского края. Поездки были ежегодными, продолжались от 11 до 14 дней, обычно в начале июня[7]. Н.Н. Никольский являлся членом Томского отдела Русского Православного миссионерского общества, поэтому это были не просто инспекции подведомственного благочиния, но и ставилась задача укре-

---

[1] Там же. Л. 167, 168, 169.

[2] Там же. Л. 168 об.

[3] *Плотников А.Ф.* Нарымский край ... С. 2-3.

[4] Отчет о состоянии церквей, духовенства и прихожан, состоящих в Благочинии № 6, за 1904 год // ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3236. Л. 8 об, 117.

[5] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 43.

[6] Там же. Л. 17, 61, 63.

[7] Там же. Л. 83.

пления в вере «инородческого» населения. Не всегда разъезды проходили, как намечалось. Во время половодья и при сильном ветре на Оби поднимались волны, из-за чего имели место случаи, когда кто-либо из путников падал за борт лодки и оказывался в холодной воде. Лишь опыт и сноровка настоятеля и его сопровождающих помогали избежать непоправимых последствий[1].

Особенностью северных городов Западной Сибири было слабое проявление общественной самодеятельности. Типичную картину времяпрепровождения русских в Нарымском Приобье описал А.Ф. Плотников, который во время служебных поездок по 5-му участку Томского округа в конце 1890-х гг. собрал интересные наблюдения о крае, о противоречивости «цивилизующего» влияния русских на «инородцев»[2]. Чиновник так характеризовал жителей города: «Апатичные ко всему (разумея мещан) и чуждые всего, что могло бы просветить их ум… О театре и клубе многие из «граждан» не имеют элементарного понятия…»[3].

Однако эти суждения следует все же признать излишне категоричными, на что указывают сведения о развитии православной благотворительности в Нарымском крае. Благодаря усилиям Н.Н. Никольского 18 мая 1896 г. в Нарыме было открыто церковно-приходское попечительство (в память коронования Николая II)[4]. Число его членов в разные периоды колебалось от 36 до 83 чел., размер ежегодного платежа достигал 1 руб.[5] На нужды попечительства самые крупные пожертвования были сделаны томским почетным гражданином А.Д. Родюковым (2000 руб.), нарымским потомственным почетным гражданином, купцом 2-ой гильдии, рыбопромышленником К.С. Прянишниковым (1000 руб.), земским заседателем 5 участка Томского округа А.Ф. Плотниковым.

Важную роль в финансовой поддержке попечительства играл торговый дом братьев Родюковых, в составе числились предста-

---

[1] Там же. Л. 80.

[2] См.: Плотников А.Ф. Нарымский край …

[3] Там же. С. 138.

[4] Там же. С. 139.

[5] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 136.

вители семей Заводовских, Мартемьяновых. Подобного рода общественно-религиозные организации в конце XIX — начале XX вв. в России создавались повсеместно и предназначались преимущественно для сбора средств на благоустройство и украшение храмов. Так, на строительство новой церковной ограды нарымское попечительство собрало за 1896-1898 гг. 996 р. 49 коп.[1] В городском училище Нарыма 26 декабря 1898 г. попечителем школы потомственным почетным гражданином, рыбопромышленником Н.Д. Родюковым (в декабре 1899 г. избран церковным старостой[2]) была устроена Рождественская елка, детям раздали подарки: книги, письменные пособия и одежду. В доме попечителя ЦПШ г. Нарыма К.С. Прянишникова[3] состоялся новогодний праздник с елкой для учениц этой школы[4]. К.С. Прянишников «на всякое доброе дело … был отзывчив», а в делах женской приходской школы принимал самое активное участие. В декабре 1906 г. А.Д. Родюковым было пожертвовано два священнических и одно дьяконское облачение, запрестольный крест, икона Божией Матери[5]. Н.Д. Родюковым к Рождеству 1909 г. было пожертвовано на нужды храма два посеребренных паникадила, напрестольный трехсвечник, кувшин для святой воды, кропило и два Пасхальных облачения священника, 6 подсвечников[6]. А.А. Родюковым в 1909 г. пожертвованы священнические и дьяконские облачения из белой парчи[7]. «Попечителем Нарымской женской школы и Ильинской Н.Д. Родюковым всем девоч-

---

[1] Там же. Л. 60.

[2] Там же. Л. 68.

[3] Прянишников Квинтилиан Самсонович — нарымский купец 2-й гильдии, и.о. городского головы в 1879-1881 гг., голова в 1885-1894 гг. гласный думы, городской уполномоченный, член городских комиссий; рыбопромышленник, торговал мануфактурой, галантереей, бакалеей, мукой, пушниной и кедровым орехом; брал подряды на заготовку пароходных дров; опубликовал статистико-экономический обзор Нарымского края.

[4] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 65.

[5] Там же. Л. 108.

[6] Там же. Л. 176.

[7] Там же. Л. 158, 178.

кам были выданы платья и фартуки, а мальчикам блузы и брюки»[1].

Подобного рода примеры помощи состоятельных горожан храму и учебным заведениям можно было бы продолжить. Однако особенностью церковно-приходского попечительства Нарыма являлось то, что оно взяло на себя обязанности по поддержке малоимущего населения уездного центра, тех, кто впал в нужду по причине болезни, сиротству, многосемейности, невозможности найти работу. В дни праздников Рождества и Пасхи Христовой для таких людей устраивались бесплатные обеды, оказывалась помощь «инородцам». Как отмечал А.Ф. Плотников, в итоге «значительно ослабло то зло, которое происходило от нищенства, и дело благотворения, за призрением пролетариата, приняло правильную организацию»[2]. Из попечительских сумм в 1907 г. воспользовался пособием 21 человек[3]. По данным на 1907-1908 г. попечительство содержало на свои средства 13 чел. (9 муж. и 4 жен.), получивших за отчетный год 163 пуда (п.) муки и крупы, 12 п. рыбы, около 4 п. мяса, 24 фунта сахару и др. продуктов. Кроме того, неимущим выдавалась одежда и обувь: рубахи, кальсоны, кофты, бродни[4].

Настоятели храмов отвечали за различного рода благотворительные сборы, о результатах которых необходимо было регулярно отчитываться перед духовной консисторией[5]. При этом Н.Н. Никольский не ограничивался формальными действиями, предписанными епархиальным начальством и Св. Синодом. Так,

---

[1] Отчет Томского Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Томской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1908-1909 учебный год // ТЕВ. 1910. № 16. Отдел офиц. С. 460.

[2] Плотников А.Ф. Нарымский край … С. 139-140.

[3] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 130.

[4] Отчет по Нарымскому Приходскому Попечительству за 1907-1908 год // ТЕВ. 1909. № 14. Офиц. часть. С. 353.

[5] Подробнее см.: Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. 2014. — Вып. 2(57). С. 56-81.

31 января 1899 г. после литургии он прочитал в храме воззвание о помощи голодающим жителям Казанской губернии. На его проповедь откликнулось немало прихожан, благодаря чему удалось собрать общими усилиями 30 рублей. Однако священник на этом не остановился. Через два дня он пришел в городское управление, где произнес речь о «помощи голодающим жителям Казанской губернии» перед членами городской думы. В результате было принято решение дополнительно из общественных сумм выделить еще 30 рублей[1].

Нельзя не отметить роль Н.Н. Никольского в деле развития системы начального образования в крае. К началу 1896 г. здесь имелось три инородческих школы грамоты: в с. Максимоярское (оно же Кетское), юртах Иванкиных, с. Васюганском («большей частью на бумаге»). Лишь в Иванкинской школе, созданной стараниями местного священника О.И. Виноградова на соединенные средства казны и «инородцев», дело обучения было поставлено на удовлетворительном уровне[2].

Как уже отмечалось, Н.Н. Никольский был законоучителем женской ЦПШ в г. Нарыме и окружным наблюдателем церковных школ[3]. Летом 1899 г. он целый месяц находился на учительских педагогических курсах в г. Томске, где слушатели проводили друг для друга показательные уроки[4]. 12 января 1900 г. по инициативе Н.Н. Никольского состоялся съезд заведующих церковными школами Нарымского края, участниками которого стали местные учителя[5]. Открывая съезд, благочинный обратился к

---

[1] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 71.

[2] Плотников А.Ф. Нарымский край ... С. 100.

[3] Клировые ведомости церквей благочиния № 6за 1912 год // ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4141. Л. 10 об-13 об; Ведомость о Градо-Нарымской Крестовоздвиженской Соборной церкви// ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 114. Л. 7.

[4] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 88.

[5] Никольский Н., свящ. Съезд о.о. заведующих церковными школами Нарымского края 12 января 1900 г. в г. Нарыме. Томск: тип. Епарх. братства, [1900]. 13 с.

присутствующим со следующими словами, актуальность которых сохраняется и более чем сто лет спустя: «Школьное дело в настоящее время — дело первостепенной важности; вопросы педагогии — вопросы жизни и смерти; общества, государства, церкви со страхом и трепетом смотрят на подрастающее поколение, что-то выйдет из него… Правительство доверило нам дело воспитания и обучения детей; на нас возлагают надежды; на нас, таким образом, лежит тяжелая ответственность пред Богом, государством и церковью… Постараемся оправдать это доверие и эти надежды. Отдадим школе все наше внимание, все наши силы, при том со всею искренностию и любовию»[1]. Н.Н. Никольский на съезде поставил задачу не только увеличить число учебных заведений, но и обеспечить их пригодными помещениями, а учителей — удобными квартирами, шире охватывать обучением детей «инородцев». Одним из конкретных результатов съезда стало привлечение для шести церковных школ новых попечителей, а еще пяти местным жителям было предложено принять на себя эту почетную обязанность[2]. Принимается решение, о том, что каждая школа должна иметь икону Спасителя или Божией Матери, портрет императора, государственный флаг, часы, рамку «для обязательного порядка утренних молитв»[3].

По данным «Справочной книги по Томской епархии» на 1898-1899 гг., в Нарымском благочинии преобладали школы грамоты, содержавшиеся на местные средства и располагавшиеся в сторожках, частных квартирах[4]. За время пребывания в должности Н.Н. Никольского здесь, по нашим подсчетам, были открыты 6 ЦПШ и 7 школ грамоты, для большинства из них выделены или построены специальные помещения. Если в середине 1890-х гг. лишь в двух из десяти приходов имелись попечительства, то уже к 1903 г. они были созданы во всех приходах.

---

[1] Там же. С. 2.

[2] Там же. С. 10.

[3] Там же. С. 11.

[4] См.: Справочная книга по Томской епархии на 1898-99 год... С. 157-166.

В трех приходах были возведены новые храмы, в четырех деревнях появились молитвенные дома[1].

Об успехах народного просвещения в Нарымском приходе можно судить по результатам ежегодных экзаменов. В конце мая особой комиссией под председательством о. наблюдателя церковных школ проводились ежегодные экзамены в городских женской ЦПШ и приходском училище[2]. После майских экзаменов в 1908 г. из женской ЦПШ г. Нарыма выпустилось 6 воспитанников, а из городского училища — 7, из Алатаевской ЦПШ — 5, Луговской школы грамоты — два, Ильинской ЦПШ — также два[3].

В качестве культурно-просветительских мероприятий практиковались внебогослужебные собеседования с прихожанами. Местами их проведения служили церкви, школы, общественные здания и частные дома, нередко показывались «туманные картины»[4]. Например, всегда при посещении юрт Иванкиных Н.Н. Никольский устраивал в ЦПШ после вечернего богослужения чтение, причем слушателей было от 185-190 чел., преимущественно «инородцев»[5].

Как и по всей стране, 26 мая 1899 г. в г. Нарым отмечалась знаменательная дата — сто лет со дня рождения А.С. Пушкина. Торжества обрели черты официального государственного праздника и отмечались с размахом. Все заботы об их организации взял на себя Н.Н. Никольский. В память о поэте в Крестовоздвиженском соборе после литургии была отслужена торжественная панихида. Одним из центров празднования стало городское приходское училище, где были собраны воспитанники и воспитанницы мужской и женской школ, и «при довольно большом стечении публики» чествовали имя великого поэта: знакомились с его биографией, декламировали его стихотворения и

---

[1] Подсчитано по: Там же; Справочная книга по Томской епархии... С. 159-167.

[2] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 84.

[3] Там же. Л. 140-141.

[4] Там же. Л. 93.

[5] Там же. Л. 135.

пели гимн «Боже, царя храни». К 100-летнему юбилею Н.В. Гоголя в школах Нарыма и деревнях прихода 20 марта 1909 г. прошли памятные чтения. В нарымском Крестовоздвиженском соборе была отслужена заупокойная панихида по Н.В. Гоголю при участии учеников[1].

На протяжении многих лет Н.Н. Никольский являлся организатором и руководителем Палестинских чтений в г. Нарыме и Нарымском округе. Для библиотеки собора он приобрел книги и брошюры дополнительно к тем изданиям, которые бесплатно присылались Советом Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), серию «туманных картин» на стекле, карту Палестины, планы Иерусалима и его окрестностей, рисунки храма Воскресения. В библиотеке Нарымского собора создается особая рубрика — «Палестиноведение».

Первое поучение «о Святой Земле и Императорском Православном Палестинском обществе» произносится в Нарымском соборе 30 марта 1897 г. — на пятой неделе Великого поста. В тот же день чтения по брошюре преосвященного Макария (Невского) проводятся в здании городского училища. В общей сложности на двух чтениях присутствовало 310 чел. Через неделю в день Входа Господня в Иерусалим (6 апреля) на всенощном бдении было прочитано воззвание православным христианам о помощи Палестинскому обществу.

В этот год кроме Нарыма по указанию Н.Н. Никольского чтения устраивались в трех окрестных деревнях в частных домах учителями школы грамоты (всего 84 чтения)[2]. Но собеседованиям о Палестине было положено только начало. Год спустя чтения возобновляются в городском училище (15 марта на 4-й неделе Великого поста), через неделю, 22 марта в соборе и опять же в городском училище, 29 марта — только в соборе. В 1899 г. Палестинские чтения начались на 5-й неделе Великого поста, в понедельник 29 марта в дер. Городищенской в доме крестьянина Аристова, продолжились в Нарымском соборе 1, 4 и 10 апреля. В 1901-1902 отчетном году (начинался 1 марта) Палестинские чтения прошли, кроме Нарыма, во всех селах, 13 деревнях и 5 юр-

---

[1] Там же. Л. 158 об-159.

[2] Там же. Л. 14-16.

тах благочиния[1]. В городском училище на Палестинских чтениях обычно присутствовало несколько десятков слушателей, на проповедях после богослужений — до 500. О каждом чтении, как отмечалось в одном из отчетов Томского отдела ИППО, «предварительно объявлялось в храме после литургии, а перед началом чтений был благовест в большой колокол»[2].

Во второй половине 1900-х гг. картина меняется. Чтения стали проводится уже со 2-й недели Великого поста в окрестных деревнях, а затем и в самом Нарыме. Так, в 1907 г. они начались 15 марта (2-я неделя Великого поста) и далее продолжались с завидной регулярностью: лекция на тему «Благовещение Пресвятой Богородицы и памятники этого события в Святой земле» прочитана в школе д. Городищенской 23 марта; статья «Агнец» из журнала «Русский паломник» — 30 марта; слово из текста «Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя» преосвященного Александра, епископа Калужского — 8 апреля; беседа об истории празднования входа Господня в Иерусалим — 15 апреля[3].

Помимо увеличения числа чтений, более разнообразной становится их тематика. От рассказов о Святой Земле общего характера Н.Н. Никольский и члены его причта перешли к сюжетам, посвященным земной жизни Иисуса Христа. Наблюдается стремление связать чтения с текущим праздником или событием, отмечаемым в Великий пост, на доступном наглядном материале объяснить те или иные факты Священной истории. Больше внимания уделяется текущей работе Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке.

В качестве источника информации привлекалась серия брошюр, изданная ИППО. Кроме того, и сам Н.Н. Никольский стал писать и произносить небольшие «поучения» на палестинскую

---

[1] См.: Никольский Н., свящ. Отчет о ведении чтений о Святой Земле в благочинии № 6 за 1901-1902 г. Томск, 1902. С. 1.

[2] Отчет о деятельности Томского Отдела Императорского Православного Палестинского общества за 1901-1902 год // ТЕВ. 1902. № 19. Отдел неофиц. С. 21.

[3] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 114-117.

тематику[1]. Существенно возрос фонд литературы о Святой Земле, что позволило варьировать содержание лекций. В этот же период постоянной практикой становится раздача Палестинских листков. Устанавливается определенное время проведения чтений: в течение всех шести недель Великого поста, преимущественно по четвергам.

Систематическая работа протоиерея Н.Н. Никольского позволила сделать Палестинские чтения частью духовной жизни населения г. Нарыма и благочиния, вписать их в контекст богослужебной практики, связанной с Великим постом и праздником Пасхи. Об этом свидетельствуют записанные священниками и учителями ЦПШ реплики прихожан, произносимые после чтений: «Что вы читали сегодня у часов, меня инда слезы прошибли» (дер. Алатаева); «Спасибо, батюшка, что потрудился, почитал нам; все же лишний раз вспомним о Боге, да о своих грехах» (с. Тогурское)[2]. «Чтения в г. Нарым настолько привлекли народ, — отмечалось в одном из отчетов Томского отдела ИППО, — что довольно обширное школьное здание до тесноты переполнялось слушателями… На чтения приезжали и из деревень; многие деревенские прихожане после литургии оставались в Нарыме до вечера, чтобы иметь возможность присутствовать на чтении»[3]. В нарымский Крестовоздвиженский собор слушатели приходили за 2-3 часа до начала чтений[4].

Н.Н. Никольский считал необходимым делиться собственными наблюдениями, впечатлениями, размышлениями по поводу как своей работы благочинного и настоятеля, так и различных общественно-политических вопросов, имеющих непосредственное отношение к православному духовенству. Накопленный

---

[1] См.: Св. М.Н. Поучение, сказанное в Градо-Нарымском Крестовоздвиженском Соборе пред постановкой кружки в пользу Св. Земли, присланной Томским Отделом Императорского Православного Палестинского Общества // ТЕВ. 1905. № 3. Прибавления. С. 33-35.

[2] Никольский Н., свящ. Отчет о ведении чтений… С. 27, 28.

[3] Отчет о деятельности Томского отдела Императорского Православного Палестинского общества за 1900-1901 год // ТЕВ. 1901. № 19. Отдел неофиц. С. 24.

[4] Никольский Н., свящ. Отчет о ведении чтений… С. 26.

опыт он передавал в виде путевых заметок, небольших статей, периодически публиковавшихся на страницах «Томских епархиальных ведомостей».

Очерковый характер имеют его «заметки» о поездках на Васюган и на Обь-Енисейский канал в ходе инспекций благочиния[1]. Они насыщены этнографическим материалом, касающимся отдельных аспектов остяцкого быта, отношения «инородцев» к образованию, степени их религиозности. Некоторые работы являлись краеведческими по содержанию, где уточнялись отдельные даты, факты по истории Нарыма и его окрестностей[2].

После Первой русской революции в условиях резкой активизации общественно-политической жизни духовенству приходилось реагировать на нападки либеральной интеллигенции, обвинявшей Русскую Православную церковь и ее представителей в косности и ретроградстве. Не оставался в стороне и Н.Н. Никольский. В частности, он убедительно, с опорой на конкретные факты опровергает, помещенные в томской газете «Сибирская жизнь» заметки о плохой постановке школьного дела в Нарымском крае[3].

Н.Н. Никольский выступает в защиту священника П. Сорокина, ранее служившего в Нарыме, позднее переведенного на Алтай и подвергшегося критике в местной прессе (в той же «Сибирской жизни», а также новониколаевском «Голосе Сибири»). Благочинный приводит данные, которые говорят об о. П. Сорокине как об энергичном пастыре, активно работавшем на своем

---

[1] См.: [Никольский Н.Н.] Поездка на Обь-Енисейский канал во время обозрения церквей Нарымского края в июне месяце 1897 года // ТЕВ. 1897. № 22. Отдел неофиц. С. 9-14; [Он же] Из путевых заметок во время поездки в Васюган // ТЕВ. 1899. № 2. Отдел неофиц. С. 25-29; № 3. Отдел неофиц. С. 18-24.

[2] См., напр.: Никольский Н., свящ. Поправка к статье «Историко-статистическая сведения о г. Нарыме и его храмах», напечатанной в №№ 19 и 21 Томских Епархиальных Ведомостей за 1895 год // ТЕВ. 1915. № 11. Часть неофиц. С. 486-487.

[3] См.: Никольский Н., свящ. По поводу корреспонденции в «Сиб. Жизни» о постановке школьного дела в Нарымском крае // ТЕВ. 1911. № 8-9. Часть неофиц. С. 468-469.

приходе: собрал за три года 15 тыс. руб. на благоустройство храма, открыл народную библиотеку, организовал народные чтения, создал походную церковь и др.[1]

«Забудьте людскую злобу, дорогой о. Павел, служите с честью и пользою на дорогом для Вас Алтае…», — заключает свою заметку Н.Н. Никольский[2].

О знакомстве автора с новейшей литературой свидетельствует статья об участии церковных старост в епархиальном съезде духовенства[3]. Рассмотрев публикации по данной теме в различных изданиях, Н.Н. Никольский не дает четкого ответа на вопрос, не высказывает четкой позиции, нужны или нет церковные старосты на съездах. Он лишь отмечает, что должны быть единые подходы к оплате проезда всех без исключения делегатов, как светских, так и духовных лиц, «во избежание недоразумений»[4].

Нужно отметить, что Н.Н. Никольский не претендует на глубокое осмысление возникающих проблем. Его статьи и заметки, как правило, посвящены частным вопросам и, тем не менее, являются реакцией «на злобу дня», направлены на решение конкретных задач текущей жизни.

Помимо публикаций на страницах епархиальных ведомостей, определенным образом характеризуют нарымского благочинного страницы раздела «Запись событий приходской жизни» церковно-приходского журнала. Он наполнен различными бытовыми подробностями, наблюдениями. В зарисовках, посвященных хозяйственной деятельности местных жителей, Н.Н. Никольский приводит сведения о рыболовстве, заготовке сена и кедрового ореха, особенностях торговли, характерных для севера Западной Сибири. В частности, им отмечается, что в апреле месяце, перед вскрытием реки крестьяне ловят нельму «чердаками», исполь-

---

[1] См.: Никольский Н., свящ. Добрый пастырь и людская злоба // ТЕВ. 1911. № 10. Часть неофиц. С. 520-522.

[2] Там же. С. 522.

[3] Никольский Н., свящ. По поводу первого епархиального съезда с участием церковных старост в Томской епархии, имеющего быть 5 июня 1911 г. // ТЕВ. 1911. № 8—9. Часть неофиц. С. 460-468.

[4] Там же. С. 468.

зуют также самоловы, переметы. «25 апреля [1897 г.] вскрылась Кеть и Обь, разлив воды намного больше прошлогоднего… В Нарыме от неожиданного хода льда унесло до 18 чердаков[1], что составляет немалый убыток для рыболовов, так как устройство чердака обходится не менее 12 рублей. Вообще промысел чердаками в весеннее время самый опасный»[2]. Можно найти сообщения о запасах сена или установившихся ценах на кедровый орех (1898 г. «продавались от 1 р. 50 к. — до 2 руб. за пуд»[3]) и т.п. Наблюдения священника самые разнообразные:

«Брусники собрали немного, но и ту поел зверь (медведь), сломавший даже амбар, в котором хранилась брусника» (ноябрь 1910 г.)[4]; «В ночь накануне дня Св. Пасхи в дер. Алатаевой в доме крестьянина случился пожар от горевшей лампадки в святом углу» (1897 г.)[5]; «Погода дождливая и пасмурная, река вскрывается на Оби проступает вода у берега» (1897 г.)[6]. В записях 1898-1909 гг. иерей сообщает даты «становления» (замерзания) и вскрытия рек Оби и Кети[7], о необычных природных явлениях — нынешнее лето «большая» вода, рыбы и овощей никаких нет, «поэтому питаться в Петров пост совсем нечем» (1898 г.)[8], выпадении снега в начале сентября, посещении г. Нарыма томским губернатором[9], совершении молебна во вновь открывшейся школе грамоты в дер. Луговской и др.[10] Страницы церковной

---

[1] Подробнее см.: «Постройка чердака требует немалой затраты труда: приходится долбить лед толщиной в 6-7 четвертей, на постройку уходит не меньше 10-15 рабочих дней… Чердаки стоят до самого ледохода» (Гамолецкий К.В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. — Екатеринбург, 1998. — С. 236).

[2] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 16.

[3] Там же. Л. 60.

[4] Там же. Л. 126.

[5] Там же. Л. 15.

[6] Там же. Л. 15 об.

[7] См., напр.: Там же. Л. 61, 77.

[8] Там же. Л. 51.

[9] Там же. Л. 88.

[10] Там же. Л. 61, 65.

летописи содержат статистический материал: о числе родившихся, бракосочетавшихся, умерших, исповедовавшихся в текущем году: «В 1897 г. в приходе родившихся 88 муж. пола и 77 женского, а всего 165 человек; браков было 37; умерло мужского пола 61 и женского пола 53, а всего 114 человек»[1].

Эти данные, представляют собой ценные наблюдения, которые могут быть использованы современными краеведами для характеристики повседневной жизни нарымчан на рубеже XIX-XX вв. Они говорят о Н.Н. Никольском как о человеке не лишенном наблюдательности, считавшем возможным зафиксировать и сохранить сведения, хотя и не связанные с его основными обязанностями, но, несомненно, влиявшими на достаток прихожан, их настроения.

Важной особенностью Нарымского края являлось наличие политических ссыльных[2]. По словам томского историка В.П. Зиновьева, «в 1908 г. на 1180 жителей г. Нарыма приходилось 328 чел. политических ссыльных, а в 1914 г. — 65»[3]. Большое число зачастую антирелигиозно настроенного, оказавшегося здесь не по своей воле населения не могло не влиять на местных жителей и не создавать дополнительные трудности для благочинного и духовенства в целом. После событий 1905-1907 гг. в Нарымский край в ссылку отправили 2370 участников революции: социал-демократов, эсеров, анархистов, польских националистов и др.[4] Среди наиболее известных можно упомянуть А.И. Рыкова, И.В. Джугашвили, Я.М. Свердлова, В.В. Куйбышева, И.Н. Смирнова, В.М. Косарева[5].

Сам Н.Н. Никольский в церковно-приходском журнале за 7 июля 1906 г. оставил следующую запись: «Сегодня ночью (18 июня) на казенном пароходе привезли в Нарым более 40 человек «политических» ссыльных… (7 июля) В городе Нарыме и во всех деревенских приходах в настоящее время сослано очень

---

[1] Там же. Л. 34.

[2] Там же. Л. 99.

[3] Подробнее см.: Зиновьев В.П. За штатом (г. Нарым в XIX — начале XX в.). С. 124

[4] См.: Там же. С. 124.

[5] См.: Зиновьев В. Город Нарым (Водотопное место). С. 8.

много «политических». Живут пока мирно. Некоторые работают, напр. у Родюкова делают кирпичи, тоже в дер. Ильиной — плотничают. В дер. Алатаевой есть извозчик из ссыльных»[1]. С ростом в Нарымском крае числа ссыльных цены на все сильно выросли. В записи за март 1909 г. Н.Н. Никольским отмечено: «Так 10 яиц стоят 40-50 коп., ведро картофеля — 35 коп., мяса 4 руб. за пуд, мука — 1 руб. 60 коп. за пуд, сахар 18 коп. фунт, керосин 7 коп., дрова погонная сажень 1 руб. 80 коп.»[2].

Определенные явления из жизни политических ссыльных в Нарыме не могли пройти мимо внимания благочинного. Суждения на этот счет характеризуют Н.Н. Никольского как человека консервативных взглядов, далекого от веяний революционной морали, защитника традиционных ценностей. Так, осуждению подвергаются похороны ссыльных без отпевания, с революционными песнями и флагами. Эти погребения, вслед за пророком Иеремией, Н.Н. Никольский называет «ослиными»[3].

О *степени религиозности прихожан* могут дать определенное представление статистические данные по посещению ими исповеди и причастия. (См.: Таблица 1).

---

[1] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 99, 101.

[2] Там же. Л. 159.

[3] Никольский Н., свящ. Что говорят католики о своем исповедании и как присоединяют к католичеству православных. (Из жизни ссыльных) // ТЕВ. 1911. № 20. Часть неофиц. С. 1074-1077.

Посещение исповеди и причастия прихожанами Нарымского прихода[1]

Год	Число прихожан	Из них были у исповеди и причастия	Из них не были у исповеди и причастия		
			По малолетству	По отлучкам	По нерадению
1897	2937	1003	441	126	567
1898	2945	1088	469	204	671
1899	3011	1190	465	100	1147
1907	3127	1061	466	131	1469
1908	3231	1277	591	138	1225
1909	3212	1319	511	209	1173

Если же брать в целом Нарымский край, то в 1904 г. в благочинии № 6 не исполнили свой христианский долг из 18552 православных «по нерадению» 7104 (38,3 %)[2]. Отсутствие значительной части прихожан на исповеди и причастии не являлось исключительно спецификой региона. Для сравнения можно привести аналогичные показатели по южным благочиниям Томской епархии. В 1904 г. в Кузнецком уезде из 45261 прихожан «исполнили христианский долг» 12366 чел. (27,3%), а в 1905 г. — 13499 чел. (29,8%)[3]. В Змеиногорском и Барнаульском уездах исповедовались и причастились 31 139 чел. (56,9%)[4]. Общее число говеющих в Нарыме в 1909 г. в Великий пост составило 1119 чел., т.е. большинство населения города, что превышало показатели 1897 года[5]. На наш взгляд, это указывает на сохранение в непростых и быстро меняющихся общественно-политиче-

[1] Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121. Л. 34, 66, 97, 129 об-130, 177.

[2] Отчет о состоянии церквей, духовенства и прихожан, состоящих в Благочинии № 6, за 1904 год // ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3236. Л. 8, 9 об.

[3] Отчет о ревизии церквей по благочинию № 13 за 1905 год// Там же. Д. 3170. Л. 105.

[4] Подсчитано по: Отчет о состоянии благочиния № 36 округа, Томской епархии за 1904 год // Там же. Л. 10.

[5] Подсчитано по: Церковно-приходской журнал… // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 121.

ских условиях достаточно высокого уровня религиозности нарымчан, в чем немалая роль благочинного.

Заслуги Н.Н. Никольского были отмечены как духовным, так и светскими ведомствами. За церковно-служебную деятельность он был награжден набедренником (1900 г.), скуфьею (1902 г.), камилавкою (1906 г.), наперстным крестом (1912 г.)[1], «за отлично-усердные труды по народному образованию» в течение более чем 10 лет получил 23 октября 1903 г. благословение от Св. Синода с грамотою; 14 июня 1904 г. — архипастырское благословение преосвященного Макария (Невского) за усердную и полезную деятельность по званию благочинного и настоятеля Нарымского собора и «по устройству народных чтений с витриной на церковной ограде и библиотеки для чтений»[2]. Томским епархиально-училищным советом ему выражена признательность с выдачей удостоверения за заботу о церковных школах Нарымского края (1907 г.)[3]. 11 декабря 1908 г. Епископ Макарий вновь передает архипастырское благословение за труды по церковно-школьному делу «с выдачей в том свидетельства из Томской духовной консистории»[4].

22 декабря 1900 г. Н.Н. Никольский избран пожизненным членом-сотрудником ИППО «за полезные труды по Томскому отделу»[5]. 25 января 1902 г. Советом ИППО ему «выражена глубочайшая благодарность за выдающуюся деятельность по устройству в благочинии чтений о Святой Земле в 1901-1902 гг.», с 26 апреля 1912 г. состоял действительным пожизненным членом «за ревностную деятельность на пользу Общества».

За открытие новых школ и заслуги в деле народного образования, Н.Н. Никольский был награжден серебряной медалью «За усердие» на Александровской ленте для ношения на груди. Вто-

---

[1] Справочная книга по Томской епархии ... С. 160.

[2] Клировые ведомости церквей благочиния № 6за 1912 год // ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4141. Л. 10об-13 об; Ведомость о Градо-Нарымской Крестовоздвиженской Соборной церкви // Ф. 257. Оп. 1. Д. 114. Л. 7.

[3] Ведомость о Градо-Нарымской Крестовоздвиженской Соборной церкви // ГАТО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 114. Л. 2 об.

[4] Там же. Л. 3.

[5] Там же.

рую серебряную медаль он получил в память 25-летия церковных школ[1]. За труды по переписи населения 1897 г. Н.Н. Никольский получил темно-бронзовую медаль, за службу в течение 12 лет без перерыва в должности благочинного был Высочайше награжден орденом св. Анны 3-й степени[2].

В отчете томского епархиального архиерея за 1914 г. Специально о Н.Н. Никольском сказано: «Живя в этом захолустном городе и имея на руках благочиние, состоящее на половину из инородцев, сумел за короткое время развить свою пастырскую деятельность так широко, что получил известность на всю округу; в шутку его иначе не называют, как Нарымским “архиереем”»[3].

В 1915 г. «12 апреля за № 2237, Благочинный 6 округа священник г. Нарыма Николай Никольский и Благочинный градо-Ново-Николаевских церквей Николай Завадовский, для пользы службы перемещены один на место другого»[4]. Н.Н. Никольский становится также настоятелем Александро-Невского храма г. Ново-Николаевска.

Это перемещение, на наш взгляд, следует признать повышением, знаком признания его заслуг как благочинного. В молодом, бурно развивающемся городе, нужны были такие опытные пастыри. Уже 9 июня 1915 г. при посещении Ново-Николаевска епархиальным архиереем «Благочинный, свящ. о. Николай Никольский, только что прибывший на службу в гор. Н.-Николаевск, приветствовал Владыку речью, в которой, между прочим, указал на трудность пастырского служения в разноплеменном и разноверном городе и просил архипастырского наставления и благословления»[5].

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Отчет Томской епархии за 1914 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2674. Л. 28.

[4] Перемены по службе // ТЕВ. 1915. № 10. Часть офиц. С. 307.

[5] Н.Н. Посещение г. Ново-Николаевска Его Преосвященством, Преосвященнейшим Анатолием, Епископом Томским и Алтайским // ТЕВ. 1915. № 13. Часть офиц. С. 566-567.

На новом месте службы Н.Н. Никольский выступил с инициативой строительства соборного храма в честь Святителя и Чудотворца Николая «в память Второй отечественной войны». Идея была поддержана горожанами, однако события 1917 г. не дали ей воплотиться в жизнь. Протоиерей поддержал Февральскую революцию, в надежде на грядущее обновление России под властью Временного правительства. В конце 1922 г. Н.Н. Никольский присоединился к обновленческому расколу, приверженцем которого он оставался до конца своих дней. Это, однако, нисколько не умаляет его заслуг как человека, внесшего огромный вклад в поддержание и сохранение православия в Нарымском крае, развитие здесь духовного просвещения и благотворительности.

Источники

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 3170, 3236, 4141; Оп. 2. Д. 3278; Ф. 257. Оп. 1. Д. 114, 121.

2. Никольский Н., свящ. Добрый пастырь и людская злоба. [По поводу клевет на свящ. о. Павла Сорокина] // ТЕВ. 1911. № 10. Часть неофиц. С. 520-522.

3. [Никольский Н.Н.] Из путевых заметок во время поездки в Васюган // ТЕВ. 1899. № 2. Отдел неофиц. С. 25-29; № 3. Отдел неофиц. С. 18-24.

4. Никольский Н., свящ. Отчет о ведении чтений о Святой Земле в благочинии № 6 за 1901-1902 г. Томск: Типография Епархиального Братства, 1902. 28 с.

5. [Никольский Н.Н.] Поездка на Обь-Енисейский канал во время обозрения церквей Нарымского края в июне месяце 1897 года // ТЕВ. 1897. № 22. Отдел неофиц. С. 9-14.

6. Никольский Н., свящ. По поводу корреспонденции в «Сиб. Жизни» о постановке школьного дела в Нарымском крае // ТЕВ. 1911. № 8-9. Часть неофиц. С. 468-469.

7. Никольский Н., свящ. По поводу первого епархиального съезда с участием церковных старост в Томской епархии, имеющего быть 5 июня 1911 г. // ТЕВ. 1911. № 8-9. Часть неофиц. С. 460-468.

8. Никольский Н., свящ. Поправка к статье «Историко-статистическая сведения о г. Нарыме и его храмах», напечатанной в №№ 19 и 21 Томских Епархиальных Ведомостей за 1895 год // ТЕВ. 1915. № 11. Часть неофиц. С. 486-487.

9. Никольский Н., свящ. Съезд о.о. заведующих церковными школами Нарымского края 12 января 1900 г. в г. Нарыме. Томск: тип. Епарх. братства, [1900]. 13 с.

10. Никольский Н., свящ. Что говорят католики о своем исповедании и как присоединяют к католичеству православных. (Из жизни ссыльных) // ТЕВ. 1911. № 20. Часть неофиц. С. 1074-1077.

11. Н.Н. Посещение г. Ново-Николаевска Его Преосвященством, Преосвященнейшим Анатолием, Епископом Томским и Алтайским // ТЕВ. 1915. № 13. Часть офиц. С. 566-567.

12. Отчет о деятельности Томского отдела Императорского Православного Палестинского общества за 1900-1901 год // ТЕВ. 1901. № 19. Отдел неофиц. С. 12-27.

13. Отчет о деятельности Томского Отдела Императорского Православного Палестинского общества за 1901-1902 год // ТЕВ. 1902. № 19. Неофиц. отдел. С. 21-36.

14. Отчет по Нарымскому Приходскому Попечительству за 1907-1908 год // ТЕВ. 1909. № 14. Офиц. часть. С. 351-354.

15. Отчет Томского Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Томской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1908-1909 учебный год // ТЕВ. 1910. № 16. Отдел офиц. С. 452-463.

16. Перемены по службе // ТЕВ. 1915. № 10. Часть офиц. С. 303-312.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2674.

18. Св. М.Н. Поучение, сказанное в градо-Нарымском Крестовоздвиженском Соборе пред постановкой кружки в пользу Св. Земли, присланной Томским Отделом Императорского Православного Палестинского Общества // ТЕВ. 1905. № 3. Прибавления. С. 33-35.

19. Справочная книга по Томской епархии на 1898-99 год. Томск: типография Епархиального Братства, 1900. 458 с. + LII с.

20. Справочная книга по Томской епархии составленная служащими консистории под руководством секретаря оной В.А. Карташева в январе-марте месяцах 1914 г. Томск: товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1914. VIII, 594, 25, XXI, [18] с.

Примечания

1. Алтайский, П. К 25-летнему юбилею о. Николая Никольского в сане священника // ТЕВ. 1912. № 14. Отдел неофиц. С. 756-758.

2. Беглов, А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. — 2014. — Вып. 2(57). — С. 56-81.

3. Гамолецкий, К.В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. — Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. — С. 220-299.

4. Голодяев, И.К. Никольские церкви города Ново-Николаевска (Новосибирска) // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — . XII. — С. 173-179.

5. Зиновьев, В. Город Нарым (Водотопное место) // Сибирская старина: краеведческий альманах. — 1994. — № 7 (12). — С. 6-8.

6. Зиновьев, В.П. За штатом (г. Нарым в XIX — начале XX в.) // Земля Парабельская: сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. — Томск: Изд-во Томского университета, 1996. — С. 121-153.

7. Плотников, А.Ф. Нарымский край (5-й стан Томского уезда, Томской губернии): историко-статистический очерк. Санкт-Петербург: Типография В.Ф. Киршбаума, 1901. — 366 с.

8. Устинов, Л.Е. Крестный путь: история церквей и церковно-приходских школ Нарымского края, священнослужители и религиозность населения, 1597-1953 гг. — Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2002. — 192 с.

Сокращения

ГАТО — Государственный архив Томской области
ИППО — Императорское Православное Палестинское общество
РГИА — Российский государственный исторический архив
ТЕВ — Томские епархиальные ведомости
ЦПШ — церковно-приходская школа

Протоиерей Н.Н. Никольский,1910-е гг.
Фото из фондов Нарымского музея политической ссылки

П.С. Юрьев

Торговля и денежное обращение на Тобольском севере по данным А.А. Дунина-Горкавича

По истории Югры второй половины XIX — начала XX вв. имеется достаточное число разнообразных источников. В их качестве могут выступать, в том числе, представляющие особый интерес сочинения представителей академической науки, побывавших в регионе во время исследовательских экспедиций. Кроме того, значительный вклад в сохранение сведений о Югре и населяющих ее народах внесли политические ссыльные. Еще одна группа авторов — государственные служащие, к числу которых следует отнести самаровского лесничего Александра Александровича Дунина-Горкавича. На севере Западной Сибири он прожил долгие годы, используя представившиеся ему возможности для изучения природы, географии, народов, культуры региона.

Тот факт, что его научные заслуги получили признание и в дореволюционной, и в советской России говорит о его объективности, ценности достигнутых им научных результатов. Составленные А.А. Дуниным-Горкавичем карты сохраняют свою актуальность до настоящего времени. Его работы помогают реконструировать прошлое Югры, и особенно важны для исследования хозяйственных занятий коренных жителей. Они могут помочь воссоздать или поддержать традиционные сферы деятельности, которые характерны для севера Западной Сибири. Помимо этого, обращение к труду самаровского лесничего помогает оценить уровень знаний о крае, которого достигла отечественная наука в предреволюционный период.

Основным его трудом является «Тобольский Север» в трех томах [См.: 1; 2; 3]. Обращение к нему позволяет осветить экономические процессы, протекавшие в регионе на рубеже XIX-XX вв.

Данная тема находила отражение в работах ряда современных исследователей [См.: 4; 5; 6; 7]. Однако до настоящего вре-

мени вопросы торговли не освещались систематически и в должном объеме.

Развернутое описание любого предмета начинается с его истории. История торговли на севере Тобольской губернии приводится во втором и третьем томах сочинения А.А. Дунина-Горкавича. Она связывается с заселением края, проникновением сюда новгородцев, начиная с XIII века. Торговые пути пролегали по рекам, самой старой дорогой был путь из р. Печоры на Мангазею [См.: 3, с. 1-24]. В этих вопросах автор не был оригинален, воспроизводя на страницах своего сочинения известные в то время факты и представления из работ по ранней истории Зауралья. Больший интерес имеют его наблюдения за современным состоянием торговых отношений в Югре.

Автор отмечает, что торговля между русскими и аборигенами происходила путем натурального обмена. Главным товаром для русских была пушнина, взамен которой отдавались необходимые в хозяйстве орудия и материалы.

Помимо шкур зверей купцы покупали рыбу. Основные волости развитого рыболовства были Ларьякская и Сабунская, основными реками — Вах, Пюкос-Ях-егап, Лугняхъ-егань. Общее количество проданной рыбы в этом районе составляло от 5 до 9 тыс. пудов в год, а ее минимальная стоимость на одно хозяйство достигала 5 рублей [2, с. 55].

Центрами вывоза являлись с. Лумпокольское и в меньшей степени с. Ларьяк. Из последнего до 200-300 пудов засоленной рыбы, оставшуюся часть приобретали местные жители [2, с. 39].

Местной спецификой была натуральная обменная система, огромное количество должников среди инородцев перед русскими, постоянные попытки произвести покупку раньше положенного времени и вне отведенного места. Также помимо русских и коренного населения в торговле участвуют самоеды, которые предлагали на продажу пушнину, оленину и рыбу.

Купцы из крупных и малых городов, и селений с р. Оби (все три описаны как отдельные категории) совершали покупки и лично за пределами места жительства, и через приказчиков. Самые бедные (купцы малых городов) брали товары у состоятельных купцов в кредит, на свои товары свободно устанавливали

любые цены, даже выше ярмарочных. Несмотря на то, что они отдавали в долг товары «инородцам», сами могли быть должны своим патронам.

Чтобы избежать конкуренции, купцы приезжают на место обитания «инородцев», с тем, чтобы втянуть их в долги. Последнее могло происходить по трем сценариям:

1. Предлагается товар, который «инородец» не в состоянии купить иначе, кроме как в кредит. Это могли быть конфеты, варенье, чесучевые пиджаки и жилеты, драповые пальто и те товары, что являлись дорогими даже для многих русских.
2. Навязывание благотворительных жетонов.
3. Предоставление в долг денег для уплаты налогов.

У юганских остяков организация ярмарок и сбор налогов проходили в одно и тоже время. Это создавало дополнительные трудности для коренных жителей, так как необходимость выплаты сначала ясака приводила к тому, что им приходилось отдавать пушнину за бесценок для получения наличности, а затем уже брать товары в долг у тех же купцов. Поэтому в 1900-1902 гг. была введена практика отдачи в оплату налогов шкурок, которые затем уже реализовывались на аукционе. Это оказалось гораздо выгоднее «инородцам», которым удалось выручить за три года 1551 рублей [1, с. 264]. Ваховские остяки таким способом за сданную белку смогли получить около 1 тыс. пудов муки. Эту практику А.А. Дунин-Горкавич считает необходимым сделать постоянной.

Следует указать и на другие его предложения по развитию торговли на Тобольском Севере:

1. Проводить ярмарки повсеместно, причем на местах и в сроки сдачи ясака, что поможет развить конкуренцию среди торговцев и будет более удобным для местных жителей.
2. Открывать ярмарки не в определенные строго установленные дни, а в соответствии с началом и окончанием зимы в данный год, что позволит совместить торговлю с окончанием промыслового цикла.
3. Воспрепятствовать торговле до начала ярмарочного сезона.

4. Наказывать правонарушителей лишением права на въезд в инородческие кочевья и за торговлю вином без патента [1, с. 265].

Нужно отметить, что эти предложения шли в разрез с установившейся в Сургуте практикой. На местной ярмарке все торги происходили лично между купцами и «инородцами». Первые, зачастую, спаивали продавцов. Реальная конкуренция между предпринимателями была минимальной, т. к. устанавливались тесные многолетние личные связи между отдельными купцами и «инородцами». Коренные жители предпочитали иметь дело со «своими» торговцами. В итоге они оказывались в неоплатном долгу, рассчитаться с которым не имели никакой возможности, продавая товары за бесценок.

Иногда купцы устраивают настоящие «облавы» на едущих на ярмарку коренных жителей, как это описано в приведенном отрывке:

«В январе 1900 года направлявшиеся в г. Сургут самоеды с р. Таза: Омсязи, рода Венга, и сын его Гаилумма, верстахъ в 500 от Сургута, близ Глазковскаго озера, имели остановку. В это время к ним подъехал один сургутский торговец с приказчиком, переводчиком и остяком-проводником. Переводчик начал разговаривать сними по-самоедски, потом принес с нарты бутылку спирта и стал угощать их прямо из горлышка бутылки. Самоеды скоро опьянели, в особенности Омсязи. Переводчик стал торговать у них шкурками песцов, предлагая за последнюю очень низкую цену и уверяя, что песец нынче очень дешев, что ездить в Сургут не стоит, потому что все торговцы уехали на Ирбитскую ярмарку и продать будет некому. Вместе с тем они продолжали угощать самоедов спиртом. Под влиянием опьянения они поверили переводчику и продали: первый — 16 песцов за 56 руб., а последний 9 песцов за 38 руб., т.е. в среднем по 3 р. 76 коп. за штуку. Очевидцами всего этого были ехавшие вместе с ними сородичи, самоеды Танылы Порунгуй и Невди, рода Венга. Песец-же в то время в Сургуте покупался за 6 и 6 р. 50 к. за штуку» [1, с. 268].

На первом месте по стоимости среди всех товаров Сургутской ярмарки стояло вино (13,5 тыс. руб. из 30 тыс. руб. в

1900 г.), на втором — хлеб (5 тыс. руб.). Кроме того, спросом пользовались кренделя, масло, чай, сахар, табак. Столь высокая стоимость для алкоголя связана с завышенной ценой на него, с покупкой «у доверенных людей» [1, с. 268].

Среди правонарушений встречалась торговля с использованием поддельных гирь, за что взимались при обнаружении денежные штрафы:

«У одного из торговцев было обнаружено, что существующие в обращении гири несколько легче обозначаемого ими веса. В 8-ми двухпудовых гирях не хватало приблизительно 4-х фунтов. Гири эти изъяты из обращения. Кроме того, обнаружилось: в завозне, где производится приемка рыбы от самоедов и сдача её ямщикам для отправки, весы оказались неверными в том смысл, что одна доска была легче другой на 1 пуд 5 фунтов. Легкая доска приводилась в равновесие двумя деревянными чурбанами, которые не были прикреплены, а прямо клались на доску, да поленом, подвешенным горизонтально на цепях на 0,5 арш. ниже коромысла. Это полено приходилось выше поля зрения человека, так что верха его не было видно» [1, с. 269].

В итоге можно сказать, что А.А. Дунин-Горкавич вполне объективно и со знанием дела показывает проблемы взаимоотношений аборигенного населения с торговцами. Он также предлагает меры по ограничению эксплуатации коренных жителей. Это труд проникнут искренней симпатией к «инородцам» и критикой в отношении их безудержной эксплуатации за счет неэквивалентно торговли. Обращается внимание на значительные пережитки меновой торговли на Тобольском Севере, которые постепенно изживались, как благодаря активизации рыночных отношений, так и политике государства.

Примечания

1. Дунин-Горкавич, А.А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по географическим районам. В 3 т. Т. I. — Тобольск: Губернская типография, 1910. — 374 с.

2. Дунин-Горкавич, А.А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по географическим районам. В 3 т. Т. II. — Тобольск: Губернская типография, 1910. — 428 с.

3. Дунин-Горкавич, А.А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по географическим районам. В 3 т. Т. III. — Тобольск: Губернская типография, 1910. — 240 с.

4. Загороднюк, Н.И. Ваховский край в работах А.А. Дунина-Горкавича // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12-5(86). — С. 87-90.

5. Исламова, Ю.В. Монография А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» как источник топонимической информации // Вестник угроведения. — 2014. — № 4(19). — С. 53-56.

6. Федотова, Д.Ю. Исследование автохтонного населения севера тобольской губернии в трудах А.А. Дунина-Горкавича (на основе периодической печати Западной Сибири начала XX в.) / Д.Ю. Федотова, И.С. Томилов // Genesis: исторические исследования. — 2022. — № 11. — С. 102-115.

7. Шуляк, Е.В. А.А. Дунин-Горкавич о здоровье населения и народной медицине на территории Тобольского Севера в начале XX в. // Aussibirien — 2017: научно-информац. сб. — Тюмень, 2017. — С. 149-150.

II. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

Р.А. Ибраева

Берестяная утварь восточных ханты с музейных фондов «Экоцентра»

История образования музейного фонда Муниципального автономного учреждения «Региональный историко-культурный и экологический центр» (далее «Экоцентр») связана с именем Виктории Ивановны Сподиной (ныне доктор исторических наук, директор Обско-угорского института прикладных исследований и разработок г. Ханты-Мансийска). В 1987 г. на общественных началах она создала школьный этнографический музей в Муниципальном бюджетном образовательном учреждении «Средняя общеобразовательная школа № 5», который в 1990 г. был преобразован в Городской историко-этнографический музей.

Идею В.И. Сподиной о создании музея поддержал член ассоциации «Спасение Югры», поэт, публицист, глубокий знаток и хранитель ненецкой и хантыйской культуры, общественный деятель, член Союза писателей России с 2000 года, Почётный гражданин Нижневартовского района — Юрий Вэлла (Юрий Кылевич Айваседа).

При его содействии Виктория Ивановна организовала ряд экспедиций с целью выявления предметов культурного и природного наследия этноса, изучения традиционной культуры коренных малочисленных народов севера (далее кмнс) Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Первые из них были реализованы по родовым угодьям реки Вах, так же по расположенным в пойме рек Аган, Тром — Аган и их притоков.

В начальном периоде формирования музея, во внимание брали все направления традиционного хозяйствования и собирали предметный ряд, включающий одежду, рыболовные и охотничьи приспособления, деревянные строения и конечно утварь.

Многие предметы в коллекции музея попали за счет краеведческой деятельности школьников, которые собирали все, что было им интересно. Часть предметов поступала в результате безвозмездной передачи частных лиц, иные подбирались в за-

брошенных жилых и хозяйственных строениях, на местах промыслов (рыболовство, сбор дикоросов).

В настоящее время в музейных фондах «Экоцентра» хранится более 300 берестяных предметов, больше половины которых представлены различными вместилищами.

Первые предметы, изъятые из среды бытования, стали первоисточниками знаний о культуре, традициях, обрядах восточных ханты. Ханты в своей традиционной материальной культуре применяли не только древесину, но и прутья, корни, кору деревьев. Практически у всех групп ханты особое значение среди деревьев имеет береза.

Известный археолог-сибиревед М.Ф. Косарев пишет об этом так: «Видимо, столь распространённое почитание берёзы объясняется тем, что она была самым щедрым и полезным деревом: давала материал для покрытия летних чумов, изготовления берестяной посуды… Белый цвет ее коры связывался с чистым, светлым и добрым началами» [1].

Береза в мировоззрении и практической деятельности у восточных ханты имеет особое место, так как народ считает, что от ветвей березы произошли люди. Береза у ханты считается деревом света и символом чистоты. Она имеет священный статус, но, несмотря на это, широко используется в быту. Кора дерева — береста, доступное сырье, которое возможно заготовить в любое время года, кроме зимы. Это достаточно прочный, легко поддающийся обработке, доступный, влагонепроницаемый, практически не поддающийся гниению природный материал. В связи с чем, береста всегда имеет широкое применение в традиционном хозяйствовании восточных ханты.

Вплоть до середины XX в. ханты берестой укрывали чум, крыши деревянных строений, применяли для изготовления лодок и различных вместилищ. До настоящих времен, восточные ханты используют ее для изготовления различных емкостей. В музейной этнографической коллекции «Экоцентра» утварь восточных ханты представлена коробами разных размеров и форм, коробками для хранения сыпучих продуктов, спинными и поясными кузовами, куженьками, набирками, туесами. К сожалению, нет возможности представить в экспозициях и выставках ранее

бытовавшие ёмкости для переноски и кипячения воды, корыта для стирки, так как в народе они не сохранились. О бытовании подобных емкостей в своей работе «Лук. Облас. Бересто.» пишет Г.М. Дмитриев-Садовников, «…большое значение имело бересто в старину: за неимением котлов пищу варили в особо устроенных куженьках. Даже и сейчас клей варят в небольших берестяных чумашках…». [2, с. 57]

Кора березы имеет множество легко отделяемых друг от друга тонких эластичных, гладких, прочных слоев. Многослойность бересты придает ей особо высокую прочность. Более прочный, плотный, ровный и декоративно красочный внутренний слой, обращенный к лубу, в связи с чем, при изготовлении изделий мастера больше применяют как лицевую сторону.

Предметы, изготовленные из этого природного материала, отличаются лёгкостью и достаточной прочностью, хорошо держат форму. К тому же, только снятая с дерева береста легко поддается обработке. И многие мастера изготавливают необходимую им утварь на месте заготовки коры березы. Практически все изделия при бережном обращении служат в хозяйстве долгие годы.

Береста, благодаря содержанию бетулина (от лат. Betula), обладает антисептическим, антиоксидантным, ранозаживляющим, антигрибковым, антибактериальным и бактерицидным свойствами. За счет всех этих свойств пищевые продукты сохраняются в хорошем качестве долгое время.

Рис. 1. Морошка в набирках

Рис. 2. Под мхом брусника

Например, ягоды, собранные в берестяные набирки и туеса, могут храниться в свежем виде в пределах двух недель. Иногда дают сок, но не скисают (*рис. 1 фото Уколовой Т.С.*). Женщины, зная о полезных свойствах берестяной утвари, часто оставляют собранные ягоды на месте сбора, прикрыв их сверху мхом сфагнумом (так же обладает антисептическими свойствами) (*рис. 2 фото Карымовой Т.Ю.*). Ягода в берестяной набирке может простоять на месте сбора свежей несколько дней.

В музейных фондах «Экоцентра» хранятся изъятые из быта восточных ханты различные предметы домашнего обихода. Посуда, вместилища для хранения и переноски вещей и продуктов питания и другие. Коллекция пополняется до сих пор, так как восточные ханты изготавливают и пользуются коробами (с крышками), предназначенными для хранения свежей рыбы и мяса, набирками и заплечными кузовами, куженьками различных форм и в настоящее время. Предметы поступают со стойбищ, где в берестяной посуде хранят хлеб, сохраняющийся в свежем виде несколько дней. Не черствеет и не покрывается плесенью. Периодически этнографическая коллекция комплектуется утварью для хранения сыпучих продуктов, как мука, крупы, свежие и сушеные ягоды, травы, орехи.

В 2020 году этнографическая коллекция пополнилась вместилищами, изготовленными руками народного мастера Югры Уколовой Татьяны Семеновны. Мастер народных художественных промыслов изготовила более 60 различных емкостей из бересты заготовленной своими руками.

Она — представитель восточных ханты и по народным традициям начинает снимать кору с берез весной, по насту, когда она легче отстает от луба. Снимает и в начале лета (*рис. 3 фото Ибраевой Р.*), и осенью, когда опадают листья.

Рис. 3. Снятие коры в начале лета

Процесс снятия бересты хорошо описывает Г.М. Дмитриев-Садовников: «Снимают пластами, делая ножом на поверхности дерева вертикальный надрез, проходящий в глубину до лежащего поверх древесины луба, и в длину — на аршин или менее, смотря по чистоте бересты; от концов вертикального разреза делают, преимущественно в левую сторону, по горизонтальному надрезу — такой же глубины — короткому или идущему кругом; затем, сначала ножом же, слегка отделяют бересто от луба, потом отдирают его руками, оттягивая в левую сторону, с намеченной поверхности дерева, пособляя ножом лишь там, где едва приметные зачатки сучьев прикрепляют бересто к лубу. Снимаемое по насту бересто отстает с тонкою коричневою пленкою, лежащею поверх луба; снимаемое в другое время — без нее» [2, с.58].

Большинство берестяной утвари, переданной мастером в музейный фонд, изготовлены ею прямо в лесу, на месте снятия коры с дерева, так как большое значение в работе имеет эластичность поделочного материала. К тому же для обработки только что снятой коры необходим минимум инструментов. Достаточно при себе иметь нож, шило и спички. Все вместилища Татьяна Семеновна изготовила по старинным технологиям, путем складывания цельного пласта коры, перегибания краев вверх и встречного складывания углов к центру в виде «конверта» (*рис. 4 фото Ибраевой Р.*). Укрепляет стенки большинства видов утвари и край устья дополнительной плотной полоской бересты, и у прямоугольных, деревянными рейками с последующей прошивкой кедровой саргой (*рис. 5 фото Ибраевой Р.*), реже сухожильными нитями (*рис. 6 фото Ибраевой Р.*).

Рис. 4. Складывание углов

Рис. 5. Прошивка саргой

Рис. 6. Куженька из фондов «Экоцентра»

Изготовленные таким способом плоские коробочки называют куженьками (хант. савын). Формируются они из одного слоя бересты, наружная сторона их выполнена из верхнего (белого) слоя коры. Куженьки изготавливает квадратной и прямоугольной формы. Некоторые из первых дополнены деревянными ручками, которые ранее обматывали полосками тонкой бересты. Подобные вместилища предназначены для сбора ягод, забора воды из ручья, для хранения пищи и т. д.

В музейных фондах «Экоцентра» хранятся распространенные в хозяйстве восточных ханты набирки и заплечные кузова (хант. Кынт). Подобные вместилища используются в основном для сбора дикоросов с высоких кустарников или деревьев, так же для их транспортировки. Технологию изготовления подобного вместилища продемонстрировала в 2021 году на VII Региональном фестивале «Хатлые» одна из опытнейших народных мастеров аганских ханты Полина Васильевна Казамкина. Для формирования заплечного кузова — кынта — она взяла удлинённый цельный пласт бересты. Сложив полосу бересты так, что края легли один на другой, стык полотнищ плотно прошила кедровой саргой (практикует она и сухожильные нити). Устье утвари укрепила ободом из черемухового прута, который так же прошила кедровой саргой. Уголки днища аккуратно подогнула вверх к боковому шву, подтянув к укрепляющим деревянным рейкам. Изготовленный кузовок, Полина Васильевна передала в музейный фонд «Экоцентра».

По словам Полины Васильевны, каждая хозяйка изготавливает утварь таковыми, какие им удобны в использовании. Подобные вместилища особых локальных отличий в технологии изготовления не имеют. (*Рис. 7 фото Ибраевой Р.*).

Рис. 7. П.В. Казамкина мастерит новый кынт

Отличаются наличием декоративной обработки и наличием орнаментов. По словам

информанта Прасиной С.Ф. на Вахе заплечные кузова не орнаментируют, а на Агане и Тром-агане декорируют орнаментами крышки и выскабливают различной ширины полосы орнамента вокруг устья.

Этнографическая коллекция «Экоцентра» включает бытующие до сих времен коробки для хранения сухих продуктов и предметов рукоделия, изготовленные из двух полотнищ путем их складывания наружным слоем коры друг к другу, внутренним (темным) во внешнюю сторону. Коробки имеют круглую, овальную, реже квадратную и прямоугольную форму.

Особенность подобных коробок, хранящихся в этнографической коллекции в том, что стенки емкостей не прошиты, на месте стыка полотнища сложены внахлест и верхний и нижний края укреплены ободом из черемухового прута. Днище и крышка (съемная) сформированы отдельно, из двух слоев бересты, складыванием деталей наружной стороны коры друг к другу так, что чечевички слоев расположены перпендикулярно, то есть один слой расположен чечевичками по горизонтали, другой по вертикали. Подобный метод складывания бересты необходим для сохранения формы и прочности изделия в целом. Дно коробок так же, как и крышка изготовлено из двухслойной бересты, с укреплением черемуховыми ободками внутри и снаружи емкости. Прошивка большинства предметов выполнена кедровой саргой, у единиц — сухожильными нитями.

Крышки практически всех емкостей выполнены из бересты темного цвета. Естественный цвет внутреннего слоя бересты варьирует от желтоватого до темно-коричневого и имеют привлекательный, красивый вид. Кроме того, за счет выскабливания темного слоя нанесены орнаменты, отображающие локальные этнические черты, сохраняемые мастерами с древности и старины. Декорированы орнаментом и укрепляющие полоски по нижнему, верхнему краю коробов.

Практически все заплечные кузова, прямоугольные куженьки, набирки и туеса, хранящиеся в музейных фондах «Экоцентра», были изъяты со среды бытования восточных ханты, в частности аганских, тром-аганских, ваховских и юганских. Большинство мастеров перечисленных локальных групп ханты в изготовлении

берестяных вместилищ применяли деревянные детали. Например, у туесков для хранения сыпучих продуктов, у солонок и табакерок, днища и крышки сформированы круглыми или овальными деталями, вырезанными из древесины. При этом дополнительного укрепления не имеют, так как детали держатся за счет окантовки краев стенок.

Берестяная утварь с этнографической коллекции выполнена по-разному не только по формам, но и по применению исходного материала в технологии изготовления. Видно, что одни мастера придерживаются старинных традиций и создают предметы строго в соответствии с их востребованностью, а другие придумывают и включают нововведения, которые легко приживаются в современном мире. Например, сухожильные нити заменяют капроновыми. Черненую бересту — черной полиэтиленовой пленкой.

В традиционной материальной культуре восточных ханты резких ограничений в применении берестяная утварь не имеет, так как одни вместилища могут заменяться другими. Например, ягоды собирают не только в набирки, но и в куженьки. Так же и хранить их могут в любой берестяной посуде. Каждая хозяйка определяет применение емкостей по своему усмотрению.

Ряд исследователей, изучая традиционную культуру восточных ханты, обращают внимание на утварь, но четко определенную классификацию не предлагают, лишь ссылаются на классификацию берестяной утвари на основе разработок Г.С. Дмитриева-Садовникова и Н.В. Лукиной

Берестяную утварь можно классифицировать по их предназначению в традиционном хозяйствовании этноса. Например, небольшие плоскодонные куженьки отнести к посуде для приема пищи. Набирки, куженьки с ручками и заплечные кузова — для сбора дикоросов и их транспортировки. Маленькие коробки с крышками и туесками — для хранения сыпучих продуктов. Туеса средних размеров — для хранения всякой мелочи, как бисер, пуговицы, швейные принадлежности. Средние короба (куҷəм) — для хранения запаса продуктов, таких как мука, орехи, ягоды, сушеная и мороженая рыба. Короба больших размеров — для хранения одежды и обуви, более мелкой увари, ка-

мыша, трухи и другого технологического сырья, как мех, ровдуга, так же в качестве тары для транспортировки разных изделий при переездах.

До сих пор традиционная материальная культура восточных ханты мало изучена. В целом, берестяная утварь, затронута только малым количеством исследователей.

Из ученых-этнографов классификацию берестяной утвари представила Н.В. Лукина в своей монографии «Формирование материальной культуры хантов». Она изучила и распределила вместилища по «виду» и «типу» предметов.

В журнале «Вестник угроведения» — №3 (18) за 2014 год была опубликована статья этого автора «Классификации и локальные особенности утвари хантов», в которой автор говорит о том, что касательно берестяной утвари нельзя составить одну классификацию вместилищ по следующим признакам: а — берестяные, б — подпрямоугольные, в — с ручкой. Например, такое вместилище как кузовок для низкорастущих ягод можно поместить во все три класса. Кроме того, классификация может включать деление классов на подклассы. Под видом предмета она подразумевает различия емкостей по своему назначению, например, кузовок, табакерка, крюк для котла, курительная трубка, колыбель и т.д. [4 с.108]. У всех приведенных предметов разное предназначение в быту.

Лукина Н.В. классифицирует берестяную утварь и по их типу. Анализируя подобный подход, Локтионова А.А. отмечает, что понятие «тип предмета» включает в себя комплекс нескольких признаков: конструкцию, форму, материал, а также конкретное назначение предмета, размеры и национальное название. Большое значение при выделении типа предмета автор придает конструкции (у предметов, состоящих из нескольких частей) и форме (у цельных изделий) [4 с.108]. Учитывая вышеприведенные критерии при классификации утвари, Лукина Н.В. определяет общий подход в группировке предметов, не вдаваясь в частные подробности и не выделяя из каждой группы подгруппы [4, с. 109]. Она пишет, что для определения локальных особенностей необходим скрупулёзный сравнительный анализ формы и деталей каждого предмета, способа соединения деталей, вид скреп-

ляющих материалов, а также другие признаки функционального и нефункционального характера: художественное оформление, связанная с предметом терминология и т.д.

Как результат исследования локальных особенностей по указанным признакам в утвари ханты, Лукиной Н.В. выявлены следующие три комплекса: восточно-хантыйский, обще-хантыйский и обско-угорский [4, с. 237-279].

Более простую классификацию приводит Е.Г. Фёдорова в работе «Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX — первая половина XX в.». Она дает характеристику предметов из бересты и приводит классификацию, основным критерием которой являются формы вместилищ. При этом большую роль в ее классификации играет способ соединения различных деталей, которые автор определяет этно-дифференцирующими [4, с. 240]. Вывод Федоровой Е.Г. подтверждает и Н.В. Лукина, обращая внимание в своих исследованиях на такие признаки, как форма дна, форма устья и форма стенок, которые в целом определяют форму вместилища.

Берестяную утварь восточных ханты исследовала и Екатерина Сергеевна Алексеева — студентка кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Института искусств и культуры Томского государственного университета под руководством доктора исторических наук, профессора О.М. Рындиной. Она в своей статье «Берестяная утварь в культуре восточных ханты» [5, с. 7] приводит деление утвари в зависимости от качества использованного сырья.

Качество бересты зависит от места произрастания берез, от их возраста и времени заготовки. Аганские ханты имеют свои приметы по заготовке бересты и говорят, что заготовку нужно начинать с того момента, когда появляются первые комары; когда прогремит первый гром, т.е. с середины мая до середины июля — пока кукует кукушка. Снятая в это время береста более эластичная. При хранении в темном прохладном помещении она не пересыхает, дольше сохраняет свои деловые качества.

В зависимости от внешнего вида и технологических свойств при заготовке бересты выделяют следующие сорта сырьевого продукта:

1. тонкая, легкая, бархатистая, эластичная, широкая, без пятен и неровностей;

2. толстая, гладкая, прочная, допускается легкая разноцветность и неровности;

3. толстая, грубая, пятнистая, имеет неровности и наплывы.

Береста, как поделочный материал, обладает следующими свойствами, которые делают возможными ее утилитарное использование и декоративную обработку в традиционной культуре восточных ханты:

1. декоративные свойства: бархатистость поверхности и приятность осязания; узнаваемость фактуры, наличие направления в материале, возможность передачи движения; разнообразие естественных оттенков; разнообразие фактуры (гладкие слои, участки с неровностями, наростами);

2. физико-механические: прочность (выдерживает значительные нагрузки и воздействие агрессивных сред); мягкость и гибкость (многократно загибается в различных направлениях без разрушения материала); эластичность (удлиняется под воздействием приложенного усилия и возвращается в первоначальное состояние при его снятии); пластичность (принимает определенную форму при воздействии инструмента и сохраняет ее впоследствии).

3. гигроскопичность (способность впитывать и удерживать жидкость) и плотность учитываются мастерами при изготовлении туесов, обладающих свойствами термоса и гидра изолятора. Нельзя не отметить простоту обработки, легкость тонирования, восприимчивость к окраске, мягкость и гибкость, малое сопротивление резанию.

В течение многих тысячелетий мастера коренных малочисленных народов севера, применяя всего лишь один инструмент — нож, создают в полевых условиях берестяные изделия, которые являются уникальным продуктом народного искусства. Среди вместилищ, хранящихся в музейной этнографической коллекции «Экоцентра», имеется утварь различных объемов, форм и конструкций, которые можно разделить на шесть групп согласно технологии изготовления:

I — плоские изделия, выполненные из цельного однослойного пласта путем складывания четырех сторон и скрепленные в углах кедровой саргой (куженьки-айсавын, савын, ковши, ложки);

II — плоские изделия (квадратной или прямоугольной формы), выполненные из двух полотнищ цельной однослойной коры. Внутренняя часть вместилища создается путем складывания четырех сторон и скреплением в углах кедровой саргой, внешняя стенка из полоски отдельного полотна как бы обвивает контур внутренних стенок. Края на стыке накладываются друг на друга и склеивается. В наружном слое дно не формируется, уголки снизу защипываются, придавая вид мини-ножек. Всегда дополняются крышкой, выполненной из темной бересты (коробки для хранения сухих продуктов, хлеба и предметов рукоделия — чумашка);

III — изделия, выполненные из цельного удлинённого пласта путем складывания двух сторон и скрепленные по боковым швам. Краю устья укреплены черемуховым прутом, прошитыми кедровой саргой (набирки, заплечные кузова — кынт, хынт);

IV — изготовленные из двух берестяных деталей стенки (выполняется без сшивания) с отдельным берестяным дном (туес, ай куҷәм);

V — короба различной формы, выполненные без сшивания деталей стенок, сформированных путем наложения краев пласта друг на друга с отдельно выкроенными из коры дном и крышкой (куҷәм).

VI — вместилища выполнение с включением деревянных деталей (дно, крышка), комбинированные (туес, туйс, туяс).

Берестяная утварь восточных ханты в музейных фондах «Экоцентра» представлена широко и при детальном изучении имеется возможность выявления локальных особенностей и по другим факторам. Например, умелые мастера восточных ханты, сохранили различные способы нанесения орнаментов. Особую художественную ценность в данном направлении имеет ваховская береста. В настоящее время подобную утварь с редчайшей архаичной техникой процарапывания узора с последующим выскабливанием внутреннего коричневого слоя выполняют лишь

опытные мастера. Данная техника очень близка к графической и дает мастеру полную свободу действий.

Рис. 8. Куженька для хлеба

Ваховские мастера наносят выразительные разнообразные орнаменты. Ярким примером является куженька для хлеба, поступившая в музейные фонды в 1997 году *(рис. 8 из фондов «Экоцентра»)*, Изготовлена мастером Прасиной Е.Н. (село Корлики Нижневартовский район).

Берестяная утварь, как и другой музейный предмет — это ключ к изучению живой культуры этноса в современном мире, уходящей корнями в глубокую древность. Кроме того, утварь — важный объект, способствующий сохранению локальных традиций и культурного наследия народов. Этнографическая коллекция музейных фондов «Экоцентра» включает в себя более 150 экземпляров берестяной утвари, которые были собраны в результате экспедиционных работ с конца 80-х годов XX века в различных родовых угодьях территорий Нижневартовского и Сургутского районов и продолжает пополняться до сих пор. Разнообразие предметов, входящих в эту коллекцию позволяет изучить локальные особенности берестяной утвари восточных ханты.

Примечания

1. Стародубова, О.В. Берёза в небесах и на земле тром-аганских хантов / О.В. Стародубова, Я.А. Яковлев Я.А. — URL: https://torummaa.ru/kalejdoskop-beryoza (дата обращения: 29.12.2021).

2. Дмитриев-Садовников, Г.М. Лук. Облас. Бересто / ред.-сост. И.В. Игонина. — Нижневартовск: Издательский дом «Югорский», 2011. — 77 с.

3. Локтионова, А.А. О способах классификации берестяной утвари народов западной Сибири // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. — 2014. — № 1 (3).

4. Лукина, Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. — 365 с.

5. Алексеева, Е.С. Берестяная утварь в культуре восточных ханты. Этюды культуры — 2008: Материалы Всерос. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Ч. 1.: Музеология и культурное наследие / под ред. Э.И. Черняка. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.

Е.Н. Петрова

Архитектурная реконструкция посадской усадьбы города Берёзова первой половины XVII в.

Архитектурная реконструкция посадской усадьбы города Березова первой половины XVII в. является одним из результатов комплексных археологических исследований, проводимых на территории Городища Берёзовское. Объект культурного наследия представляет собой руинированные археологические остатки города Березова — административного центра обширного Березовского уезда, включавшего в конце XVI-XVIII вв. огромную территорию Нижнего Приобья — от устья Иртыша до Обской губы.

Согласно историческим данным Березов был основан летом 1593 г. и представлял собой «…квадратную в плане крепость с рублеными стенами-пряслами из городен-срубов, поставленных вплотную друг к другу. По углам были воздвигнуты четыре башни…». «Поскольку прибывшие с первыми воеводами «ратные люди» с самого начала были «присланы на житье», они «учали селитца дворами». Так возле города образовался посад, который обнесли острогом» [10, с.66].

Достаточно подробное описание острожных укреплений содержится в городовых списках разных лет. Общее представление о городе Берёзове XVI-XVIII вв. дают план С.У. Ремезова в «Чертёжной книге Сибири» и гравюра Н. Витсена 1710 г. Известно, что посадский острог располагался к югу от кремля, был защищен тыновыми стенами и башнями. На территории посада располагалось две церкви: Богородицы Одигитрии и Воскресенская. Основным элементом планировочной структуры посада, как отмечалось ранее, был двор. Данный термин присутствует в исторических документах вплоть до конца XVIII в. и больше всего соответствует современному понятию «усадьба» [7, с.26]. Каких-либо письменных свидетельств о том, что представляли собой дворы-усадьбы города Березова, не сохранилось.

Следует отметить, что письменные источники XVI-XVII вв. не позволяют выделить общую специфику городских дворов,

определить их особенности и отличия от крестьянских. Единственное, что отмечается историками — скученность построек, их меньший размер и менее разнообразный типовой состав. Сведения о крестьянском жилище данного периода также очень малочисленны, описание скупы и кратки, поэтому затруднительно представить общий вид и характер крестьянских построек, их конструкцию и планировку.

Большого внимания в качестве источниковой базы для реконструкции заслуживают рисунки, сделанные путешественниками в XVI-XVII вв. Значительный интерес представляют собой гравюры А. Олеария «Описание путешествия в Московию», однако следует отметить, что они были подрисованы и подчищены при гравировании. Большое количество зарисовок сделано и А. Мейербергом. Рисунки, содержащиеся в Альбоме «Виды и бытовые картины России XVII века» выполнены с натуры и очень реалистичны, художники достаточно точно, хотя и схематично, воспроизводили увиденное. Также ими были выполнены чертежи отдельных сооружений и дворов, дающие достаточно точное представление о размерах и планировке зданий. Использование вышеобозначенных источников обосновано тем, что они характеризуют архитектурные традиции тех регионов России, жители которых стали первыми поселенцами на территории Берёзова: «прибывший вместе с ними отряд включал в себя 300 «ратных людей», набранных в Москве, Коломне и Переславле Рязанском (они составляли первый березовский гарнизон), и 150 «даточных людей с Вятки, с Перьми, с Выми, от Соли Вычеготской» [10, с. 65].

Также для реконструкции правомерно привлечение в качестве аналогов данных о постройках более позднего периода (вплоть до начала XX в.), поскольку конструктивные приемы в русском деревянном зодчестве сохраняются на протяжении длительного времени.

Несомненно, что каждый из привлеченных источников необходим, будь то письменный или графический исторический документ, или сохранившееся до наших дней этнографические данные, но как показывает практика, недостаточен для создания

реалистичной реконструкции, и даже их совместное использование не дает полной картины для конкретного объекта.

Возможность получить более подробную информацию о характере застройки посада города Березова появилась в 2008 г. с началом археологических исследований. Работы под руководством Г.П. Визгалова и С.Г. Пархимовича проводились на территории сквера им. В.И. Ленина, на участке свободном от застройки, расположенном за зданием Березовского районного краеведческого музея (ул. Собянина, 39). В ходе исследований на протяжении 4 полевых сезонов на площади в 424 кв. м были выявлены и изучены остатки 38 построек, залегавших на 7 строительных ярусах. 30 из которых входили в состав дворов-усадеб XVII-XVIII вв. [5, с. 52].

Одна из таких усадеб — усадьба-двор № 7, представляющая наиболее ранний этап застройки посадской части города Березова, сохранилась наиболее полно.

В результате археологических исследований установлено, что усадьба занимает участок площадью около 130 кв.м, ограниченный с восточной и западной сторон улицами, сложившимися на данном участке в ходе его застройки. В состав усадьбы входят 4 постройки жилого и хозяйственного назначения, получившие в ходе работ порядковые номера № 21, № 21А, № 21Б и № 35 [3, 84] *(Рис.1)*.

Согласно дендрохронологическим исследованиям образцов конструкций построек, усадьба начала свое существование в 1612-1613 гг. со строительства избы (постройка № 21), являющейся частью однорядной двухчастной связи. Спустя пару лет (но не ранее 1616 г.) к избе с западной стороны была пристроена хозяйственная постройка (постройка № 21А). Затем (не ранее 1619 г.) к югу от связи возведен хозяйственный двор (постройка № 21Б) и вторая изба (постройка № 35), расположенная к западу от него *(Рис.1)*. В ходе изучения конструктивных элементов усадебного комплекса зафиксированы следы вторичного использования конструкций более ранних строений, относящихся к концу XVI в. Усадьба пережила грандиозный пожар 1642 г., уничтоживший практически весь Берёзов, после которого подверглась ремонту, и просуществовала в обновлённом виде вплоть до по-

жара, случившегося в начале 1650-х гг., в котором она и погибла [3, с. 85; 4, с. 32].

По археологическим данным все постройки на усадьбе были наземными или «позёмными» т.е. без подклета или подизбицы *(Рис.2)*. С одной стороны, это противоречит этнографическим данным, утверждающим, что на Русском Севере преобладали избы на низких подклетах, имевших хозяйственное назначение, и высоких жилых подклетах, с другой стороны, судя по рисункам из альбома А. Мейерберга, в XVII в. жилища в основном было «позёмным» [6, с.171]. Какие-либо археологические свидетельства существования подклета или второго этажа в ходе исследований обнаружено не было.

Жилые постройки, входящие в состав усадьбы, представляли собой однокамерные избы клетского типа размерами в плане с углами 4,00х4,45 м (постройка № 21) и 3,4х3,4 м (постройка № 35). В венцы или «ряды» бревна соединяли с выпуском концов «в обло» (иначе «в угол» или «чашу»). Данный способ рубки является наиболее древним и встречается при раскопках новгородских жилищ с XI-XIII в. [8, с. 171], он получил широкое распространение в Сибири с ее суровым климатом, так как выступающие при подобном соединение концы бревен предохраняют углы сруба от промерзания. Стены срубов ориентированы в направлениях, близких к сторонам света — с отклонением в 5-6 к востоку от магнитного севера.

Нижние венцы срубов были уложены на дневную поверхность — «на пошву». Постановка строений без фундамента характерна для большинства жилых построек начала XVII в. [6, с. 165; 11, с. 106].

С трех сторон основания стен изб были утеплены завалинками, исключение составляла стена, с которой располагался вход. Завалинка представляла собой засыпку из материковой глины, огороженную с внешней стороны бревнами или плахами, укрепленными колышками [3, с. 88; 4, с. 33].

Вход в обе постройки осуществлялся прямо с улицы, сени или крыльца отсутствовали. Отсутствие сеней в жилых постройках усадьбы опровергает установившееся в этнографии мнение, что сени являлись неотъемлемой частью каждой избы и

подтверждают мнение, высказанное Г.Г. Громовым, о том, что данный элемент стал обязательным в более позднее время [6, с. 171; 11, с. 106].

Вход в жилую постройку № 21 располагался с южной стороны, о чем свидетельствуют остатки дверного проема и настила перед входом. Порог был врублен в окладной венец, он представлял собой брус 75х28х18 см с выбранной с внешней стороны четвертью и имеющий на западном конце «гнездо» для крепления дверного полотна на «пятах». Таким образом, дверь имела левостороннее наружное открывание. Порог ремонтировался, о чем свидетельствует обнаруженная под ним колода первого порога схожей конструкции. Вход во вторую избу (постройку № 35) вероятно осуществлялся с востока. Данное предположение было сделано на основании сохранившегося с внешней стороны восточной стены настила. Следов дверного проема не обнаружено. Порог вырубали, видимо, не ниже второго венца.

В ходе археологических работ на территории усадьбы было обнаружено 3 дверных полотна: два из них, предположительно, относились к постройкам усадьбы до пожара 1642 г., а после ремонта использовались в качестве материала для настила перед входом в постройку № 35. Все двери однодольные, набранные из 3-4 досок, скрепленных брусьями-планками или «снаврами». Размер дверей составляют 73х44х5 см; 120(?)х72х5-5,5 см и 150х90,5х5,6-7 см. Последнее дверное полотно, скорее всего, относилось к хозяйственной постройке. Из приведенных размеров видно, что дверные проемы в жилых постройках значительно ниже человеческого роста, что было необходимо для сохранения тепла внутри помещения.

С большой долей вероятности избы имели двускатную кровлю «на самцах». Данный тип кровли является одним из древних, бытовавших в России, он был повсеместно распространен на Русском Севере до середины XIX в. [11, с. 112]. Крыть кровлю в XVII-XVIII вв. предпочитали дранью.

«Так, например, в г. Енисейске в начале XVIII в. все строения были крыты так» [11, с. 111]. Драницы (дранье) — представляет собой нетёсаные, тонкие пластины, размеры которых варьируются от 6/20 до 25/100 см, толщина от 0,4 до 2 см. Выбор в поль-

зу данного кровельного материала объясняется тем, что на его изготовление уходило меньше строительного леса и физического труда, при этом срок службы доходил до 20 лет.

Избы имели схожие конструкции полов, их элементы сохранились фрагментарно. Можно утверждать, что доски пола был настелены с запада на восток на уровне первого венца сруба и уложены перпендикулярно на лаги. Лаги-переводины были уложены на землю впритык к срубу и по центру, не врубаясь в него. Пол набран из досок шириной 10-24 см и толщиной 7 см. В постройке № 21 пол был настелен «против хода» (поперечный настил половиц), тогда как в постройке № 35 «по ходу» (продольный настил половиц).

Практически все избы в Сибири в начале XVII века были «курными», то есть отапливались «по-чёрному» с помощью беструбной глинобитной печи. «Дома городских жителей вплоть до XVII в. тоже сохраняли топку по-чёрному, даже Москва в XVII в. в массе своей состояла из черных изб» [2, с. 254]. Остатки печей зафиксированы в постройках № 21 и № 35, что и позволяет интерпретировать их как избы. В постройке № 35 печь фиксировалась в юго-западном углу в виде отдельных фрагментов обожжённой глины. В постройке № 21 удалось проследить остатки двух разновременных печей. Более ранняя печь располагалась в углу слева от входа, имела небольшие размеры 77х80 см, отстояла от стен на 14-20 см и имела опечек, сделанный из досок, концы которых были врублены в стены. После пожара 1642 г. печь была сдвинута вглубь избы и стала располагаться слева по центру стены, о чем свидетельствуют остатки припечного столба и подпечной платформы, представляющей собой брусья, на которые перпендикулярно им были уложены доски. Размеры данной печи были несколько больше и составляли 130х140 см [3, с. 87, 108]. Обе печи были развернуты устьем к противоположной (восточной) стене. Печи можно интерпретировать как «вари-стые», т.е. в них готовили пищу.

Взаиморасположение входов и печей позволяет предположительно охарактеризовать размещение окон в доме и его внутреннюю планировку. Судя по многочисленным источникам XVIII-XIX вв., а также рисункам XVII в., для жилых построек было

характерно расположение трех окон в стене противоположной устью печи: «два крайних на одном уровне, а среднее — несколько выше, так что они образовывали своеобразный треугольник» [6, с. 164]. Среднее окно могло быть как волоковым, так и косящатым. Существует мнение, что появление колодных (косящатых) окон связано с появлением труб. При наличии потолочного перекрытия и удалении дыма при помощи дымника верхнее волоковое окно теряет свое предназначение, а для освещения избы используется центральное колодное [9, с. 67]. Были ли на территории Берёзова в начале XVII в. колодные окна, не известно. При проведении раскопок ни остатков колод, ни ставней не обнаружено. Найденные в ходе раскопок оконные планки свидетельствуют, что размеры окон не превышали 30х20 см, что скорее соответствует размеру волоковых окон. При раскопках в заполнении жилищ и рядом с ними было обнаружено значительное количество слюды, что говорит о распространении в начале XVII века на территории Березова слюдяных окон.

Таким образом, исходя из местоположения дверей и печей в избах, окна в постройке № 21 должны были располагаться на восточном фасаде и выходить на улицу, а окна в постройке № 35 — формировать северный фасад. Согласно «документальным» материалам жилые помещения в усадебных комплексах Сибири нередко выходили окнами на проезжую часть, тогда как жилые помещения горожан европейской части России преимущественно находились внутри дворов [8, с. 284].

Постройка № 21А, примыкавшая к избе с запада и образующая с ней однорядную связь, интерпретирована как постройка хозяйственного назначения. Постройка выполнена в технике «заплота», т.е. между столбами, в которых друг напротив друга выбраны вертикальные пазы, горизонтально уложены бревна с затесанными для паза концами (так называемая набирка или замет). Следует отметить, что в случае с постройкой № 21А, горизонтальная «набирка» выполнена не в «чистом виде». При возведении западной стены вертикальные пазы в столбах отсутствуют, а небольшие дугообразные выемки имели торцы продольных бревен. Подобного рода конструктивный прием был отмечен исследователями при изучении Мангазеи [1, с. 14].

Использование заплотной техники в качестве конструктивного решения для возведения хозяйственных построек и сеней было широко распространено [1, с. 13]. Хозяйственное назначение строения также подтверждается археологическими данными. В результате исследований установлено, что в данной постройке содержали скот, так как в заполнении слоя присутствует навоз, кроме того, в постройке обнаружено более двухсот предметов, связанных с охотой и рыболовства и ведением хозяйства [3, с. 100-101; 4, с. 33-34]. По-видимому, данная хозяйственная постройка сочетала в себе функции построек для содержания животных, типа хлев, и построек для хранения, типа амбара или сарая.

Вход в постройку фиксировался в виде порожной колоды, осуществлялся с юга и практически вплотную примыкал к западной стене избы. Постройка вероятнее всего была одноэтажной. В пользу данного предположения выступает отсутствие каких-либо остатков конструкций, говорящих о наличии второго этажа. Важно отметить, что хозяйственная часть дома возводилась позднее жилой части, и крылась отдельной крышей, при этом имела кровлю конструктивно схожую с кровлей избы. Учитывая, что в постройке содержали скот, можно предположить, что кровля постройки служила поветью, что было весьма характерно и для Европейского Севера и сибирской деревни [2, с. 203].

Постройка № 21Б представляла собой хозяйственный двор или «дворовое место», стены которого были выполнены в заплотной технике за исключением юго-восточного угла: восточная и южная стены срублены «в обло с остатком» *(Рис. 1)*. Использование заплотной техники при устройстве ограждения двора надежно защищало усадьбу не только от случайных посетителей, но и от нередких, в те времена, преднамеренных нападений [8, с. 28]. Помимо «оборонительной» функции, хозяйственный двор, нередко выполнял функцию места для содержания скота. Согласно этнографическим наблюдениям в Сибири, скот всю зиму находился на заднем дворе под открытым небом, где для него устраивали забор и навес со стороны преобладающих ветров [11, с. 110].

Двор был вытянут по линии З — В, Его длина в этом направлении составляет 9,5 м. Вход на территорию двора и усадьбы осуществлялся с улицы и фиксировался с восточной стороны в виде двух столбовых ям, предположительно от столбов-верей. Учитывая расстояние между столбовыми ямами в 2 м, ворота, скорее всего, были двупольными, перекрытыми узкой двускатной крышей. «При устройстве ворот широко использовали «самородные крюки» («копань»), т.е. ели, выкопанные вместе с длинными корнями, отходящими от ствола под прямым углом» [8, с. 284]. Второй вход в виде маленьких ворот или калитки располагался с западной стороны.

Сам двор, или «дворовое место» в XVII веке нередко был мощеным, а подчас и крытым, о чем свидетельствуют формулировки, встречающиеся в источниках: «двор в заплоте», «двор в заплоте мощенной», «двор в заплоте крытой и мощеной». В ходе археологических работ, каких-либо доказательств в пользу наличия мощения или кровли обнаружено не было.

Итак, проанализировав собранные материалы и археологические данные, можно утверждать, что посадская усадьба города Берёзова первой половины XVII века представляла собой группу построек жилого и хозяйственного назначения, формирующуюся вокруг дворового места. Усадьба отличается небольшими размерами и малым числом строений.

Застройка двора не имеет ярко выраженного типа, однако она гораздо больше тяготеет к южнорусскому типу, чем северорусскому. Следует отметить объединение построек разного типа (жилого и хозяйственного) в однорядную двухчастную связь. Однако связь в данном случае представлена не «в чистом виде», так как постройки имеют отдельные входы.

В целом при возведении построек прослеживается использование традиционных конструктивных приемов, характерных для русского деревянного зодчества данного периода времени: использование срубных конструкций для жилых построек и столбовых для хозяйственных строений; рубка сруба «в обло»; отсутствие фундаментов; использование двускатных кровель самцово-слеговой конструкции; отапливание помещений глинобитными печами «по-черному»; малые размеры окон и дверей.

Интересным представляется отсутствие сеней подклетов в жилых постройках, учитывая суровый климат севера западной Сибири.

Приложения

Рис.1. Посадская усадьба города Берёзова первой половины XVII в. План усадьбы № 7

Рис.2. Посадская усадьба города Берёзова первой половины XVII в. Архитектурная реконструкция

Примечания

1. Белов, М.И. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. Ч. II. / М.И. Белов, О.В. Овсянников, В.Ф. Старков; Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. — Москва: Наука, 1981. — 148 с.
2. Бломквист, Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Труды Института этнографии: науч. сб. — Москва, 1956. — Т. 31. — С. 3-458.
3. Визгалов, Г.П. 2018. Отчет о НИР. Многовековая Югра: история расселения и адаптации человека на Севере Западной Сибири (экологический и социокультурный аспекты). Археологические раскопки, проведенные на территории посада в пгт. Берёзово Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В 3 кн. Сургут, 2018. Архив НПО СА. Ф. Р-1. Д. 581/1-3.
4. Визгалов, Г.П. 2022. Отчет о НИР. Отчет о результатах археологических раскопок Берёзовского городища в 2021 году (посад, кремль). В 4-х книгах. — Нефтеюганск, 2022. Архив НПО СА Ф. Р-I. Д. 629/1-4.
5. Визгалов, Г.П. Берёзов: первый русский город Югры XVI-XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Вып. 20 / Г.П. Визгалов, С.Г. Пархимович, Е.Н. Петрова. — Ханты-Мансийск — Нефтеюганск — Сургут, 2002. — 158с.
6. Громов, Г.Г. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища // Советская этнография. — 1955. — № 1. — С. 164-171.
7. Люцидарская, А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки, XVII-нач. XVIII в. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. — 197 с.

8. Русские: историко-этнографический атлас. — Москва: Наука, 1967. — 360 с.

9. Скрябина, Л.А. Традиционная деревянная архитектура Кузбасса: крестьянское жилище в исторической ретроспективе / Л.А. Скрябина, А.М. Стоянов // Учётные записки музея-заповедника «Томская Писаница». — Кемерово, 2019. — Вып. 10. — С. 64-82.

10. Шашков, А.Т. Боевые укрепления города Березова в конце XVI — начале XVIII вв. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: исследовательские материалы и документы / под ред. А.Г. Мосина; авт.-сост.: Н.Н. Баранов, Д.А. Редин, А.Т. Шашков. — Москва, 2007. — С. 65-80.: ил.

11. Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середина XIX вв. / отв. ред. В.А. Александров. — Москва, 1981. — С. 102-143.

Рис. 1

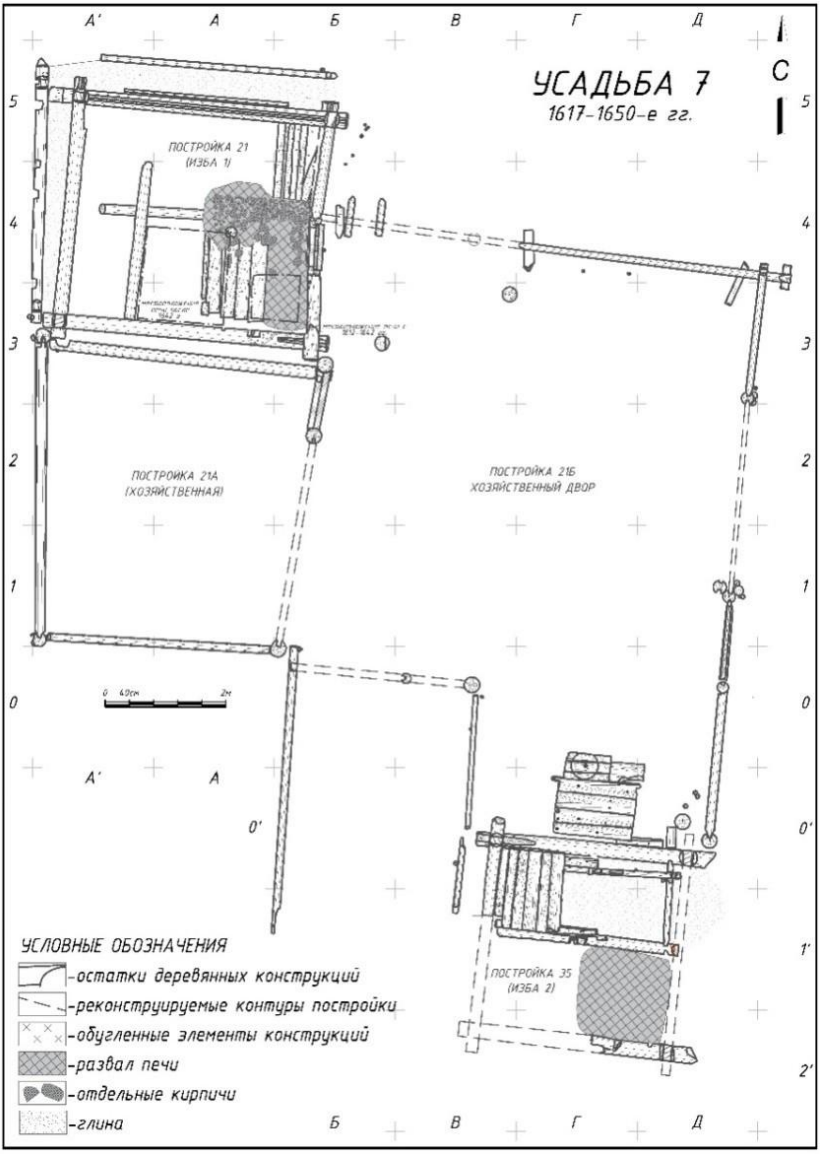
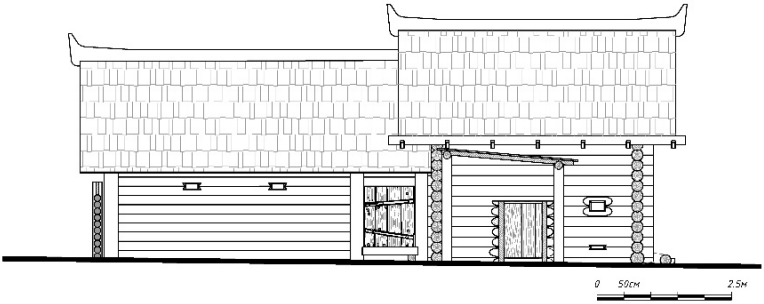
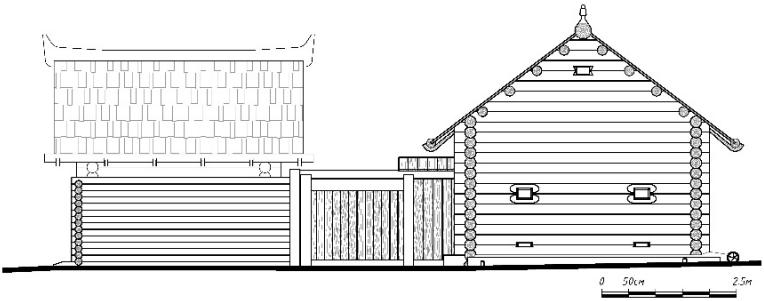

УСАДЬБА 7
1617–1650-е гг.
С
ПОСТРОЙКА 21
(ИЗБА 1)
ПОСТРОЙКА 21А
(ХОЗЯЙСТВЕННАЯ)
ПОСТРОЙКА 21Б
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДВОР
ПОСТРОЙКА 35
(ИЗБА 2)
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
-остатки деревянных конструкций
-реконструируемые контуры постройки
-обугленные элементы конструкций
-развал печи
-отдельные кирпичи
-глина

Рис. 2

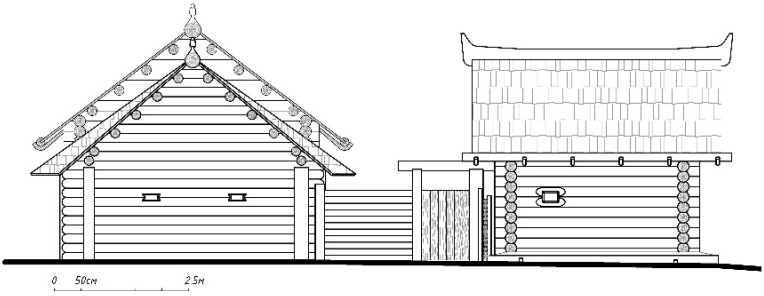
Архитектурная реконструкция усадьбы нач. XVII в.
Изба 1 и хозяйственная постройка. Вид с юга



Общий вид усадьбы. Вид с юга



Общий вид усадьбы. Вид с запада



III. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Из записок Оносовой Галины Николаевны о работе врача в Толькинском Красном чуме (1933-34 гг.)

Воспоминания Г.Н. Оносовой о своей работе в Толькинском красном чуме были записаны ею в 1973 году. В фонд Нижневартовского краеведческого музея воспоминания поступили в виде рукописи на 80-ти страницах пяти 12-страничных блоков школьных тетрадей (ОФ-6294) из неразобранного архива Т. Д. Шуваева в 2012 году. Судя по пометкам на документах, Тимофей Дмитриевич получил их от Ираиды Николаевны Оносовой, которая собственноручно копировала записки старшей сестры после смерти последней. Об этом свидетельствует запись в конце рукописи:

«(Переписала из записок Оносовой Галины Николаевны ее сестра И.Н. Оносова) 5/XII 1978 года». Таким образом, к Шуваеву эта рукопись попала в 1979 году, он планировал опубликовать воспоминания к юбилею округа, который отмечался в 1980 году. На обложке первой тетради — надпись в шесть строк, выполненная шариковой ручкой зелёного цвета «О работе врача Оносовой Галины Николаевны в Толькинском Красном Чуме (1933-1934 гг.) (переписано из ее записок)». Между основным текстом заголовка и двумя нижними строками чёрной шариковой ручкой другим почерком написано:

«(воспоминания). Написано в 1973 г.». Почерк принадлежит Т.Д. Шуваеву.

Врач Галина Николаевна Оносова (18.01.1911-11.11.1978), уроженка с. Заводо-Успенское Тугулымского района Свердловской области, внесла большой вклад в становление медицинского обслуживания в Ханты-Мансийском округе. В 1933 г., после окончания Омского медицинского института она приехала в Остяко-Вогульский национальный округ (ныне Ханты-Мансийский автономный округ - Югра). Начинала врачом окружной амбулатории в Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске), затем ярко проявила себя на разных участках медицинской службы округа, в т. ч. была первым врачом Толькинского красного чума. Следует отметить, что в некоторых источниках ошибочно утверждается, что Г.Н. Оносова с 1941 г. работала

заведующей Ларьякского врачебного участка [3], хотя она уже 23.06.1941 г. была призвана Василеостровским РВК г. Ленинграда, служила в передвижном полевом госпитале № 623 11-й армии[1]*. Воспоминания, которые приводятся в книге «Не чужая боль: страницы истории становления и развития здравоохранения Нижневартовского района…», на самом деле принадлежат её сестре, Ираиде Николаевне Оносовой, действительно работавшей в Ларьякес 29 декабря 1941 по 1946 годы.*

Материалы о Г.Н. Оносовой, в т.ч. рукопись воспоминаний, хранятся в музее медицины Тюменской области (г. Тюмени). Участница финской и Великой Отечественной войн, военный врач, подполковник медицинской службы Г.Н. Оносова была дважды награждена орденом Красной звезды и другими наградами. По окончании Великой Отечественной войны работала в военном госпитале Симферополя. Скончалась в 1978 г., похоронена на военном кладбище г. Симферополя.

Воспоминания Г.Н. Оносовой не раз возникали в различного рода публикациях. Впервые их опубликовал Т.Д. Шуваев в газете «Ленинское знамя» в 1979 году [5]. В музее сохранилась рукопись этой публикации (ОФ-6293), сделанная его рукой, где отмечено: «К 50-летию Ханты-Мансийского автономного округа. В газету «Ленинское знамя». Публикация вышла в существенно сокращённом и редактированном виде. Позднее материалы из воспоминаний Г.Н. Оносовой фрагментарно использовали в своих публикациях К.В. Галкина [1] и М.М. Ишбаев [2]. Наиболее полно воспоминания Г.Н. Оносовой приводятся в книге Л.Ф. Струся [4], в главе «Девушка, победившая смерть», посвящённой биографии Галины Николаевны: текст записок здесь немного сокращён (убраны повторы) и разделён на главки.

Воспоминания Г.Н. Оносовой содержат ценные сведения по этнографии ханты и становлении здравоохранения Ларьякского района в тридцатые годы прошлого века, поэтому в настоящей публикации приводится их полный текст в соответствии с рукописью, хранящейся в фонде Нижневартовского краеведческого музея. Текст дополнен комментариями и списком персоналий

---

[1] См. Память народа: [сайт]. — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/ (Дата обращения: 13.04.2023)

упоминаемых автором, что поможет краеведам в дальнейшем изучении различных аспектов истории Нижневартовского района.

Рукопись печатается без сокращений, авторская стилистика и орфография сохранены.

Подготовила к публикации Л.Е. Ковалева.

В Ханты-Мансийском национальном округе (тогда Остяко-Вогульском), входившем в состав Уральской области, я начала работать в августе 1933 г. сразу по окончании лечебного факультета Омского медицинского института. Округ был молодой. Медицинская служба находилась в стадии становления. Первым организатором здравоохранения в округе был Горохов Пётр Иванович, коммунист, участник гражданской войны. Об этом прекрасном человеке и руководителе нельзя говорить без уважения. Он прилагал много сил и умения к привлечению на работу в суровые условия Крайнего Севера врачей и среднего медицинского персонала. Знал, как расставить кадры, как заинтересовать и заставить работать с полной отдачей сил каждого работника. Умел окружить заботой и вниманием всех.

Так и я, ещё летом 1932 г., побывав в Остяко-Вогульске, решила поехать работать на Север. И лишь после хлопот зав. окрздравотдела[1] Горохова П.И. перед Наркомздравом СССР[2], была назначена в округ. Ханты-Мансийск (Остяко-Вогульск) тогда был небольшим посёлком и весь находился в строительных лесах. Уже тогда в округе развернулось строительство больших амбулаторий и медицинских пунктов. Всё направлялось на оздо-

---

[1] Окрздравотдел (окрздрав) — отдел здравоохранения Остяко-Вогульского национального округа. Был организован 26.08.1931 года (см. Предисловие к фонду № 8 окружного территориального медицинского управления ОТМУ Администрации Ханты-Мансийского автономного округа. КУ ГА ХМАО-Югры. он-лайн. — URL: https://alertino.com/ru/102098 (Дата обращения: 13.04.2023)

[2] Наркомздрав СССР — народный комиссариат здравоохранения СССР, орган государственной власти в СССР в ранге министерства управлявший развитием здравоохранения в стране был создан в 1936 г. Вероятно, автор имела в виду Наркомздрав РСФСР (1918-1946).

ровление коренного населения. Правда, медицинских работников было ещё мало. Так, в окружном центре вся лечебная работа лежала на плечах единственного врача посёлка Потанина Николая Александровича, фельдшера-акушерки Панкиной Агнии и фельдшера Поповой Валентины. Последняя заведовала окружной амбулаторией, а Потанин Н.А. являлся ещё и заместителем зав. окрздрава, возглавляя лечебный отдел.

Но во всех районных больницах имелись врачи. Так, в с. Самарово (теперь южная часть г. Ханты-Мансийска) находилась больница, куда направлялись больные из окружного центра. Там же функционировало родильное отделение. В Самаровской больнице работали врачи-хирурги Пантеровский Владимир Петрович и Овсянкин Фёдор Иванович, а также опытный фельдшер Серафимович Екатерина Антоновна. В начале 1934 г. в Ханты-Мансийск начали съезжаться врачи, приехали Саенко — муж и жена, он — хирург, она — терапевт, затем — врач Савинова, а позже многие другие. В конце 1933 г. окружная амбулатория из тесного, барачного типа, помещения была переведена во вновь выстроенное здание окружной поликлиники. Это было типовое одноэтажное деревянное здание, светлое и тёплое, имевшее ряд кабинетов, лабораторию, перевязочную, операционную, процедурную и др. Рядом достраивались окружная больница, противотуберкулёзный диспансер и медучилище.

По прибытии в Ханты-Мансийск я работала врачом амбулатории, вела хирургический приём, обслуживая вызовы на дом и выполняя обязанности школьно-санитарного врача в начальной, средней школах и педучилище. Как и все врачи посёлка и села Самарово, участвовала в работах ВТЭК[1].

В ноябре 1933 г. решением окружкома партии и окрисполкома был сформирован Толькинский Красный Чум, в состав которого входила и я. Его возглавил Райшев Леонид Миронович, коммунист.

В то время на Крайнем Севере шла острая классовая борьба. Кулацко-шаманские элементы некоторых отдалённых районов

---

[1] ВТЭК — врачебно-трудовая экспертная комиссия. В советский период так назывался медико-социальный орган, который присваивает гражданам степень инвалидности.

сопротивлялись мероприятиям, проводимые Партией и Советской властью, занимались антисоветской агитацией, сеяли национальную рознь, запугивая кочевое население. На Тольке обстановка была сложной. Перед нами — небольшой партийно-комсомольской группой — окружная партийная организация поставила задачу вырвать бедноту и середняков из под влияния кулаков и шаманов, собрать запуганное ими и рассеявшееся по тундре кочевое население, провести выборы туземного Совета и помочь ему в работе, организовать школу-интернат для детей ханты-кочевников, наладить медицинское обслуживание на территории туземного Совета, стать зачинателями и организаторами всех культурных преобразований в тундре.

Толькинский туземный Совет входил в Ларьякский район и находился на стыке Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов и Туруханского (теперь Красноярского) края. Это было одно из отдаленнейших мест нашего округа. Собрав всё необходимое оснащение (медикаменты, инструментарий, библиотеку, учебные пособия, тёплую одежду и пр.) мы отправились в долгий и дальний путь. Мы — это зав. красным чумом — Райшев Л.М., киномеханик Кузнецов Л. и врач — я. Остальные работники — учитель, переводчик, уборщица — она же санитарка, пастухи оленьего стада, были позже зачислены из работников Ларьякского района.

Тысячекилометровый путь до Ларьяка мы проделали на лошадях, а далее — почти столько же на оленях. Ряд непредвиденных обстоятельств задержал нас в Сургуте и Ларьяке. По заданию зав. окрздравом я побывала в Тундринском врач[ебном] пункте Сургутского района и в районной Сургутской больнице, главврачом которой была хирург Новикова. Сургут тогда был небольшим таёжным селом, больница была невелика, но отличалась порядком и хорошим обслуживанием населения. Село Нижне-Вартовское было совсем небольшим населённым пунктом, больницы там не было. Она находилась в Ларьяке. Отрезок пути в 250 км от Нижневартовска до Ларьяка был труден. Приходилось ехать по одному человеку, выполняя функции почтальона. Узкая таёжная дорога вилась вдоль реки, беспрестанно пересекая её. В одной из юрт, в тайге, двое мужчин меняпопросту

выбросили из саней и категорический отказались дать транспорт для дальнейшей поездки. Оказывается, получив от кого-то сведения, что я врач и направляюсь на Тольку, одурманенный шаманами ханты последовал их совету. Было холодно и темно, но пришлось посидеть не один час на берегу заснеженного Ваха. В помещении меня бранили и проявляли более агрессивные акты недружелюбия. Особенно моих «обидчиков» возмущало, что врач — девушка, и один из них возмущённо кричал: «не повезу девку, не повезу девку…». Так в то время было велико влияние шамана. Однако всё закончилось благополучно: в ту же ночь из Ларьяка за мной прислали транспорт (лошадь), и я быстро, без приключений, добралась до «места».

Из Ларьяка до Тольки мы уже все вместе — втроём — добирались в продолжение двух недель: олени быстро «приставали», день был короток. Ночевали две ночи в юртах, а затем у огромного костра под открытым небом, зарывшись в снег. Спальных мешков у нас не было. Согревала наша меховая одежда — полушубки, малицы, кумыши («гуси»)[1], на ногах кисы и «топоры»[2].

Красный чум под руководством Райшева Л.М. проработал 13 месяцев. В состав его входил: заведующий, переводчик — Натускин Кузьма — ханты из Ларьяка, учительница Александрова-Пан Людмила из Ларьякской школы, киномеханик Кузнецов Лазарь из Самарово, врач — я, уборщица — санитарка Сигильетова Наталья, ханты из Ларьяка, пастухи Кунин Любушка и Кунин

---

[1] Кумыш, «гусь» — глухая верхняя зимняя одежда из оленьего меха в виде прямого мешка без разреза мехом наружу, с капюшоном. Надевался через голову (см. Шатилов М. Б. Ваховские остяки. — Тюмень, 2000. С. 113.)

[2] Кисы — зимняя меховая обувь из кожи с ног оленя (см. Шатилов М.Б. Ваховские остяки. — Тюмень, 2000. С. 112.); «топоры» — род меховой зимней обуви на Вахе, надевали поверх основной обуви. Упомин. также в воспоминаниях И.В. Борщова: «На ногах у меня были валенки, на них надеты оленьи «топоры»…» см. Воспоминания Борщова Ивана Васильевича (страницы истории Александровского и Ларьякского районов 1928-1938 гг.) — Нижневартовск. — 1997. — С. 7.

Пётр, ханты с Тольки. Вместе с нами трудились работники туземного Совета[1] — Александров Евгений из Ларьяка и Тугаскин Иван — ханты с Нижней Оби, радист Кошкаров Иван из Ларьяка. Всей работой руководила партийно-комсомольская группа. Постепенно была вырвана из-под влияния кулаков и шаманов беднота, получившая в безвозмездное пользование оленей, конфискованных у кулаков. Были проведены выборы туземного Совета, куда вошли бедняки и бывшие батраки. Выборы туземного Совета превратились в большой праздник, на который съехались все ханты с семьями. Была организована и успешно работала школа-интернат для детей рыбаков и охотников. Был развёрнут медицинский пункт, где проводился амбулаторный приём, приезжавших в резиденцию а и Красногочума рыбаков, охотников и их семей. Проводились поголовные профилактические осмотры кочевого населения путём активных выездов на места кочевий и в отдельные чумы в различные времена года. Много раз приходилось выезжать к больным ханты (эвенкам) за десятки и сотни километров в различные участки лесотундры. На месте размещения Красного чума и в отдельных чумах проводилось лечение тяжелобольных из числа местного населения, школьников и отдельных работников. Велось наблюдение за школой-интернатом. Большое внимание уделялось санитарно-просветительной работе среди кочевого населения. Беседами, лекциями, показом отдельных санитарно-гигиенических мероприятий были охвачены все. Силами работников Красного чума была построена общественная баня и вошебойка, где проводилась санобработка кочевого населения. Но прежде, чем мы добились доверия населения и контакта с ними, нам пришлось немало поработать. Порою, мы встречались с большими трудностями и неудачами, особенно на первом этапе работы. Немало пришлось поблуждать по тундре зимой и ранней весной 1934 года, прежде чем мы собрали коче-

---

[1] Родовой туземный совет (тузсовет) — советский национальный орган управления на территориях, заселенных малочисленными коренными народами Севера, ведущими кочевой или полукочевой образ жизни. Создавались в соответствии Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 25.10.1926 «Об утверждении Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин Р.С.Ф.С.Р.».

вое население и познакомились с ним. Мы изучали быт, нравы и обычаи Тольки, вникали в их нужды и запросы, помогали и учили всему, что было в наших силах. Мы были посланцами партии и комсомола, и, понимая это, не боялись трудностей и старались их преодолеть.

II

Обширная территория Толькинского туземного Совета являлась частью Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа. Резиденция туземного Совета и Красного чума со школой-интернатом и факторией находились на расстоянии тысячи километров от Ларьяка. На севере и западе проходила «граница» с Ямало-Ненецким национальным округом, на востоке — с Туруханским (ныне Красноярским) краем. Население Толькинского тузсовета — ханты (реже эвенки) — вело кочевой образ жизни, и было разбито на три группы: Толькинскую, Пуровскую и Сабунскую, по названию рек, вдоль которых располагались места кочевий (река Сабун — приток р. Ваха, р. Толька — приток р. Таза, р. Пур — впадает в Тазовскую губу). С 1934 г. резиденция тузсовета находилась в среднем течении р. Тольки. Отдалённость кочевий Толькинской и Пуровской групп была велика. Сабунская группа находилась значительно ближе к районному центру, на расстоянии 2-3 дней езды на быстрых оленях, от Ларьяка. В отличие от других групп её население вело полукочевой образ жизни.

Толькинская группа кочевала от верховий до низовий реки Тольки — к реке Тазу и к цепи озёр, соединённых протоками, так наз. Ентырь. Нередко толькинцы кочевали вместе с туруханцами-эвенками, переезжая на их территорию. На озёрах ханты проводили весну и лето, возвращаясь ранней осенью — к ходу нереста сельди — в верховья реки. Зимой они передвигались по лесотундре вдоль берегов реки (реже Таза), переезжая с места на место через 2-3 дня, — по мере истощения корма для оленей (ягеля) и пушного зверя, на которого охотились в прибрежных лесах и тундре. Это были белка, горностай, соболь, лиса, росомаха, выдра, песец, и др. Медведь считался священным зверем.

Его убивали в крайнем случае. На реке зимой ставили ловушки, а летом сетями добывали рыбу. Летом чумы стояли на основных стоянках по несколько дней. Но имелись 2-3 чума, хозяева которых передвигались очень редко. Средством передвижения зимой были олени, а летом самодельные лодочки-обласки, на которых плавали по рекам и речкам, многочисленным озёрам. Большую часть года сообщение с Ларьяком было прервано из-за отсутствия пути (непроходимые болота, озёра, реки). С приездом Красного чума существовала радиосвязь (азбука Морзе). С выездом к летним стоянкам на Ентырь мы радиосвязи не имели.

Несколько слов о климатических условиях. Зима в 1933-34 году была долгая и суровая, снежная, с частыми метелями, даже в апреле месяце. В первой половине июня ещё местами лежал снег. В это же время очистилась ото льда река Толька в среднем течении, где мы в ту пору стояли. В августе выпал первый снег. Путь, однако, установился тогда в ноябре, т.к. долго оставались непроходимыми болота. В мае — июне солнце не заходило, только опустившись к горизонту, огромный медный шар поднимался вверх. Совсем не темнело, трудно было понять — день это или ночь. Но почти половину дней в июне, июле и августе стояла хмурая погода или шли дожди. Ноябрь и декабрь были тёмными. В январе — дни короткие, но появилось солнце, в апреле солнце ослепляло. Все кочевья находились в лесотундре. Лес в виде лент тянулся вдоль рек. Неподалёку от Ларьяка — на Сабуне — он был высокий и сильный (тайга), преобладали хвойные породы. А по мере того, как мы приближались к Тольке, лес становился менее высоким, часто преобладало смешанное редколесье, сменявшееся по мере отдаления от реки мелким кустарником и болотами. Правда, время от времени встречались огромные лиственницы. Места были богатые ягелем, иногда клюквой, морошкой, черникой, брусникой. Встречались грибы. Но эта была зона вечной мерзлоты, что давало о себе знать. Кочевье состояло чаще из 2-4 чумов. Как правило, ханты ставили их близь самой воды на берегу реки (речушки) или озера. Летом к некоторым чумам было очень трудно пробраться из-за окружавших огромных болот, преодолевать которые приходилось с помощью шестов, делая большие прыжки с кочки на кочку.

Зимой основным занятием ханты была охота, летом — ловля рыбы и заготовки её. Помимо охоты и рыболовства всё население занималось оленеводством. Последнее, однако, носило потребительский характер, т.е. олени, которые использовались только для своих нужд. Они нужны были для передвижения, для пропитания (мясо, жир, кровь), а так же как одежда, обувь и постель. Колхозов (артелей) там тогда не было: всеми видами промысла занимались единолично. Типовым жилищем ханты на Тольке был чум (конусообразный шалаш), который отвечал требованиям кочевого образа жизни: его можно было быстро собрать и разобрать, легко погрузить на нарты и быстро перевести на оленях. Жители Тольки чум устраивали следующим образом: утаптывали снег в виде круга с диаметром 2,5-3 метра (в среднем), посередине клали две длинные доски на расстоянии 30-40 см одна от другой. Между ними укладывали лист железа для очага (костёр, железная печка). По окружности ставили жерди (до 20 и более), перекрещивая и скрепляя их вверху верёвкой из оленьей кожи. Это был конусообразный остов. На остов набрасывали собственно чум, т.е. оленьи шкуры (подстриженные), сшитые между собой. Вверху оставалось отверстие для выхода дыма. С одной стороны шкуры не сшивали, а забрасывали одну сторону на другую, когда нужно было выйти или войти из чума, одну из них (сторону) откидывали. Бывало и так, что вместо оленьих шкур для зимнего чума использовали грубое толстое сукно или бересту. Но последняя обычно применялась для устройства летнего чума. Летний чум иногда делали в виде полумесяца, лишь для защиты от дождя. Зимний чум снаружи обкладывали (закидывали) снегом до 0,5 метра высотой, чтобы укрепить шкуры и сделать жилище теплей. Снег в чуме посыпали кедровыми ветками и утаптывали их. На них клали оленьи шкуры — кнаружи от очага. Зажиточные хозяева, имевшие много оленей, имели крепкие и большие чумы. Бедняки же ютились в юртах меньших размеров, нередко основательно обносившихся. Они не всегда сменяли их на лето. Иногда круглый год жили в берестяных чумах. Конечно, такое жилище не могло защитить от непогоды — дождя, ветра, снега и мороза в должной степени. В период гнуса чум закрывали полностью, и целый день дымил кос-

тёр, в который подбрасывали мох, траву и торф. Большинство чумов отапливалось костром, который раскладывали в центре на листе железа. Лишь немногие чумы тогда отапливались при помощи железных печей. Понятно, что такой чум был теплее и чище, в нём почти не оставалось дыма, когда костёр (или печка) не горел, особенно ночью — в любом чуме было холодно. Днём же, когда ярко горел костёр, можно было находиться некоторое время без малицы (шубы). Костёр или печка служили так же источником света (освещения). Редко можно было встретить свечи.

Не всякая семья имела отдельный чум. Иногда в нём жило две семьи. Перегородок и занавесок не было. Просто — одна семья жила на одной стороне от очага, вторая — на другой. Нередко отмечалась скученность. Постелью служили оленьи шкуры: на них спали и ими укрывались в холодное время года. Во многих чумах имелись подушки без верхних наволочек. Зимой спали в верхней одежде. Дети грудного возраста спали и проводили большую часть времени в люльках из бересты или (реже) из дерева. Эти люльки делали наподобие ванночки со спинкой, применительно к росту ребёнка. Она была узенькой, ребёнок обычно не лежал, а сидел в ней, плотно прилегая спинкой, ножками и ручками к стенкам этой люльки. На дно её накладывали слой берёзовых стружек, а ребёнка закутывали (пеленали) в мягкую шкурку пушного зверя. Люльку ставили на оленьи шкуры возле матери ребёнка. Во время переездов эту кроватку привязывали к нарте, или мать держала её на руках. В чумах мебели, за исключением маленького столика для еды на низких ножках, не было. Сидели на оленьих шкурах (зимой), на ветках или на сухой траве (летом).

В каждом чуме было отведено место для хранения тазов, вёдер, котлов, чайников и мелкой посуды (чашки, ложки, ножи): последняя хранилась обычно в «куженьках» — берестяных сумках и коробках собственного изготовления. После употребления посуду ополаскивали водой и протирали берёзовой стружкой (не всегда!). Продукты хранили в особых лабазах, установленных на длинных столбиках (с целью защиты от зверей) в определённых местах в лесу. Воровства не было. Люди были честны и доверчивы. Для перевозки продуктов изготовляли специальные нарты

с ящиками-хранилищами с плотными крышками. Во время стоянки эти нарты-хранилища расставляли вокруг чума. В них же перевозили одежду, обувь, которая была приспособлена к условиям жизни на Севере. Правда, в тёплое время года, а также в хорошо нагретом чуме мужчины, обычно, были одеты в 1-2 рубашках из бумажной материи (ситец и т.п.) и в 1-2 штанах из более плотного материала. Специально нижнего белья не было. Женщины имели шаровары из ровдуги (самодельной замши из кожи оленя), 1-2 кофточки и юбку. Обувью и детям, и взрослым летом служили нырики — мягкие полусапожки из ровдуги, к которым пришивали длинные — выше колен — голенища из сукна или другой плотной материи, или сапожки длинные целиком и из ровдуги. Прежде, чем одеть нырики, босые ноги обёртывали сухой травой, сменяя её по мере надобности. В холодное время костюм девочек и женщин дополнялся «ягушкой», шубкой (из двух) выделанных шкур оленя — мехом внутрь и наружу, нередко украшенной красивым орнаментом. Одев ягушку, женщины запахивали её и подпоясывались.

Головным убором был платок: летом ситцевый, зимой тёплый. Мужчины и мальчики носили меховую тужурку или малицу (малахай мехом внутрь с капюшоном-капором и рукавицами). В морозы одевали и то, и другое. Помимо капюшонов головным убором служила меховая шапка с длинными «ушами» — треух. Вся верхняя одежда обычно изготовлялась из шкур оленя, а мех пушных зверей использовался для отделки — опушки. Зимой обувь шили из оленьих «лап», т.е. из шкурки с оленьих ног. Это были меховые нырики-полусапожки (голенище делали из толстого грубого сукна) или кисы (реже). Всю одежду и обувь шили женщины на руках, искусно орудуя ножом (ножницы тогда были редкостью). На охоту или рыбалку мужчины отправлялись в обычной одежде. Прибыв домой, долго сушили у костра или на ветру обувь и одежду, сидя в чуме полураздетыми. Резиновых сапог, плащей и пр. непромокаемой одежды и обуви тогда на Тольку не завозили. Рубашки, штаны, платья (их носили маленькие девочки) стирали очень редко и некачественно. Новую одежду обычно одевали поверх старой, ношеной. Верхнюю — меховую [одежду] обработке не подвергали. В 1934 г. в Толькин-

ской фактории начали шить для коренного населения рубашки, брюки и др. одежду, которая пользовалась большим спросом.

Теперь перейду к вопросам питания. Основными продуктами питания были рыба, мясо оленей и диких животных, птиц — дичи водоплавающей и боровой, изделия из муки. В реке Тольке и её притоках — ёганах, в озёрах постоянно водилась чёрная рыба: язь, щука, чебак, окунь, карась и др. В период нереста — ранней осенью — из тазовской губы заходила большими косяками сельдь, она шла в верховья реки Тольки. Сельдь была высокого качества, мелкая, как салака или сосьвинская сельдь. Из диких зверей в пищу шло мясо белок, песцов, горностаев, выдры и всех других пушных зверей, добываемых на охоте. Мясо белки очень вкусное, белое (ела сама, вернее, дегустировала). Не уступала ему дичь — глухари, рябчики, куропатки, тетерева, кулики, дикие утки и гуси. Приготовление пищи и способ употребления её представляло некоторые особенности, что связано было с кочевым образом жизни, экономикой и укладом жизни ханты Тольки того времени, поэтому я на этом вопросе остановлюсь подробнее. Основным изделием из муки были пресные лепёшки, чаще ржаные. Если в хозяйстве было сито, муку просевали и разбавляли водой. Подсаливали не всегда. Тесто делали крутым и долго его мяли, затем без скалки раскатывали круглые лепёшки толщиной в 3-4 см. Положив на сковороду, слегка поджаривали на углях. Потом зарывали в горячую золу (под костром) или, подцепив на палочку, пекли у огня. Лепёшки (хлеб) получались тяжелыми, твёрдыми с низкими вкусовыми качествами. Как лакомство готовили лепёшки на оленьей крови или с примесью рыбной икры и, что особенно любили, с рыбьим жиром. Часто замешивали муку для лепёшек на ухе. Лишь в одном хозяйстве имелась печь для изготовления хлеба. Она была глинобитной без трубы. Дым выходил в *цело* — как у русской печки. Стояла она возле чума. В ней пекли хлеб «по-русски», т.е. на закваске. Лепёшки (хлеб) ели нерегулярно, в основном во время сдачи пушнины, т.е. зимой и весной. На весь год муки не хватало. Женщины запасали разную крупу. Они обычно засыпали её в рыбный или мясной бульон. Кашу варили редко.

Рыба была любимым и наиболее частым кушаньем. В большинстве случаев толькинские ханты ели её в сыром виде, иногда ещё живой и трепещущей. Так было, например, во время хода сельди. Вода в реке буквально кипела и пенилась. На косяке [рыбы], не проваливаясь, стояли рыбаки и черпали вёдрами живую сельдь. Время от времени они, брали её за голову двумя пальцами и осторожно отправляли в рот (с головы к хвосту). Запрокинув голову, не жуя, как устрицу, целиком проглатывали её. Мы спросили рыбака Сергея Кунина: «Что, верно вкусно?», он ответил: «Да, очень!» Зимой сырую рыбу целиком замораживали, а потом строгали её ножом и ели без соли. Это блюдо толькинцы называли патанкой (от слова patok — холодный, по-видимому). Свежую сырую рыбу (наиболее крупную), чаще щуку и язя, разделывали следующим образом: взяв ещё живую рыбу, делали надрез вокруг хвоста, и, как перчатку, снимали кожу. Потом рыбу разрезали в длину крупными лентами — кусками и сразу же ели без соли. Употребляя в пищу варёную рыбу, варили её тоже без соли и не до полной готовности. Очень любили уху (пили её). Женщины иногда обжаривали рыбу на вертеле (палочка, железный прут).

Внутри она [рыба] опять же оставалась сыроватой. Впрок обычно заготовляли сушёную рыбу. Для этого её обрабатывали так: производя разрез по спинке, голову и внутренности выбрасывали, а по рёбрам делали поверхностные надрезы. Сушили на воздухе («на солнце»), реже около огня, навесив на шесты. Из сушёной рыбы готовили рыбную муку «порсу», или, сохраняя тушки целиком, готовили запасы на зиму. Сохраняли её в лабазах. Такую рыбу ели просто сухой или же варили. Порсу употребляли с рыбьим жиром или без него, запивая чаем. Рыбий жир считался деликатесом. Вытапливали его из различных сортов рыбы, но лучше был селёдочный.

Оленина — обычно употреблялась в холодное время года. Для еды убивали (закалывали ножом) оленей, почему-либо непригодных к езде: искалеченных, ослабленных или больных. К сожалению, тогда на Тольке не было ветеринарного надзора. Толькинцы очень любили есть оленье мясо сырым. Как правило, заколов оленя ударом ножа в горло, тут же пили горячую дымя-

щуюся кровь. Или, слив кровь в таз, обмакивали в неё куски ещё неостывшего сырого мяса. Разделывая тушу оленя, они разрезали её на большие куски. Взяв в рот краешек такого куска (килограмм или около этого весом), быстрыми движениями острого ножа отсекали у самых губ этот «краешек», быстро проглатывая кусочек за кусочком. Или предварительно обмакивали его в кровь. Соль не употребляли. Говорили, что мясо и кровь — солёные. В большом употреблении было сырое мороженое мясо, а так же варёное без соли. Часто из оленины вытапливали жир (сало). Это сало считалось особым лакомством. Его бережно хранили, угощая особо дорогих гостей. Очень любили бульон, пили его горячим. Летом оленину ели редко, убивая оленя только в исключительных случаях (искалеченные животные или отсутствие рыбы — основного блюда летом и пр.) Мясо пушных зверей варили, жарили на вертеле или пекли в золе под костром. Ели опять-таки без соли. Особенно любили мясо белок. Убитого медведя свежевали, совершая священный ритуал. Сердце медведя считалось особенно ценным, так как будто бы передавало человеку, съевшему его, силу и ловкость. Птицу (дичь) варили или пекли в золе. В июле — августе рацион питания дополнялся ягодами — морошкой, черникой, брусникой. Ягоды ели свежими. На зиму не запасали. Многие ханты ели коренья, к сожалению, какие именно, сказать не могу. Грибы в пищу не употребляли. Все жители Тольки — от малого до самого старого — очень любили чай. Пили его крепким до черноты и в большом количестве. Воду для чая и для приготовления кушаний таяли из снега и не всегда доводили до кипения. Часто в горячий чай бросали комочки снега. Чай засыпали в большой чайник и нагревали над костром на железном пруте.

В те далёкие годы на обширной территории Толькинского туземного совета население было невелико, мало контактировалось с людьми из райцентра и округа. Ханты-кочевники были оторваны и от культурных центров. Жили они обособленно. Среди них бытовало ещё много поверий и пережитков. Особенно это касалось положения женщины, которая была принижена по отношению к мужчине. Начать хотя бы с того, что женщина не смела говорить о предстоящих родах, о своих болезнях, хотя

её всегда интересовали эти вопросы. Когда мы спрашивали какого-либо мужчину о здоровье его беременной жены, он относился к этому как к чему-то неподобающему, отвечал с усмешкой и уклончиво. Сами же женщины очень заботливо относились к беременным. Любили детей и многодетных матерей. Очень ласковы были, когда видели русскую беременную женщину, оберегали её (наша учительница ждала ребёнка).

Женщины рассказывали мне, что большинство девушек раньше очень рано выдавали замуж; родители не считались с их мнением. Иногда девочка 9-10-ти лет становилась невестой и женой. Такое раннее замужество, тяжелый физический труд до последних дней беременности и вскоре после родов, постоянное пребывание в чуме у костра отрицательно сказывались на здоровье женщины, процент заболеваемости которых был выше, чем мужчин. Нередко приходилось отмечать слабость брюшного пресса, расхождение прямых мышц живота, расширение вен нижних конечностей, грыжи и т.п. Женщины рассказывали, что в прошлые годы женщину (девушку) здесь продавали и покупали, выдавая замуж. Калымом были олени, белка и другая пушнина. Нам случалось видеть, что жених делал залог — подарок невесте. Если невеста по какой-либо причине позже отказывалась за него выйти замуж, жених требовал залог обратно, т.е. отбирал подарок. При отказе невесты выйти замуж за того или иного парня, последнего и у его сватов возникала мысль украсть её, т.е. взять замуж насильно. Но теперь — когда был Красный чум — они ехали советоваться туда или в туземный Совет. Спрашивали о допустимом возрасте невесты для замужества, понимая, что девочку нельзя брать в жёны. Но и при нас вопрос о выходе замуж всё ещё решала не девушка, а её родители. Из бесед девушками и женщинами выяснилось, что решающим в то время было материальное положение родителей невесты. На Тольке мужчин тогда было больше, чем женщин, невесту находили с трудом. У многих мужчин были вторые жёны, т.к. первые рано умирали.

Живший на Тольке до 1933 г. родовой князь «Шаты» — Кунин имел сразу двух жён. Других случаев многожёнства нам установить не удалось. Сватовство проходило так: в чум родителей

невесты приезжали сваты. Жених оставался дома или находился в другом чуме кочевья родителей невесты. Невеста присутствовала при сватании. Если сразу невесту сосватать не удавалось, сваты были настойчивы и заезжали ещё не раз. С первых дней женитьбы муж был главой семейства. Мужчина добывал пушнину и рыбу. Существовало поверье, что к сетям (ловушкам) может поехать и осмотреть их только человек, поставивший их, в противном случае будет неудача. И женщина (жена) не всегда допускалась. Жена помогала мужу следить за оленями, ловить и запрягать их в нарту. Вместе с мужем ставила и убирала (свёртывала) чум. Заготовляла топливо и воду. Чистила добытую рыбу и дичь. Готовила пищу. Приводила в порядок всё хозяйство. Стирала и шила. Ухаживала за детьми и мужем. При появлении мужчин — родственников, знакомых и незнакомых ей, но старше по возрасту, особенно стариков, женщина обязательно завешивала (закрывала) лицо платком. Иногда приходилось целый день ходить с этой «занавеской», почти вслепую выполняя свою работу. Если мужчина сидел у очага-костра, хотя и потухшего, женщина не имела права пройти между ним и очагом, нельзя ей было перешагнуть через очаг (потухший). Мужчины в семье — отец, муж, братья, всегда ели первыми, а женщина после. Если приезжали гости, то мужчин угощали первыми, а гостьи-женщины, ели после них вместе с хозяйкой.

Скажу о родовспоможении. В те годы толькинские женщины-ханты рожали всегда в чумах. Принимала роды любая женщина-ханты. Особых женщин-знахарок (повитухи) не было. Любая женщина должна была уметь принять роды (так заявили нам сами женщины при опросе). Шаман акушерской практикой не занимался. Особого чума для родов не было, а из чума, где жила роженица, в это время все мужчины уходили. В чум собирались женщины из соседних чумов — со всего кочевья. Роженица лежала в положении «на спине» на оленьих шкурах. Её подмывали водой. Принимавшая роды мыла руки водой с мылом. При нормальных (благополучных) родах после выхождения плода завязывали пуповину в 2-х местах и перерезали ножом. Нитки брали те, что оказывались под руками. Пупок оставляли на 2-3 см. Новорожденного мыли тёплой водой и клали к матери. Послед и

оболочки собирали в берестяной кошелёк и подвешивали на дерево в лесу. Если роды были трудными, роженицу ставили в положение a-la-vache (коленно-локтевое). Принимавшая роды женщина надавливала коленом на поясницу и крестец, пытаясь помочь выхождению плода. При неправильном положении плода и невозможности выхождения его, принимавшая роды мыла руки водой с мылом и вводила руку в полость матки, стараясь вывести плод. Если роженице помочь не удавалось, она умирала не разрешившись. В случае благополучного исхода родильница лежала в продолжение 5-6 дней, «пока у ребёнка не отпадал пупок». После этого её считали здоровой. Она приступала к обычным обязанностям хозяйки чума. После родов, по миновании 5-6 дней, всё кочевье переезжало на другое место, меняло стоянку. На вопрос «почему?» женщины отвечали: «Не нравится оставаться на этом месте». Если роды застигали женщину в пути, срочно ставили чум и через 1-2 дня после родов отправлялись дальше. До родов женщина в продолжение последних 3-х лунных месяцев, так же как и после них, не жила половой жизнью. Как говорили опрошенные женщины: «Считалось поганой». До самых родов беременная женщина ездила на оленях и выполняла все хозяйственные работы.

Вскармливание, уход за грудным ребёнком, воспитание детей представляли свои особенности. Новорожденный несколько дней лежал возле матери. Затем его помещали в берестяную или деревянную люльку. На дно люльки насыпали сухие берёзовые стружки, сменяя их по мере надобности. Ребёнка завёртывали в мягкую шкурку пушного зверя. Когда ребёнок отправлял естественные надобности, его отирали берёзовыми стружками. Купание не было принято. Люлька, как я указывала, была маленькая и узкая, но по своим размерам соответствовала росту ребёнка. По мере роста его люлька становилась тесноватой, её заменяли другой. Но бывало и так, то она мешала росту ребёнка: он полулежал или сидел в ней, согнув ножки. Это отрицательно сказывалось на физическом развитии. Иногда мать привязывала люльку к своей спине, ребёнок же был плотно припелёнан к люльке ремнями или пологом при переездах. Период вскармливания грудного продолжался очень долго. Практически он длился до

тех пор, пока ребёнок сам отказывался брать грудь. Обычно малыш 2-3 лет ещё тянулся к груди матери. Даже приходилось видеть как мальчик или девочка 6-7 лет, отталкивал младшенького 8-9-месячного братишку или сестрёнку, жадно хватая грудь матери. Иногда мать сама старалась успокоить раскричавшегося «старшего», совала ему сосок. Вместе с этим, нередко ребёнок 2-3 лет сосал трубку. Женщина не бросала курения во время беременности и периода лактации. Прикармливание ребёнка начинали с того момента, как он становился на ножки и начинал ходить. Давали ему всё то, что ели сами. Маленькие дети часто страдали гельминтозами, т.к. ели сырую рыбу и сырое мясо. Да и низкая санитарная культура способствовала этому. Общее обмывание часто не было принято, но во многих семьях по утрам проводилось умывание: мыли лицо и руки, поливая воду изо рта на руки над маленьким тазиком. Пользовались мылом, если оно было. Вместо полотенец применяли берёзовую стружку, каждый раз выбрасывая её после употребления. У Пуровской группы населения существовал тогда обычай вовсе не проводить общего обмывания. Бань не было, а в чуме было холодно. Возможно, это имело значение.

Постельного белья и одеял у детей, также как и у взрослых, не было. Всё заменяли оленьи шкуры, которые особой санитарной обработке не подвергались. По старому обычаю волосы на голове стричь не разрешалось. В некоторых чумов пользовались гребешками, но расчёсывали волосы редко, как мужчины, так и женщины. Стирка одежды проводилась редко и некачественно — в маленьких тазиках одежда плохо прополаскивалась и не кипятилась. Всё это приводило к педикулёзу, который был распространённым и обычным явлением. От вшей старались избавиться путём уничтожения их ножом, вычёсывания гребнем и даже расщёлкиванием их. Особенно страдали от педикулёза маленькие дети. Конечно, педикулёз — это тяжёлое наследие прошлого, материальной необеспеченности, порой суеверий и темноты. Нам предстояло заниматься борьбой с этим. Как известно, бич тундры — это гнус. На Тольке в продолжение 2-2$^{1}/_{2}$ месяцев, особенно в июне — июле, комары и мошки буквально заедали всё живое. Люди покрывались волдырями, расчёсывали зудя-

щую кожу, что приводит к образованию корок и гнойничков. И опять особенно трудно приходилось детям. Спасались в чумах, наполненных едким дымом от горящей (тлеющей) травы, торфа, так наз[ываемого] «курева». Других отпугивающих средств не было. Накомарники и плотная одежда мало помогали.

Как тяжелое наследие прошлого в те далёкие годы отмечалось широкое употребление алкоголя. Водка и спирт — «винка» до высылки кулаков ввозились местным родовым князем «Шаты»-Куниным. Несмотря на родственные связи, он жестоко эксплуатировал большинство населения Тольки из числа бедняков и даже середняков, не говоря о многочисленных батраках. Многие малооленные или безоленные ханты находились в полной зависимости от него и ему подобных. Добываемая пушнина, дичь и рыба попадали в руки «князя» и других кулаков. Они отвозили её в Ларьяк, оттуда привозили товары, выгодные для себя, нисколько не заботясь об улучшении быта местного населения. Конечно, наиболее выгодным товаром был алкоголь. В нашу бытность на Тольке существовала фактория, которая спиртных напитков не завозила. Широко было распространено употребление табака. Его курили, жевали, закладывали за нижнюю губу и щёки. Особенно отличались старики. Трубка шла по кругу — изо рта в рот. Даже многие женщины почти не выпускали её изо рта, приучая к курению и малых детей.

Мы проводили опросы населения по ряду вопросов, в том числе интересовались инфекционными заболеваниями в прошлом, шаманством, народной медициной, родовспоможением, воспитанием детей и других. О заболеваниях рассказывали так: «Лет 20 тому назад (приблизительно в 1912-1913 годы) все люди сильно болели. Мы жили тогда на Пуру (реке Пур). Там стояло 5 чумов (имеется в виду одно кочевье). Болезнь начиналась с того, что у человека появлялся жар, больной распухал, покрывался сыпью и нарывами, болел один — два дня и умирал. В ту весну болезнь за месяц обошла все чумы, и в 5-ти чумах умерло 15 человек. В ту весну сдохло сто оленей. Приезжал «человек» и лечил (имеется в виду шаман). Записано дословно в апреле 1934 года со слов старого Григория Кунина — заместителя председателя тузсовета и его жены. Опрашивала я — врач и переводчик

Натускин Кузьма. О чём шла речь, определённо сказать трудно, но нельзя исключить сибирскую язву, т.к. болели и дохли олени. Следов оспы ни у кого не обнаружено. В период нашего пребывания и в (продолжение) ближайшие и предшествующие годы острые инфекции не наблюдались. По вопросам народной медицины мы беседовали многократно. О лечении травами и др. народными средствами никто не говорил. Но выяснилось, что для остановки кровотечения прибегали к сахару. Им смазывали рану или иногда употребляли раствор. Промывать рану (ранку) боялись. При кровотечении также накладывали из тряпок давящую повязку. К чистым, не гноящимся ранам прикладывали жир окуня и завязывали чистой тряпочкой. При наличии чистых ран (язв), воспалительного отёка (инфильтрата) делали повязку из тряпок, смоченных в растворе табака — «чтобы не было жара и опухоли». Гнойники (фурункулы) вскрывали, расковыривая иглой или кончиком острого ножа. Отмечу, что говоря о «ранах», ханты имели в виду бытовые травмы, которые были довольно частыми. Но при тяжелых заболеваниях и травмах, когда страдание сопровождалось нарушением общего состояния, повышением температуры тела и пр., они укладывали больного и приглашали шамана. Говорили, что шаман ворожбой изгонял чёрта (злого духа), вызывавшего ту или иную болезнь. Шаман, по их словам, иногда выпускал кровь из больного (если болела рука или нога) и пил эту выпущенную кровь. За лечение получал хорошее вознаграждение, независимо от исхода. В случае смертельного исхода или отсутствия эффекта от «лечения» шаман делал ссылку на упорство злых духов (чёрта).

В прибрежных лесах имелись особые шаманьи места. Так называли небольшие участки леса, где были развешаны на деревьях и кустах куски материи, одежда, шкурки пушных зверей (лиса, песец, горностай, белки и другие), шкуры оленей, валялась посуда и другие предметы домашнего обихода. Это были жертвоприношения «духу», так называемые «приклады». Трогать там что-либо не разрешалось, но это и не приходило никому в голову. Ещё велика была вера в «духов» и в чудодейственную силу шамана. Иногда проезжая по лесу, можно было встретить кладбище. Бросалось в глаза обилие предметов обихода. Возле мо-

гильного кургана лежали и нарты, и шкура оленя, и чайник, и таз. Висели на ветвях деревьев рубашки и клочья другой одежды. Обряд похорон складывался из следующего: умершего в одежде и ныриках клали в гроб, выдолбленный из дерева. Выкапывали неглубокую могилу, хоронили через сутки после наступления смерти. Возле могилы ставили нарту. Иногда закалывали оленя и закапывали рядом с умершим хозяином. А кругом раскладывали и развешивали его вещи. Вот поэтому на местах захоронения всегда имелось обилие домашней утвари и другое. С того места, где умер человек, всегда после похорон уезжали. На вопрос — «почему?» — отвечали — «не нравится».

До прибытия Красного Чума, который был на Тольке первым, врача или фельдшера постоянно не было. В 1932 году приезжал медработник и проводил оспопрививание, да наездом на несколько дней два раза бывал врач. Естественно, объехать все кочевья за это время он не мог. В Пуровской группе, наиболее глубинной, часть населения вообще не видела никого из приезжих, в том числе и врача. Пришлось столкнуться с трудностями: кочевое население, запуганное кулаками и шаманами, старавшимися посеять национальную рознь, боявшиеся влияния культуры, не признавало врача и не верило ему. Я уже рассказывала, о случае на пути в Ларьяк, когда меня категорически отказались вести дальше, узнав, что я врач и направляюсь на Тольку. Причём их особенно возмущало, что едет врач-женщина. Но уже через несколько дней по приезде на Тольку мне пришлось заняться гнойной хирургией. У охотника Василия Кунина тяжело заболела старшая дочь Мария, девушка 18 лет. Отец находился в резиденции тузсовета, был проводником оперативного отряда. Чум его, где жила вся семья, был расположен в 45-50 [километрах] в лесотундре, где находились остатки кулацкой банды. Шаман обрёк больную на волю духов. В чум выехали врач (я), переводчик Кузьма Натускин и ещё один комсомолец Николай, работник фактории. На поляне, окружённой мелким редколесьем, стоял один чум. В нём горел костёр, вокруг которого сидела семья. Поодаль лежала больная. Девушка в тяжелом состоянии. У

неё была флегмона[1] в области заднебоковой поверхности шеи. Дыхание было затруднено. С большим трудом мы уговорили больную и её мать согласиться на операцию. Они впервые видели врача. Мы, видимо, не внушали им доверия. Так как все трое были молоды, мне было 22 года, а моим помощникам не более 19-20 лет.

Осветили чум свечами, разожгли примус, вскипятили инструменты, воду, подготовили всё остальное. Перед подготовкой операционного поля надо было остричь волосы на голове. Опять долго не соглашались, но всё-таки разрешили выстричь небольшой участок в затылочно-височной части головы. Я произвела разрезы, эвакуировала гной, вставила турунды, наложила повязку. Больной сразу стало легче дышать. Пробыв около неё несколько часов и убедившись, что опасность миновала, мы выехали в резиденцию Красного чума с тем, чтобы на другой день вновь вернуться. Обстановка не позволяла нам оставаться там долее. На следующее утро мы вновь приехали к больной. Теперь возле чума стояло много оленьих упряжек, а из чума доносились шум и крики. Оказывается, там находилось несколько мужчин, приехавших откуда-то. Они были чрезмерно возбуждены, кричали, размахивали руками. Переводчику угрожающе заявили, что врач испортила девушку, осквернила её, разрезав шею и обрезав волосы. «Если умрёт больная, умрёт и врач» — перевёл мне Натускин. К больной меня не подпускали. Больше других кричал и суетился Андрей К. Позже мы узнали, что он причастен к шаманству. После долгих переговоров и увещеваний они разрешили осмотреть больную и снять повязку. Я сделала всё необходимое. Больная повеселела и успокоилась. В медпункт, однако, её взять не разрешили, хотя теперь состояние и позволяло. К вечеру нас отпустили. Через несколько дней удалось перевести больную в медпункт, где она находилась до полного выздоровления. Так началась моя врачебная практика на р. Тольке.

---

[1] Флегмона (мед.) — острое разлитое гнойное воспаление клетчатки (подкожной, межмышечной и т.п.) без чётких границ. Выражается в болезненной припухлости, красноте кожи, отёке окружающих тканей, воспалении ближайших лимфатических узлов. (см. Российский энциклопедич. словарь. Кн. 2. — М. 2001. С. 1679)

Вскоре за мной приехал охотник издалека. Его чум находился на территории Туруханского края. Это был брат пастуха Красного чума. Петра Кунина. У охотника тяжело заболела мать. На этот раз мы поехали вдвоём — я и переводчик Натускин. Нашим проводником был сын больной. Ехали на быстрых оленях трое суток. Одну ночь провели в чуме бедняка Сергея Кунина, нас там уже знали. Приняли очень приветливо, особенно рады были ребятишки. Чум Сергея стоял в лесу, а далее неслись мы по безбрежной снежной равнине, изредка встречая редколесье вдоль рек и озёр. Ночевали под открытым небом, забравшись в свои кумыши. Наконец прибыли. За огромным озером, в мелком лесочке стоял берестяной чум. Там лежала измождённая и худенькая старушка, она была очень слаба. На задней поверхности шеи была большая плотная, с омертвевшими краями, рана. По-видимому, у неё был карбункул. Были обнажены остистые отростки двух шейных позвонков, прилежащие ткани были инфильтрованы. Больная лихорадила. Не могла совсем повернуть голову. Сопутствовала пневмония. Я оказала необходимую помощь. Боялась сепсиса. Тогда не было антибиотиков и других действенных средств. К моему удивлению и радости, больная начала быстро поправляться. Общее состояние улучшилось, температура постепенно снизилась до нормы, появился аппетит, бабушка стала хорошо спать. А рана? Рана очистилась, начала гранулировать, постепенно исчез отёк и инфильтрация. Хозяин чума, бывший батрак, был очень беден. В чуме не было избытка тепла, он ведь был летний. А стояла зима. Но согревало радушие и доверие этих людей. Здесь мы прожили долго. Уехали, когда можно было спокойно оставить больную на попечение сына.

Позже мы не раз встречались с ним и были большими друзьями. Эти люди были лучшими агитаторами за нашу медицину. Ещё один случай помог укрепить доверие к врачу, когда удалось спасти молодую женщину после первых тяжелых родов, сопровождавшихся последовым кровотечением. Это было в Пуровской группе, где в одном из кочевий никогда не был врач. Мы эти чумы разыскивали по тундре двенадцать дней. И приехали очень кстати. С тех пор ко мне стали обращаться всё чаще и чаще. С готовностью выполняли врачебные назначения. Просили

«иоп» (йод), бинты и лекарства для внутреннего употребления. Начали приезжать в медицинский пункт целыми семьями за десятки и сотни километров. Моя первая пациентка Мария Кунина при наших встречах на кочевьях или в Красном чуме — в медпункте, внимательно следила за каждым моим движением, охотно выполняя несложные манипуляции, как санитарка. Этому она училась с большой охотой.

В результате детального изучения условий жизни, труда и быта кочевого населения Толькинского туземного Совета, систематического медицинского наблюдения за всеми группами населения путём диспансеризации (профил[актических] осмотров и лечебной работы, мы пришли к выводу, что нередки были гнойничковые заболевания кожи (Прим.: возникновению гнойничковых заболеваний кожи, безусловно, способствовали гнус и завшивленность, вызывавшие зуд и расчёсы, волдыри и проч.), чему способствовала низкая санитарная культура, поддерживаемая старыми обычаями и поверьями — не мыться, не стричь волосы и не ухаживать за головой; грязная одежда, скученность, плохое снабжение населения предметами санитарии и гигиены. Вдыхание дыма от костра, особенно в период гнуса, курение табака, частые переохлаждения и резкая смена температур в чумах в холодное время года, сам суровый климат с частыми осадками, способствовали возникновению заболеваний дыхательных путей, особенно бронхитов, трахейных и назо-фарингитов. Нередки были хронические заболевания органов пищеварения, что можно было связать с особенностями приготовления пищи, употребления в пищу сырых мясных и рыбных продуктов, низкого качества хлебных изделий. Около 100% населения были инвазированы широким лентецом и другими ленточными глистами, а возможно и Opusthorchisfelineus (*описторхозом — прим. Л.К.*), что приводило к анемическим состояниям и общей интоксикации, а так же другим осложнениям. Столь высокая степень инвазирования гельминтами, безусловно, была связана с недостаточной термической обработкой, а то и полным отсутствием таковой, различных сортов чёрной рыбы (щука, язь, чебак и пр.), мяса оленей, пушных зверей и птицы. Распространённым сезонным заболеванием были острые воспалительные конъюнктиви-

ты. Защитных очков тогда никто не имел. Трахома распространения не имела. Имели место редкие случаи застарелого Lues´a (*сифилис — прим. Л.К.*) и, в отдельных семьях, туберкулёза лёгких. (Однако, эти данные основаны на клинических наблюдениях (т.е. без подтверждения Röntden-методом, серологическими и клиническими лабораторными методами исследования).

Особую заботу составляли дети и школа. Кулацко-шаманские элементы противились культурным начинаниям. Первый учитель в 1933 году погиб[1]. Школа была распущена, и нам с большим трудом в 1933-1934 учебном году пришлось собирать школьников. В организацию школы-интерната включились все работники Красного чума, независимо от специальности. Каждый из нас, прежде всего, был комсомольцем и считал своим долгом помочь коммунисту Райшеву в этом деле. Мы ездили по чумам, разъясняли родителям важность этого вопроса, уговаривали их детей отдать в интернат. Собрали 15 детей, из них 3 девочки. Не удивляйтесь, что так мало! Население на территории тузсовета было невелико. Семьи ханты были большие и дружные. Детей очень любили. Родители с ними были ласковы и внимательны, вместе с тем с этим рано начинали приучать детей к труду, постепенно расширяя круг их обязанностей.

Девочки помогали матери по хозяйству. В 7-8 лет они ловко чистили и разделывали рыбу или дичь. Возились у очага. Присматривали за младшими сестрёнками и братишками. Мальчиков 6-7 лет приучали к охоте и рыбалке. Они рано начинали «белковать», т.е. охотиться на белку, с гордостью сдавая первую в жизни пушнину в факторию. Дети бойко ходили на подволоках (род лыж), искусно управлялись обласками — юркими и неустойчивыми на воде лодочками. Свободно ориентировались в лесу. Суровая природа лесотундры требовала выносливости и силы. К этому готовили ханты-кочевники своих детей. Ребятишки резвились вокруг чумов, нередко гологоловыми и босоногими. Разлуку с детьми родители переносили тяжело. Да и шаман не дремал, запугивая доверчивых людей школой. Вначале дети ди-

---

[1] Бормотов Василий Александрович — учитель школы в Толькинском красном чуме в 1933 г., присланный из Ларьяка. Пропал без вести. (см. Ишбаев М.М. Выход в свет. Часть 2. Нижневартовск, 2015. С. 235)

чились нас, особенно девочки. Слишком разительны были перемены в их жизни. Они впервые были оторваны от родителей. Девочек мы взяли на особое попечение. Я до сих пор помню их имена: Мария, Прусаля и Елена. Тяжелее всех переносила разлуку с родителями Елена. Но внимание и ласка сделали своё. Вскоре девочки привязались к нам. На время каникул мы расстались с ними. Наша встреча на летних кочевьях была очень радостной. Родители Лены Куниной и других детей приглашали нас в гости. В чуме буквально не знали, куда нас посадить и как лучше угостить. Надо было видеть, какой радостью светились глаза и улыбка маленькой Елены и её матери! К лету 1934 года у нас появилось немало друзей… Это были в первую очередь родители школьников.

Мне приходилось не только оказывать детям-школьникам медицинскую помощь и вести санитарное наблюдение за школой. Систематически проводились беседы со школьниками, их родителями, которые часто навещали детей. Темой наших разговоров были и личная гигиена, и причины и предупреждение болезней, первая помощь и взаимопомощь, санитарный минимум в чуме, борьба со вшивостью и глистами и другое. Я проводила занятия по физкультуре, различные игры, чтения. Недостатков в работе школы были тесное помещение школы и общежития, большая удалённость от родителей, нехватка одежды и обуви, предметов санитарии и гигиены. Помимо учительницы-комсомолки Александровой-Пан Л., большую работу по воспитанию детей проводил комсомолец-переводчик Натускин Кузьма. Он был ханты с реки Вах Ларьякского района. Прекрасно знал язык, быт коренного населения. Был хорошим охотником и рыбаком. Это особенно нравилось детям. Он проводил большую работу по освоению новой национальной письменности. Участвовал во всех поездках врача и Красного чума. Был настоящий комсорг и прекрасный товарищ.

Наибольшее внимание нами уделено также работе с женщинами. Мне приходилось много с ними беседовать, делиться знаниями, показывать, как сделать то или другое. Темами бесед были устройство быта, питание, жилище, уход за детьми, болезни и их предупреждение. Вместе учились выпекать хлеб, готовить

пищу. Говорили о правильном хранении пищи, о мытье посуды, о стирке, о борьбе со вшивостью и глистами, одним словом, о многом, что нужно было перестроить. И обязательно показывала — как это нужно сделать. Иногда просто советовались друг с другом. Они мне доверяли свои небольшие тайны и сомнения. Мы не раз беседовали о правовом положении женщин, о браке и семье. Было проведено 3 общих женских собрания, куда съезжались с детьми и мужьями. Так, 8 марта — в первые месяцы нашей работы, мы собрали сразу 11 чумов. Провели беседы, оказали медпомощь, поголовно всех осмотрели в порядке диспансеризации (профилактический осмотр) и устроили своего рода санпоход за чистый и здоровый чум. Основной формой в период поездок и посещений отдельных чумов и кочевий была индивидуальная беседа с каждой женщиной, в чём немалую помощь мне оказала Наталья Сегильетова, уже немолодая женщина-ханты из Ларьяка, начавшая у нас работать с апреля 1934 года. Она была санитаркой, но хорошо знала местный язык, и, как женщина, могла помочь мне при осмотре женщин. Вместе с ней мы учили женщин, как постирать, помыть детей, как покроить и пошить детскую или женскую одежду.

Я не могу сейчас привести цифровой материал за весь период нашей работы. В своё время отчёт о работе Красного чума был представлен в окрздрав и окрОНО[1] Ханты-Мансийского округа, а также в Омский облздрав[2]. Это было в начале 1935 года, когда Ханты-Мансийский округ входил в состав Омской области. Но у меня случайно сохранились данные за 3 месяца 1934 года: март — апрель — май. Я их представлю Вам (см. примечание: До марта 1934 года Кр. чум был подчинён оперативному отряду по борьбе с кулацкой бандой Ф. Прасина, командир отряда Сабанин).

Работа медпункта Красного чума за период с 1 марта по 28 марта 1934 года:

---

[1] ОкрОНО — окружной отдел народного образования, советский орган управления народным образованием.

[2] Облздрав — областной отдел здравоохранения, советский орган управления здравоохранением.

Охвачено поголовно осмотром в чумах — 350 чел. Из них первичных больных — 150 чел.

Из общего количества осмотрено на месте резиденции Красного чума — 210.

В числе их первичных больных — 59 чел. Осмотрено на выездах — 140 ч., первичных — 91 ч.

Проведена санобработка 230 чел, острижено — 46 чел.

Проведено бесед на различные темы — 55.

Это относилось к первым месяцам нашей работы, когда мы разыскивали кочевья и только начинали знакомиться с людьми, с их бытом. И первые месяцы работы на Тольке нам приходилось разыскивать чумы по лесотундре, их не было на местах обычных кочевий. Особенно трудно нам пришлось при поездке на Пур. Был март, а в тундре была зима, часто пуржило, залепляло глаза колючим мокрым снегом. В ясные дни мы почти слепли от яркого солнца и блестящего снега. Ночами, лежа в снегу, трудно было уснуть, т.к. во все щёлки лез холод! Иногда подряд 10-12 дней были в пути, тщетно пытаясь разыскать хотя бы один — два чума. Через две недели на Пуру мы всё-таки нашли кочевья, явившись туда с обожженными ветром и солнцем лицами и красными, слезящимися глазами. Но началась большая работа — осмотры, санитарная обработка, беседы, и все мытарства были забыты...

Летом же, когда на обласках и самодельной лодке, приспособленной для медосмотров, отправлялись на дальние озёра и низовья реки Тольки, на кочевиях нас принимали как старых друзей, и обращались не только по поводу своих недугов, но и со всеми наболевшими вопросами, особенно женщины. С ними у меня были очень хорошие отношения.

На первом этапе нашей работы долго приходилось убеждать и разъяснять по любому вопросу. Люди не сразу приняли наш «санитарный минимум»: не хотели мыться, стричь волосы и приводить в порядок свою причёску и т.д. Так, при первой поездке на Пур, где кочевали наиболее отсталая в культурном отношении группа, нам удалось остричь волосы лишь у одного мужчины, а мыться и вовсе никто не стал (см. примечание: стрижка волос мужчины проводилась из-за педикулёза). В дру-

гих кочевьях соглашались на наши предложения, правда совсем не сразу, но приходилось нам самим мыть детей, показывать женщинам, как надо мыться, постирать, сделать хорошую уборку и т.п. Зато позже женщины и девушки, вообще молодёжь, охотно выполняли наши советы, просили устроить баню, провести дезинсекцию одежды и постелей: просили мыло, охотно стирали.

Перед нашим приездом кулаки сожгли факторию. За короткий срок пути в этот глубинный тузсовет невозможно было завезти всё необходимое, в частности предметы санитарии и гигиены, посуду, готовую одежду в достаточном количестве. Это, безусловно, осложняло работу и жизнь. Построенная нами баня с дезинсекционной камерой пользовалась теперь большим «успехом». За десятки и даже сотни километров приезжали на обласках или оленях целыми семьями. Любили попариться берёзовыми вениками, охотно шли к врачу на профилактический осмотр или лечение. Любили после этого посмотреть фильм, который был у нас единственным.

Говоря, собственно, о работе медицинского пункта, надо отметить, что основной организационной формой была амбулатория на Толькинском Красном чуме. Проводился амбулаторный приём на месте тузсовета. Совершались активные выезды с Красным чумом для знакомства с населением и проведения диспансеризации и выезды по вызовам к тяжелобольным. Проводилось лечение стационарных больных на месте резиденции Красного чума и школы. Велось наблюдение за школой-интернатом. В медицинском пункте работал врач (я), переводчик и, с апреля 1934 г., санитарка-уборщица. В первый месяц работы мы размещались в чуме, затем в палатке. Когда же было построено небольшое здание, там разместили общежитие школы и работников, классную комнату (она же клуб), радиорубку и медпункт. Было очень тесно. Отапливалось помещение железными печками, рамы были одинарные. Медпункт помещался в очень маленькой «комнатке» за перегородкой, вначале сделанной из плотной ткани, а позже из досок. Площадь была 9-10 кв.м. Там находилась кушетка для осмотра больных, два навесных шкафа для аптеки, столик навесной для работы и два табурета. Вот в

такой «каютке» приходилось осматривать больных, делать перевязки, различные манипуляции, готовить лекарство, делать мелкие операции (малая хирургия, в основном, гнойная, травмы и т.п.). Рентгена, лаборатории не было (проводились простейшие лабораторные исследования). Плановые «активные» вызовы проводили группой в 5-7 человек на оленях или, в тёплое время года и в бездорожье, на обласках. Самым трудным были поиски кочевий зимой и ранней весной. Ночью — на привале − отогревались в лесу костром, реже делали примитивный шалаш или даже ставили палатку. В тундре, где не было леса, отдыхали и спали в снегу под открытым небом.

Длительность поездок зимой — от нескольких дней до 2-3 недель, а летом — около 1,5 месяцев.

На места летних кочевий добирались водным путём на обласках или лодке, приспособленной к приёму больных. Лодка была удобная, но тяжёлая. Обратно, при возвращении к стоянке Красного чума и школы, приходилось плыть против течения и на перекатах тащить эту лодку-медпункт бечевой. Так с Ентыра возвращались в конце июля втроём — зав. красным чумом, санитарка и я. Поочерёдно шли бечевой, на остановках нас заедал гнус. На ночёвках разжигали костёр и спасались дымом. Это путешествие длилось более недели, т.е. возвращение «домой». На место своей стоянки явились все распухшие, но быстро пришли в норму. К сентябрю 1934 года истощилась аптека. Медикаменты приходилось экономить вообще с первого дня приезда. Ещё по дороге в Ларьяк я пыталась пополнить наши аптечные запасы. Но не хватало общеукрепляющих, отхаркивающих, дезосредств и другого. Не было светозащитных очков, бандажей для женщин. Как противоцинготное средство я делала отвар из хвои, прочитав об этом в книге «Витамин» Букине.

Питание школьников и работников было достаточное, но последние три месяца в фактории не было соли. Свой рацион мы дополняли ягодами, свежей рыбой и дичью, ставя ловушки в лесу и на реке. У нас была хорошая библиотека как художественной литературы, так и необходимой медицинской. Газет, журналов, писем не получали. По радио велись краткие служебные разговоры радистом И. Кошкаровым с Ларьяком.

В результате наших поездок за год дважды была проведена диспансеризация всего кочевого населения Толькинского туземного Совета. За всеми выявленными больными велось наблюдение и проводилось лечение. Проведенная нами санпросветработа, внедрение сангигиенических навыков, постройка общественной бани с жаровой камерой, создание небольшой столовой для школьников, их родителей и других ханты-кочевников, приезжавших в Красный чум или тузсовет, поделка глинобитных печей для выпечки хлеба кочевому населению, работа по воспитанию школьников и работа с женщинами являлись первыми культурными начинаниями в Толькинской тундре начала тридцатых годов. Вопрос о переходе на осёдлость тогда не ставился.

Так выполняли мы в те далёкие годы задание партии и Советской власти.

Январь — март 1973 г. Подпись: /Оносова/

Примечания

1. Галкина, К. Первенец культуры на далёком Севере — Толькинский красный чум // Югра. — 2000. — № № 7, 8.

2. Ишбаев, М. Красный чум на Тольке // Новости Приобья. — 2018. — 27 ноября.

3. Не чужая боль: страницы истории становления и развития здравоохранения Нижневартовского района. Краткие вехи / ред.-сост. Л.Г. Прихода — [Нижневартовск-Омск]: ООО «Вестимед, 2012. — С. 74-75.

4. Струсь, Л.Ф. Доктора земли обетованной. — Екатеринбург, ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2019. — С. 120-136.

5. Незабываемые годы (рассказ врача Галины Николаевны Оносовой) / записал Т.Д. Шуваев // Ленинское знамя. — 1979. — 7 апреля.

Персоналии

Александров Евгений А. (?). — учитель по специальности. Имел незаконченное средне-спец. образование (2 курс техникума). Член ВЛКСМ. Работал заведующим Ларьякской районной избой-читальней (1932), секретарем Толькинского туземного совета (1934). (см. Ишбаев М.М. Выход в свет. Часть 2. Нижневартовск, 2015. С. 75, 186, 191, 235)

Бормотов Василий Алексеевич (1910-1933) — учитель. Уроженец с. Починки Нижегородской губернии, русский, из крестьян, имел образование 9 классов. Прибыл из Нижнего Новгорода. В первый год в Ларьяке работал заведующим районной избой-читальней, затем — учителем в Ларьякской русской школе (1932), в школе Толькинского красного чума (с декабря 1932 г.). Пропал без вести в Толькинской тундре осенью 1933 г. (см. Ишбаев М.М. Выход в свет. Часть 2. Нижневартовск, 2015. С. 32)

Горохов Пётр Иванович (1895-1944) — уроженец г. Бирска Башкирской АССР. Служил в русской императорской армии. Закончил фельдшерскую школу в Риге (1916). Участник революционных событий в Петрограде, в т.ч. — взятия Зимнего дворца, Участник гражданской войны: военфельдшер в кавалерии Красной Армии (1918-1922). Работал фельдшером в Ирбитском районе Омской (ныне Свердловской) области (1923-1930), заведующим окружным отделом здравоохранения Остяко-Вогульского окружного исполнительного комитета трудящихся (1931-1936; 1938-1941). В годы Великой Отечественной войны был мобилизован как военфельдшер в 1941 году. Служил в 77-й

кавалерийской дивизии 13-го кавалерийского корпуса. По состоянию здоровья был комиссован и демобилизован из армии. Вернулся в с. Саранпауль, где работал директором подсобного хозяйства треста № 13 Полярно-Уральской экспедиции. Умер 17 мая 1944 г., похоронен в с. Саранпауль. (см. Не чужая боль: страницы истории становления и развития здравоохранения Нижневартовского района. Краткие вехи. — [Нижневартовск-Омск]: ООО «Вестимед», 2012. С. 64-65.Память народа: [электронный ресурс] — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero (Дата обращения: 12.04.2023)

Потанин Николай Александрович (1883-1970) — заслуженный врач РСФСР. Уроженец с. Лединска (Бабушкино) бывш. Тотемского уезда. Работал в Остяко-Вогульском нац. окр. с 1930 по 1946 годы. Вначале — главный врач Самаровской районной больницы, заведующий, заместитель заведующего отделом здравоохранения при культурно-социальном отделе Остяко-Вогульского национального округа (1930-1931), главный врач туберкулезного диспансера (1933-1946). Награждён орденом Ленина (1951). Последние годы жизни провёл в г. Дягтерске Свердловской области. Похоронен там же. (см. Югория: энциклопедия Ханты-Манс. автоном. окр. Т. II. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2000. С. 402; Не чужая боль: страницы истории становления и развития здравоохранения Нижневартовского района. Краткие вехи. — [Нижневартовск-Омск]: ООО «Вестимед», 2012. — С. 66-68)

Райшев Леонид Миронович — ханты. Учитель. Один из первых выпускников туземного отделения Тобольского педагогического техникума (1929). Заведующий Толькинским Красным чумом (1933-1934). Позднее — на партийной работе, секретарь Ханты-Мансийского ГК ВКП(б), награждён орденом Трудового Красного Знамени (1950) (см. О награждении орденами и медалями работников народного хозяйства и культуры Ханты-Мансийского нац. окр. (от 09.12.1950) // Остяко-Вогульск. Земляки [электронный ресурс] — URL: https://остяко-вогульск.рф/2022/07/28/o-nagrazhdenii-ordenami-i-medalyami-rabotnikov-narodnogo-hozyajstva-i-kultury-hanty-mansijskogo-natsionalnogo-okruga/ (Дата обращения: 12.04.2023)

Кузнецов Лазарь Кондратьевич (1914-1945) — уроженец села Самарово Тобольской губернии. Киномеханик в Толькинском красном чуме (1933-1934). В годы Великой Отечественной войны был призван в действующую армию Самаровским РВК в 1941 г. Воевал в 420-м стрелковом полку 122-й стрелковой дивизии. Сержант, заместитель

командира отделения. Член ВКП(б). Погиб в бою 19 января 1945 г. в районе станции Сабат Баттьян (Венгрия, Вармфейер). (см. Бессмертный полк. Ханты-Мансийск: [электронный ресурс] — URL:https://www.moypolk.ru/soldier/kuznecov-lazar-kondratevich (Дата обращения: 12.04.2023); Память народа: [электронный ресурс] — URL:https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero (Дата обращения: 12.04.2023)

Натускин Кузьма Егорович (1914-1940) — уроженец юрт Охтеурских, ханты. Член ВЛКСМ. Учился в Охтеурской школе (1928-1931), затем — на пятимесячных курсах ликвидаторов неграмотности в с. Тымске ныне Томской области. С 1932 г. работал в юртах Охтеурских учителем пункта ликвидации неграмотности, затем окончил курсы подготовки учителей при Самаровском педагогическом техникуме. Работал учителем в Больше-Ларьякской школе (1933), переводчиком в Толькинском красном чуме (осень 1933-1934), заведующим Колек-Ёганской школой (1935). В сентябре 1935 г. был направлен на учёбу в институт народов Севера, Ленинград. Занимался в художественной мастерской живописи и скульптуры. В 1940 г. вернулся на родину. Умер от туберкулёза 12 августа 1940 г. в юртах Пылинских Больше-Тарховского сельского совета (см. Ишбаев М.М. Выход в свет. Часть 2. Нижневартовск, 2015. — С. 210-226)

Оносова Ираида Николаевна (1912-после 2000) — заслуженный врач РСФСР (1957). Уроженка села Заводоуспенское Тугулымского района Свердловской области. После окончания Пермского медицинского института (1937) работала в Ханты-Мансийской окружной больнице педиатором, в летние месяцы — заведующей детским санаторием. В 1941-1946 гг. — заведующая Ларьякским врачебным участком. В последующие 22 года работала в Тюменской детской инфекционной больнице. (см. Югория: энциклопедия Ханты-Манс. автоном. окр. Т. II. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2000. — С. 310)

Оносова Г. Н. в период работы в Толькинском красном чуме 1934 г.
НвКМ-10408/7

В.В. Митрофанов

К вопросу строительства больниц в Берёзове и Самарове в 1827 г.

История развития медицины на Тобольском Севере находится в исследовательском поле современных ученых и краеведов [2; 13; 18; 21; 23]. Появились и диссертационные исследования [6]. Однако, в них, как правило, затрагивают проблему более позднего времени, начиная с середины XIX в., на что указывают и названия статей.

Интересные наблюдения о способах лечения, прежде всего, традиционных, в большей части случаев неэффективных, оставил служащий при Тобольской врачебной управе медик-хирург Ф.М. Белявский, побывавший в 1824-1826 гг. в ряде мест Западной Сибири [2, с. 128-134]. Появились отдельные публикации, где с опорой на архивные материалы раскрывается ряд вопросов, связанных с болезнями, как среди людей, так и домашних животных Тобольской губернии [10]. В отчёте об обозрении Пелымского края губернским чиновником Найдёновым имеется раздел «Болезни и лечение оных» [8, с. 120]. По его наблюдениям, инородцы «Придерживаясь древнего волшебства и тайных наговоров, вогулы по враждебным чувствованиям суеверия, думают, что действие силы их шайтанов имеют влияние и на различные болезни. Сего ради больной делает всегда обеты по выздоровлении — принести какую-либо жертву идолу. Пользование же состоит в каком-то тайном шептании и заклинаниях. Никаких лекарств у себя не имеют, и когда больной уже изнемогает, оставляют больного на произвол сильного случая. Сии народы по большей части страдают огненными горячками, кои свирепствуют ежегодно, почти по всем селениям вогуличей и причиняют значительную между ними убыль…» [8, с. 120]. Аналогичная поездка, но уже в Берёзовский край, была совершена советником Тобольского губернского правления Серебрянниковым, предоставившего отчёт 25 января 1826 г. В нём относительно болезней лаконично замечено: «Прививание оспы при всех стараниях окружного лекаря Самборского остается малоуспеш-

ным… Болезнью венерической видел довольно зараженных. Лекарь Самборский отзывался, что преподаваемые им средства остались безуспешны и даже выпользованные снова заражались, так как имеют нераздельное жительство, но отделить их нет ни средств, ни возможности» [9, с. 196-197]. После анализа названных наблюдений Тобольский гражданский губернатор Д.Н. Бантыш-Каменский 26 марта 1826 г. направил донесение генерал-губернатору П.М. Капцевичу, в котором поддержал «весьма основательное» предложение Найдёнова о том, чтобы в Пелыме иметь особого лекаря.

Действительно, необходимы были целенаправленные просветительские меры, подкреплённые конкретными мероприятиями санитарного характера, а не эпизодического воздействия. А это было возможно только при открытии больниц на местах компактного проживания инородцев, либо в постоянных населённых пунктах с привлечением туда профессиональных лекарей.

Известно, что первая больница в Березове была устроена в 1834 г., располагалась в двухэтажном здании и была рассчитана на 30 койко-мест [14; 17, с. 179], к концу 1890-х гг. их количество увеличилось до 40 [16; 22, с. 127]. Подчинена она была в финансово-административном отношении Тобольскому приказу общественного презрения (учреждён в 1782 г., упразднён в 1895 г.), а в медицинском — врачебной управе (учреждённой в 1797 г. [4]). Сохранилось и имя первого смотрителя больницы — Максим Кузьмич Первов.

В 1835 г. было принято решение об открытии и инородческой больницы. «В Березове и Нарыме повелено учредить на казённый счёт больницы для лечения инородцев от распространившегося между ними сифилиса» [20, с. 513], — указано в интересном и информативном издании. Решение о её открытии было объявлено в Высочайше утвержденном Положении Комитета Министров «Об учреждении больниц в городах Нарыме и Берёзове, для лечения инородцев». На постройку больницы предполагалось выделить 10 894 руб. 38 коп., на первоначальное обзаведение — 4 151 руб. 82 коп. из Государственного Казначейства. Сроки же строительства отдавались на усмотрение «главному местному начальству». Контрольные функции за деятельностью

больницы возлагались на Тобольскую врачебную управу [15, с. 257-258].

Публикуемый документ свидетельствует о попытках открыть больницу и раньше. Он хранится в Историческом архиве Омской области, датируется 1827 г. [7]. Перечисленные выше поездки и собранные сведения лекарем и чиновниками, предложения, высказанные в отчетах, отдельные донесения и официальные отношения от гражданского губернатора Тобольской губернии способствовали накоплению информации о бедственном состоянии, точнее, отсутствии стационарной медицинской службы в отдалённых местах северной части Тобольской губернии, но лежали без движения.

Толчком же к рассмотрению на столь высоком уровне вопроса «о строительстве больниц в Березове и Самарове» было представление 21 мая 1827 г. сенаторов Б.А. Куракина и В.К. Безродного, проводивших ревизию Западной Сибири и обративших внимание на бедственное положение местного населения и предложили устроить больницы в Березове и Самарове. Ревизии, как формы проверок, были новшеством, введенным М.М. Сперанским в бытность его генерал-губернатором [1; 11; 12].

Действующий генерал-губернатор оперативно отреагировал на мнение сенаторов, и 25 мая состоялся Совет, где принято решение о приглашении инспектора тобольской врачебной управы, прибывшего уже 28 мая на очередной Совет. А на 13 июня было назначено губернское присутствие по этому вопросу. Такая поспешность в реагировании на документ, представленный столичными высокими особами, свидетельствует о расторопности губернских чиновников, создавших видимость решения вопроса.

Из объемного документа, подписанного 24 июня, можно получить ценную информацию по заявленной проблеме. Оказывается, что до 1822 г. губернским властям не было известно о распространившейся в северной части Тобольской губернии венерической болезни. И только курганский окружной лекарь Шавров, посланный в Сургут, в своём первом донесении от 11 января 1822 г. писал о слухах, что любострастная болезнь имела широкое распространение среди остяков, но сам ввиду отбытия их на промыслы, не смог лично подтвердить подобные сведения. Но

во время поездки из Сургута в Берёзов, он нашёл многочисленные тому подтверждения. И уже тогда высказывал предложение о необходимости открыть в Берёзове больницу.

Вторым свидетелем страданий от названной болезни был коллежский асессор Булич, находившийся в Берёзовском крае, подтвердил сведения Шаврова и поддержал его предложение.

Губернские власти отреагировали на это и обратились к жителям Березова об учреждении пособия на строительство больницы, а Тобольский приказ общественного презрения выразил полную поддержку и обещал помощь в этом «общеполезном заведении». Пожертвований было собрано 501 руб. Следует указать численность населения города на это время. Точных сведений нет, но можно сослаться на имеющиеся данные за 1851 г., когда жителей указано 890 человек [19, с. 18]. Следовательно, собранная сумма была немалая. Для изыскания дополнительных средств были предложены и другие источники, которые с пожертвованными средствами должны составить 2 116 руб. 92 коп.

Чтобы избежать трудоёмких работ по постройке помещения для больницы, был подыскан готовый дом, который принадлежал купцу Струнину (в другом месте фамилия — Нечаевский), желавшему получить за него 3500 руб. Размеры его позволяли разместить 100 кроватей для больных. Но требовалась ещё дополнительно 1000 руб. на его переоборудование под больницу.

Предложения Тобольского гражданского губернатора были рассмотрены в Казенной палате и Врачебной управе, каждый орган высказал своё мнение. По инстанции документы были направлены берёзовскому городничему, и вопрос рассмотрели на уровне городского присутствия, где было высказано мнение о числе необходимых коек для больных в количестве 30 штук.

Разрешение вопроса было остановлено за неимением финансовых средств, как на покупку дома, так и оборудование больницы необходимыми материалами.

Высказывались даже мнения о необходимости обращения к императору. Для аргументации учреждения больницы привели факт наличия подобного заведения для преступников. Действительно, в г. Тобольске функционировала больница для заключенных в местном остроге на 10 коек, впоследствии увеличено

до 25 [5, с. 334], на содержание которой привлекались казенные средства и средства благотворительного общества.

Тобольский губернский совет направил предложения генерал-губернатору, где была составлена и смета расходов на общую сумму для Берёзовской больницы — 5150 руб., на Самаровскую — 1825 руб. Высказывалась просьба направить врача на постоянную вакансию и 5 лекарских учеников, а в Самарово — двух учеников.

К сожалению, началось то, о чём предупреждали господа сенаторы — избегать «продолжительной и бесплодной переписки».

Томский гражданский губернатор П.К. Фролов подписал свои соображения, которые еще больше ставили под сомнение ранее высказанные соображения и делали ситуацию запутанной. В частности, о количестве коек (30 для Берёзово и 20 для Самарово), которых будет недостаточно. О целесообразности покупки дома, состояние которого было неизвестно, и предлагалось построить новый. Ссылаясь на высочайше утвержденный доклад бывшего военного министра А.А. Аракчеева от 1810 г. об учреждении лазаретов и необходимых для этого вещей, названные суммы слишком малы. К тому же невозможно было найти в губернии такое количество лекарских учеников, которых не хватало и в других местах. Дело закончилось тем, что эти документы увёз бывший Тобольский гражданский губернатор Тургенев, не вынося их на рассмотрение Совета.

Лекарь Альберт 27 апреля 1827 г. представил свои соображения по итогам своей поездки по Тобольской губернии. Он предлагал, кроме больниц, построить по 2 бани в каждой юрте. Однако это мнение не было востребовано.

Таким образом, в документе приведены интересные факты о попытках найти решение вопроса о строительстве Берёзовской и Самаровской больниц, начиная с 1822 по 1927 г. Перед нами представлена бюрократическая процедура переписки, в ходе которой вымывались рациональные идеи. Главный же сдерживающий фактор — отсутствие денег. Хотя, варианты их изыскания были предложены, но они были, как показало время, нереализуемые. Кроме того, среди объективных причин следует на-

звать отсутствие квалифицированных лекарей и учеников. Всё это затормозило строительство и открытие больницы в Березово до 1834 г.

Составитель протокола Совета предстает грамотным, хорошо ориентировавшимся среди правовых актов специалистом. Им были подняты хранившиеся в разных местах отдельные документы, которые собирались и подшивались. Ему удалось проследить в хронологическом порядке накопление сведений и назвать имена людей их зафиксировавших, и использовать для объяснения положения дел.

Приложение

Совет главного управления Западной Сибири.
Рассмотрение вопроса строительства больниц
в Березове и Самарове.
Присутствие 13 июня 1827 г. по 1 отделению № 45.
Подписан 24 июня. Исполнить.

Господам сенаторам представить список с сего журнала Врачебной управе и Приказу общественного презрения. Предписать березовскому городничему и архитектору выдать предписания.

Господа сенаторы, ревизующие по Высочайшему Повелению Западную Сибирь, в предложении Господину председательствующему в Совете главного управления от 21 мая 1827 г. № 55, между прочим, в 8 пунктах изъяснили, дабы тотчас обращено было особенное внимание Совета главного управления по предмету принятия необходимых мер к охранению обитателей Северного края от гибельных последствий свирепствующего и ничем не останавливаемого распространением венерического яда, и чтобы не одною продолжительною и бесплодною перепиской, а решительным положением Совета и по иному наискорейшим исполнением устроены были предложенные больницы в г. Березове и селении Самарово и за устройством и снабжением нужными потребностями воспаряли свое благотворное действие отнюдь не далее осени сего года.

Во исполнение сего предложения Советом Главного управления 25 мая журналом положил: пригласить в присутствие Совета инспектора тобольской врачебной управы и членов ее для совокупного совещания и по настоятельности предмета учинением решительного положения об искоренении сей болезни. Мая 28 г[оспода] врачебной управы прибыли в присутствие Совета и совокупно с г[осподами] советниками оного слушали дело об означенных больницах.

Обстоятельства коего следующие: Существование любострастной болезни в Березовском краю не было известно губернскому начальству до того времени, пока не обнаружил сего командированный туда для обозрения медицинской части и вообщеузнания свойственных тамошнему северному краю болезней иподании помощи страждущим курганский окружной лекарь Шавров и не довел сего до сведения.

Первое донесение Шаврова от 11 января 1822 года относительно зла сего состояло в том, что он в бытность свою в Сургуте от некоторых только жителей слышал о распространении между остяками любострастной болезни; но за отбытием их в то время на промыслы, и по ошибке, как тамошнего лекарского ученика, так и многих других, которые принимали скорбутную болезнь за венерическую, не доверял ни тем, ни другим слухам более потому, что ежели бы подлинно страдало от сей болезни такое число жителей, о каком его уверяли, то уже давно были бы приняты от местного начальства благоразумные меры осторожности. При проезде его из Сургута в Березов за всем тем, что большая часть остяков была на промыслах, нашел он довольное число страждущих оною болезнью. Г[осподин] Шавров в сем донесении полагал, что зло сие не ограничивается страданием тех, коих оно уже постигло, а время от времени может более распространяться, если против него не будут приняты действенные меры представленных в необходимости заведения в городе Березов больницы для мужчин и женщин, зараженных сею болезнью, куда можно было бы собирать больных, рассеянных по уезду, дабы они, по крайней мере, не могли заражать собою другие семейства, невинных детей. Или давать сим последним бытие для того, чтобы они в продолжение своей жизни чувствовали

одни мучения и страдания. В то же время пребывавший в Березовском крае по другим делам службы коллежский асессор Булич, будучи очевидным свидетелем страдания многих ясашных той гибельною болезнью, подтвердил донесение о сем г. Шаврова в полной мере, и оба согласно представляли, что единственное средство к пресечению оного зла в уезде Березовском и облегчению участи страдальцев состоит в том, чтобы учредить в Березове больницу для пользования больных обоих полов.

Губернское начальство, признавая меру сию необходимой, предположило: жителям города Березова учредить при пособии их для призрения и пользования страждущих больницу, присовокупив к тому, что приказ общественного призрения с полною готовностью будет им способствовать в деле сохранения и продолжения жизни человеческой и примет под свое покровительство учреждение больницы и что, наконец, он будет готов разделить труды и издержки с участниками в столь общеполезном заведении.

Вследствие чего обывателями Березова пожертвовано было на сей предмет 501 руб. Но как суммы сей для предполагаемого заведения весьма недостаточно, то они предположили испросить у начальства позволения обратить на сей же предмет следующие суммы:

1. Собранные по положению бывшего комитета о раскладке сбора на разные повинности — 872 руб. 97 коп.

2. Определенные сургутскими мещанами на содержание общей ратуши — 135 руб.

3. Собранные с городов Тюмени, Ишима, Туринска и Ялуторовска на исправление земских повинностей в пособие Березову по случаю претерпленного жителями оного разорений от бывшего пожара — 607 руб. 95 коп.

Итак, если бы последовало разрешение на присоединение означенных денег, то вся сумма, независимо от пособия приказа общественного презрения, простиралась бы до 2 116 руб. 92 коп.

Но как постройка дома для помещения в городе Березов больницы по местным неудобствам стоила бы больших затруднений и издержек, то приискан готовый дом, соответствующий предположению им, который с флигелем может вмещать около

ста кроватей. За строение сие хозяин купец Струнин уступает за 3500 руб. Сверх того, при всем хозяйственном распоряжении потребно будет на необходимые поправки до 1000 руб.

На предложения г[осподина] Гражданского губернатора[1] получены отзывы:

1. От казенной палаты, что по комитетскому положению 1806 года с жителей Березова от разных городовых повинностей, действительно поступило в казначейство в 1808 и 1809 годах денег 872 руб. 97 коп., кои и показываются в ведомостях, доставленных в палату о поступивших деньгах на повинности в числе 1173 руб. 86 ¾ коп. и, что в 1806 г. с сургутских мещан на содержание общей ратуши денег 1354 руб., как по документам, так и по дохраненным книгам[2] в приходе не значатся. О сем сообщаемо было сургутскому мещанскому обществу, но оное отозвалось, что такового сбора с них не производилось.

2. От врачебной 1 управы, что она находит предложения г[осподина] Шаврова об устроении больницы основательными, полезными, их приведению в исполнение возможными.

В таком положении настоящее дело передано было по принадлежности в губернское правление, а сие предписало березовскому городничему, составив из некоторых тамошних чиновников общее присутствие, сделать положение — насколько человек нужно там учредить больницу.

По сему было составлено помянутое присутствие, признало и со своей стороны устроение больницы совершенно полезнейшим, и впоследствии сего положило, что назначенный для больницы дом, хотя действительно может поместить до 100 больничных кроватей, но потребно иметь оных не более, как на 30 человек, потому что на первый раз и таковое число больных из числа ясашных можно будет собрать не иначе, как после некоторых предварительных распоряжений и внушений об очевидной для них пользы и спасении. Сии 30 кроватей могут быть поставлены в одной половине дома, а другая может служить для помещения врача. Все сие общее присутствие заключили:

---

[1] Осипов Александр Степанович (1776-) — Тобольский гражданский губернатор с 28-го июля 1821 — 3-го декабря 1823 г.

[2] Дохранить — что до чего, хранить до известного срока.

Тем, что по местным обстоятельствам нужно определить в город Березов одного лекаря с приличным числом учеников, первым долгом сего чиновника должно быть, чтобы он сообразил средства для учреждения больницы, представил начальству дальнейшие виды к усовершенствованию сего заведения.

Объявив, таким образом, дело о предполагаемой в Березове больницы 1 отделение канцелярии присоединило, что для сего имеется ввиду только 1 373 руб. 97 коп., следовательно, на покупку одного дома не достает 2 126 руб. 3 коп., а на поправку оного и на приготовление одежды и всего нужного для больницы и вовсе уже денег нет. Хотя, бывший гражданский губернатор думал, что приказ общественного презрения разделит издержки на заведение оной больницы, но по ограниченности доходов сего приказа он не может доставить значительного пособия, тем более без разрешения высшего начальства.

Между тем вошло представление к управляющего тобольским уездом, что в некоторых селениях Самаровской и прочих волостей, и особенно в тех, кои находятся в стороне от большой проезжей дороги, весьма ощутительно свирепствует венерическая болезнь. Для пресечения сей пагубы предложено врачебной управой 17 марта командировать на место одного из членов своих, но по краткости времени неизвестно еще о последствиях. По рассмотрении всего вышеписанного Совет общего губернского управления 2 апреля 1824 г. рассуждал, что губернское начальство, поставленное в обязанность иметь деятельное попечение о здравии народном, тем более должно быть подвигнуто к состраданию о участии обитателей северного края, не подлежало никакому сравнению с прочими округами Тобольской губернии. Тамошние жители и по моральным, и по физическим обстоятельствам лишены местных пособий против венерического яда, с толикою лютостию между ними распространившегося.

Почему, следуя правилам человеколюбия, надлежит как можно поспешнее принять ту единственную и надежную меру, чтобы, с одной стороны, для излечения зараженных уже любострастною болезнью, а с другой, для воспрещения вместе с тем дальнейшего действия лонной устроить в городе Березов и волости Самаровской больницы. В одну из сих последних будут

поступать больные Березовского уезда, исключая Сургутское отделение, а в последнюю больные Самаровской и прочих в окружности лежащих волостей, а также и инородцы Сургутского отделения, которое гораздо ближе к Самарову, нежели к Березову, куда, как выше упомянуто, по отдаленности неудобно перевозить немощных. Но допуская столь полезное предприятие, нельзя не остановиться на нижеследующем необходимом вопросе: из каких источников заимствовать деньги на исполнение сего предположения? Здешнее губернское начальство не имеет в распоряжении своем никаких свободных сумм для единовременного приобретения прочных помещений ни для тех больниц, ни для снабжения оных всеми потребными вещами, без коих вовсе не может быть достаточного призрения больных. Хотя бы в сей крайности можно было обратиться к приглашению благонамеренных людей к добровольному пожертвованию на заведение оных больниц или обложить разумные по предварительному дозволению высшего начальства русские и инородные общества, члены которых будут пользоваться в больницах каким-либо денежным сбором; но благотворения равно, как и предложенный сбор, не могут быть насильны, ни постоянны, к тому же, последнее средство, т. е. денежный сбор, производя новый налог, может сделать неприятное впечатление в инородцах.

Итак, в сем положении вещей представляется та единая мысль, чтобы прибегнуть к всемилостивейшему Государя Императора воззрению на бедственнейший жребий отдаленнейшей страны: ибо, когда устраивают на счет казны больницы для преступников, более или менее сделавших вред обществу, тем наипаче достойны сожаления те из русских и инородцев, кои впадают в любострастную болезнь токмо по совершенному неведению о возможности следствий сего зла. А по сим уважениям Совет в заседании 2 апреля 1824 г полагал:

1. представить все сии обстоятельства на благоуважение господина генерал-губернатора Западной Сибири и испрашивать его главноначальственного где следует представительства о единовременном ассигновании из казны

А) на покупку для больницы в городе Березов дома купца Струнина и на поправку оного — 4500 руб.

Б) на приготовление одежды для больных, полагая их 30, в том числе две трети мужеска, одну треть женска пола примерно — 500 руб.

С) на покупку для больницы посуды, столов, стульев, кроватей и прочего тому подобного 150 руб.

Итого на березовскую больницу 5150 руб.

Д) на постройку или покупку здания также для больницы в Самаровском селе примерно 1500 руб.

Е) на одежду, полагая больных 15 мужеска и 5 женска пола — 250 руб.

Ж) на посуду и прочие — 75 руб.

Итого на Самаровскую больницу 1825 руб. А всего на обе больницы 6975 руб.

Впрочем, если бы представились непреодолимые препятствия к отпуску таковой суммы из казны, в таком случае нельзя ли будет уже обратить оную на счет могущих быть остатков от общих земских повинностей, поелику никак не можно откладывать учреждения больницы по очевидной необходимости оных.

2. В случае отпуска сей суммы употребление оной на предназначенные предметы предоставить хозяйственному попечению г[осподина] гражданского губернатора.

3. Также испрашивать ходатайства господина генерал — губернатора, во-первых, определения в Березов опытного врача, вакансия которого там издавна остается праздною, а во-вторых, о назначении туда пяти лекарских учеников, кои имея получать обыкновенное по штату жалование, должны состоять в подчинение уездному медику.

4. По определении в г. Березов медицинского чиновника поручить особенному его надзору и вниманию предполагаемую там больницу, прекращение венерической болезни и иметь вместе с тем распространение между остяками и самоедами оспопрививания, ибо, как достоверно известно, натуральная оспа также иногда там возникает со свойственной ей смертностью. А как для сего и дабы наведываться о впавших в венерическую болезнь ясашных имеют или сам врач, или лекарские ученики посещают в известное время жилища их: то давать им переводчиков из казаков, которые предпочтительнее противу прочих

могут быть употреблены к сему по совершенному знанию ими языка инородцев.

5. Что ж касается до села Самаровского для назначаемой в оном больницы, определить двух сведущих лекарских учеников с тем же жалованием, какое прочие лекарские ученики получают.

6. На основании общего о губернских учреждениях (380, 386 и 388 ст.[1]) главное распоряжение оными больницами предоста-

---

[1] Приказу общественного призрения поручается … становление и надзирание гошпиталей или больниц для излечения больных…

Ст. 386. О гошпиталях или больницах. В рассуждении установления и надзирания гошпиталей или больниц для излечения больных, надлежит приказу общественного призрения стараться учредить оныя для многолюдных городов вне города, но близ онаго, вниз по реке, а отнюдь не выше города, буде можно на высоком месте и свободном воздухе, и весьма прилежносмотреть должно, чтоб строение было нетесное и не низкое, чтоб покои чистосодержаны были, и чтоб в покоях воздухпеременялся открытием хотя на короткое время окон, чтоб больные мужескаго пола особо содержаны были от больных женскаго пола, чтоб больные прилипчивыми болезнями особливые покои имели, чтоб излишними не нужными людьми или приставниками, или иными не надобными издержками не убавлялась и не тратилась сумма, которая бы могла быть употреблена с лучшею пользою для излечения наивящшаго числа больных. Приказу общественного призрения равномерно непрестанное бдение старание иметь надлежит, дабы до больниц и в них находящимся дошло все то, что им определено. Для примерного обозрения прилагается здесь учреждение одной больницы.

Ст. 388. О домах для больных неизлечимых. В рассуждении установления и надзирания излечимых особого дома для неизлечимых больных, кои пропитания не имеют, приказу общественного призрения предписывается, токовый дом установить для того, что в гошпиталях или больницах хотя и стараются о излечении разными недугами одержимых; однако же случаются болезни таковыя, кои по существу своему бывают неизлечимы, и буде где не будет особенного установления для неизлечимых неимущих, тогда случиться может, что в гошпиталях или больницах число неизлечимых неимущих занимать будет места без пользы тех, кои будучи одержимы временными болезнями, могли бы получить пользованием излечение в гошпиталях или больницах [не упоминая и о том, что бывают болезни неизлечимыя, кои еще при том

вить приказу общественного презрения с тем, чтобы оный принял на свое попечение и содержание больниц купно с лекарствами без всякого, впрочем, излишества (и чтобы не было выписываемо лекарств не свойственной грубой натуре больных). Вследствие чего ныне же обратить в приказ общественного презрения как пожертвованные в Березове на больницу 501 руб., так собранные в 1808 и 1809 годах на повинности 872 руб. 97 коп., всего 1373 руб. 97 коп, равно как и те 607 руб. 95 коп., о коих казенная палата недоставила еще сведения, по коих посему предоставить ей сделать точнейшее изыскание. Сверх того, поручить приказу общественного презрения, дабы оной по поступлении введение его больниц сделал ближайшее соображение о том, нельзя ли будет взимать какое-либо число денег и с самих больных в возмездие тех издержек, какие на оных употреблены могут быть. Надзор же за оными больницами, собственно по медицинской части, возложить на врачебную управу.

Бывший гражданский губернатор Тургенев утвердил таковое положение Совета от 5 апреля 1824 г., предоставил с оного список г[осподину] Генерал-губернатору Западной Сибири с просьбою об утверждении оного и об учреждении в г[ороде] Берёзов и селе Самарове больниц для врачевания страждущих любострастною болезнью.

Господин генерал-губернатор[1] представление сие препроводил на рассмотрение к председательствующему в Совете главного управления г[осподину] гражданскому губернатору Фролову[2], а сей в предписании от 31 октября 1824 г. (№ 593) изъявляя, что по внимательном соображении упомянутого предположения он находит:

и прилипчивы] или же неизлечимые неимущие останутся без покрова; и для того приказ у общественнаго призрения надлежит стараться о доставлении неизлечимым неимущим покрова, прокормления, услужения и призрения, и чрез то да подастся неизлечимым неимущим хотя облегчение в их недугах.

[1] Капцевич Пётр Михайлович (1772-1840) — генерал-губернатор Западной Сибири в 1824-1827 гг.

[2] Фролов Пётр Козьмич (1775-1839) — Томский губернатор с 1822 по 1830 г.

1. Когда медицинское начальство нашло любострастную болезнь, столь сильно свирепствующую в северном краю Тобольской губернии, что к близшему к истине исчислению против нескольких сот зараженных в высшей степени сею болезнью признавало необходимым принять меры, то по сему полагаемое число для пользования в больницах Березовской 30 и в Самаровской 20 человек будет недостаточно и не принесет существенной пользы, поелику малое число излечившихся, возвратясь в места своего жительства, между множеством зараженных легко могут получить венерическую болезнь по-прежнему.

2. Дом мещанина Нечаевского в Березове, хотя и признаваем исправником Буличем способным для помещения до 100 кроватей больных, но таковой отзыв не может быть допущен со всем вероятием, ибо сто больных требуют довольно большого помещения, какого в Березове с трудностью найтиможно, тем более, что теснота между одержимыми любострастной болезнью может иметь вреднейшие следствия, нежели как в других простых болезнях, при том же дом, строенный для помещения частного лица, по расположению своему отнюдь не может соответствовать всем удобностям, каковы необходимы для лазарета, между тем как сумма на приобретение сего здания с поправкой оного составит довольно значительные издержки, имея в виду дешевизну в Березове леса и удобность сплава туда железных и иных строительных материалов. Сверх того, из положения Совета, кроме того, что на починку означенного дома березовское общее присутствие полагает 1000 руб., нельзя заключить о прочности оного, тем более, что нет никакого описания, неизвестно, когда оный строен, исчисления на поправку сделано не по смете, а примерно.

3. Полагаемым Советом на заведение для больных одежды в Березов 500 руб. и в Самарово 250, а также на покупку мебели и посуды в 1-м 150 и в последнем 75 руб. 75 коп., составляют весьма маловажную сумму, на которую при всей дешевизне нельзя приобресть для больницы всего нужного, ибо по высочайше утвержденному в 1810 году докладу бывшего военного

министра графа Аракчеева[1], с коим должно сообразовывать при учреждении Лазаретов на 30 больных положено столько вещей, что их едва ли можно приобресть за определенную Советом сумму, не говоря уже о потребности на ремонт, как вещей, так и больничных зданий; если приказ общественного презрения примет на свое попечение содержание больных положенною порцией и медикаментами, то в сем случае следует определить, до какой суммы все сие может простираться и может ли удовлетворить все исчисленные имеющиеся на больницы потребности из сумм, у него имеющихся, тогда как доходы приказа, по изъяснению Совета, ограничены и установление сие не может доставить значительного пособия.

5. Хотя Совет полагает взимать какое-либо число денег и с самих больных в возмездие тех издержек, какие на них употребляемы могут, но как больница в Березове и Самаровском предполагаются быть благотворительными заведениями для остяков, людей вообще недостаточных, то по сему и возмездие с них невместно, тем более что инородцы сии, не имея денег, принуждены будут платить за пользование свое зверем, что может подать повод к злоупотреблениям.

6. Совет, полагая для Березовской больницы уездного врача с 5 лекарскими учениками, а для Самарова двух учеников, не приняв соображение, можно ли найти в губернии такое число сего звания людей, поелику известно, что в самых ближайших округах Тобольской губернии оказывается большой недостаток в лекарских учениках, по возможности сведущих и в особенности хорошего поведения, а сие тем более необходимо в настоящем случае, что в Самарове не предполагается медика, а в Березовской лекарь и ученики его, по предположению Совета, должны разъезжать по жилищам остяков и самоедов, как для прекращения на местах венерического яда, так и для оспопрививания.

7. Если правительство предложит завести больницы в Березове и Самарове для любострастной болезни, то хотя оная будет предпочтительною всих, но за всем тем не может быть единст-

---

[1] Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834) — военный министр (1808-1810), главный начальник императорской канцелярии с 1812 г. и военных поселений с 1817 г.

венным предметом лечения. И неужели одержимые какими-либо другими тяжкими болезнями будут отвергнуты тогда, когда другие, зараженные от любострастия, могут получить все пособия от правительства. В сем случае больничные здания должны иметь особенные отделения, как для обыкновенных болезней, так и для венерических, с известными при том в сих последних подразделениями и, наконец,

8. В больницы должны быть принимаемы не одни только инородцы, но и неимущие жители города Березова и села Самарово.

По сему все сии замечания поручим сообразить в губернском совете, пригласив к сему для совещания инспектора врачебной управы. Но господин гражданский губернатор Тургенев предписание сие в числе прочих бумаг увез с собою, не предложив рассмотрению губернского совета. Между тем г. инспектор врачебной палаты Алберт в 1826 году окончил обозрение северной части принадлежащей Тобольской округе и смежную Березовскую, довел до сведения Гражданского губернатора, что бедственное положение жителей северного края требует особенного благотворительного внимания начальства, как относительно сохранения из здоровья, так и прекращения свирепствующей там с давнего времени между ими заразительной болезни. И для ближайшего достижения сей благотворительной цели сообщил 27 апреля 1827 г. свое мнение:

1. Северную часть Тобольской округи, начиная от Демьянска и Березовской округе, разделить на 2 части и в каждую из них определить по отдельному лекарю.

2. В городе Березове и селе Самарове учредить больницы.

3. К Самаровскому отделению должны принадлежать от Демьянского села все волости, селения и юрты до Самарова и в стороне Сургутское комиссариатство до Цыгалинских юрт.

4. К Березовскому отделению от Цыгалинских юрт до Березова и Обдорска.

5. При каждом лекаре должны быть 4 лекарских ученика. Один из них будет находиться при самом лекаре, а три по разным волостям и между сими последними разделить в заведывание их несколько остяцких юрт и селений для объезда и наблю-

дения за больными, коих отдельный врач или по обстоятельствам, или по свойству болезни признает оставить пользоваться дома.

6. Во всякой юрте построить 2 бани: одна должна служить для здоровых, а другая для сомнительных и больных. Постройка сих бань не будет трудна и дорога жителям тамошнего края. Первоначально хоть с некоторым принуждением будут употреблять бани, но через сие опасность заражения уменьшится и в последствии они, вероятно, привыкнут к ней.

7. Отдельные лекари обязаны будут объезжать свою дистанцию по крайней мере в год 2 раза.

В заключение всего того г. Алберт присоединяет, что в городе Березов по сей необходимости нужно непременно учредить больницы, ибо там немалое число казаков, которых по учреждению о Сибири следует принимать в городовые больницы, на том самом основании, на каком пользуются в оных военные нижние чины, при том с них делается вычетиз жалования на лекарства, а больницы, куда их поместить и лекарства, чем их лечить в Березове нет. Но о сем г. инспектор обещался особо представить г. губернатору. Таковые мысли получены были в губернском управлении 29 апреля 1826 г. во время бытности г. Тобольского гражданского губернатора в Ялуторовском округе для обозрения устраиваемых дорог. На сем мнении главного управления губернским председателем губернского правления положена следующая резолюция: «Доложить Совету».

Сие мнение г. инспектора Алберта начальником 1 отделения Тобольского общего губернского управления не была докладывана Совету до 18 февраля 1827 г. было ввиду г. Тобольского гражданского губернатора до 17 января сего же года, т.е. по возвращении его превосходительства из Березовского края по предварительному уведомлению о мнении Алберта не было иное потребовано. В доказательство же сего служит собственная его превосходительства резолюция.

Документ позволяет существенно дополнить имеющиеся лаконичные сведения о попытках строительства больниц на Севере Тобольской губернии.

Исторический архив Омской области. Ф.3.Оп. 1. Д. 501.Л. 501-515.

Примечания

1. Афанасьев, П.А. Ревизионный контроль в кабинетском хозяйстве Западной Сибири в XIX — начале XX в.: монография. — Барнаул: АлтГПА, 2014. — 290 с.

2. Белявский, Ф.М. Путешествие к Ледовитому морю. — Тюмень: Мандр и Ка, 2004. — 263 с.

3. Вануйто, В.Ю. Развитие здравоохранения на севере Тобольской губернии // Вестник ТобГПИ им. Д.И. Менделеева. — 2003. — № 2. — С. 126-131.

4. Высочайше утвержденный доклад Медицинской коллегии об учреждении медицинских управ. 19 января 1797 г. // Петров Е.Ф. Собрание российских законов о медицинском управлении. — СПб., 1826. — С. 138-141.

5. Загороднюк, Н.И. Организация медицинской помощи заключенным Тобольского тюремного острога в конце XVIII — первой половины XIX веков // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 327-343.

6. Ерофеев, Я.А. История медицинского обслуживания в городах Тобольской губернии (1870-1917 гг.): автореф... к. и. н. — Тюмень, 2017. — 29 с.

7. Исторический архив Омской области. — Ф.3. — Оп.1. — Д. 501. — Л. 501-515.

8. Митрофанов, В.В. Пелымский край в обозрении Найденова (1826 г.) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 9 / под общ.ред. Я.Г. Солодкина. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. — С. 103-129.

9. Митрофанов, В.В. Очерки по истории Тобольска, Березова и Сургута в XIX веке: монография. — Екатеринбург: ФОРТ ДИАЛОГ-Исеть, 2016. — 238 с.

10. Митрофанов, В.В. Эпидемия сибирской язвы на территории Тобольской губернии и Омской области в 1826 г.// Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Вып. XIV. — Нижневартовск: Из-во ИП Халилова Е.В, 2017. — С. 27-43.

11. Отчёт тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию её управления // Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. — СПб.: тип. А.С. Суворина. 1899. — С. 1-96.

12. Паина, Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX — начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в.: сб. статей / отв. ред. И.Н. Фирсов, С.

Прутченко. Сибирские окраины. Приложения. — СПб., 1899Л.: ЛГУ, 1967; Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. — СПб., 1899. — С. 147-175.

13. Панишев, Е.А. Медицинское обслуживание и охрана здоровья населения Тобольской губернии во второй половине XIX — начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. — 2009. — № 4/3 (64/3). — С. 161-164.

14. Первая в Югре: [Березовской больнице — 165 лет] / [авт.-сост. А.А. Головин]. — Березово: Тип., 2000. — 60 с.

15. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2. т. X. Отделение № 1. (1835 г.). — СПБ. 1836. — № 7954. — С. 257-258.

16. Российский государственный исторический архив. — Ф. 1341. — Оп. 36. — Д. 1293. — Л. 1-8.

17. Татарникова, А.И. Берёзов и Сургут как административные центры Севера Тобольской губернии конца: медико-санитарное состояние// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 3 (77). — Ч. 2. — С. 177-180.

18. Темплинг, В.Я. Здравоохранение на Крайнем Севере Тобольской губернии (XIX — начала XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 4 (31). — С. 136-141.

19. Томилов, И.С. Город Берёзов на рубеже XIX-XX вв.: описание, демография, инфраструктура // Северный регион: наука, образование, культура. — 2018. — № 4(40). — С.15-22.

20. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032-1882 гг. / сост. И.В. Щеглов; под ред. В.И. Вагина. — Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. — 778 с.

21. Цысь, В.В. Становление системы медицинских учреждений на Тобольском Севере в XIX — начала XX вв. // Научный диалог. — 2022. — Т.11, № 2. — С. 497-512.

22. Шуляк, Е.В. Развитие здравоохранения Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2019. — Т. 5, № 2. — С.121-132.

23. Шуляк, Е.В. Здравоохранение Тобольского Севера в середине XIX — начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2022. — Т. 9, № 1 (33). — С. 78-96.

IV. БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Ю.С. Ветюгова

Опыт реализации проекта по увековечиванию памяти участников Великой Отечественной войны, покоящихся на Нижневартовском городском кладбище № 1

В Российской Федерации на сегодняшний день реализуется множество проектов по увековечиванию памяти об участниках Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самые масштабные проекты — этогосударственная информационная система «Память народа», общедоступная единая база данных

«Дорога памяти» и проект, который находится в разработке, создание электронных Книг памяти сел и муниципальных образований Российской Федерации с целью увековечения памяти максимального количества участников Великой Отечественной войны 1941-1945 годов в малых населенных пунктах России и установлению их имен и судеб.

Информация об участниках на сегодняшний момент тщательно оцифровывается и изучается, в этом направлении государством и службами архивов уже проделана колоссальная работа. Но есть и частные вопросы, которые еще предстоит решить. Например, это выявление и уход за воинскими захоронениями. По законодательству РФ: закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [2] воинскими захоронениями могут считаться «индивидуальные могилы на общих кладбищах и вне их», а одной из форм увековечивания памяти является «сохранение и благоустройство воинских захоронений, создание, сохранение и благоустройство других мест погребения погибших при защите Отечества, установка надгробий, памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших» [2]. Надзор за сохранением и благоустройством воинских захоронений «может находиться в ведении органов местного самоуправления» [2].

Для инвентаризации индивидуальных могил ветеранов Великой Отечественной войны, а также участников боевых действий, граждан, внесших большой личный вклад в развитие города

Нижневартовска, была создана рабочая группа, в которую вошли представители администрации города, депутаты думы города, управление по социальной защите населения, сотрудники Нижневартовского краеведческого музея, родственники ветеранов и старожилы города.

В городе Нижневартовске сегодня существует 5 кладбищ, на каждом из них есть воинские захоронения. Отличие Нижневартовского городского кладбища № 1 от остальных кладбищ заключается в том, что по этому кладбищу не существует никакой документации, касающейся списков захоронений или схемы, так как ее никто не вел, захоронения производились хаотично. Само кладбище располагается между улицами Школьной и Лопарева в старой части города. Это кладбище появилось в 1940-е гг., официально закрыли его в 1970-е гг., но на нем существуют и более поздние захоронения. В архивах не сохранилось никаких документов об этом кладбище. Часть из тех, кто покоится на кладбище, являются коренными нижневартовцами, старожилами, но у многих не осталось родственников в городе, и контакты с ними утеряны.

Исторически данное кладбище не является для Нижневартовска первым. В начале XX века при появлении пристани, а затем села Нижневартовского было выделено иное место для захоронений, территориально оно находилось в районе современного Больничного переулка. Первухина (Балуева) Вера Матвеевна, уроженка села Нижневартовского, вспоминает, что ее отец Балуев Матвей Семенович поставил свой дом на месте первого пристанского кладбища: «До конца 30-х годов на этом месте было пристанское кладбище. У нас на огороде стояли кресты, а в стайке, где коровы были, даже могилки проваливались. Раньше вообще к этому как-то просто относились… Сейчас уже и места этого, где наш домик стоял, нет его…смыло» [1, С. 9-10]. Свою маму Вера Матвеевна хоронила в 1947 году уже на новом кладбище (*наст. время* Нижневартовское городское кладбище № 1): «Никаких кедров тогда не росло на этом месте. Было несколько могилок, кочки, болотистое место. Это сейчас там такие большие деревья выросли — целый кедровый лес» [1, С. 9-10].

Площадь городского кладбища № 1 составляет 0,5 гектара. Летом 2020 года сотрудники музея приступили к составлению

схемы захоронений на кладбище. Для этого кладбище было разбито на сектора: вдоль и поперек, были проведены условные линии. Таким образом, получилось 11 секторов. В каждом секторе от 70 до 200 захоронений. Затем по каждому сектору была составлена схема захоронений, параллельно с составлением схемы происходила фотофиксация могил и надгробий. Сделано это было для проведения дальнейшего «опознания» захоронения, а также с целью сохранения изображения надгробия на цифровом носителе, так как многие таблички на надгробиях, как и сами надгробия уже разрушены и надписи или уже не читаемы или почти не читаемы. В процентном соотношении это около 35 процентов от общего числа захоронений. По итогам этой работы обнаружилось, что на кладбище находится не менее 663 захоронений, при этом точную цифру выяснить уже не представляется возможным, так как часть захоронений разрушена.

Научно-исследовательская работа по составлению списков и схем захоронения на кладбище, опознание захоронений переросло в проект под названием «Старожилы. Память». Проект был отмечен окружным конкурсом «Музейный Олимп Югры» в номинации «Музей места».

При первичном изучении захоронений выяснилось, что помимо нижневартовских старожилов на кладбище покоятся и участники Великой Отечественной войны. Удалось составить списки в количестве 63 захоронений. Для дальнейшей работы и возможности увековечивания памяти об этих людях, автором статьи был задуман проект «Увековечивание памяти об участниках ВОВ 1941-1945 гг. на Нижневартовском городском кладбище № 1», реализуемый автономной некоммерческой организацией «Мусейон» (получившая на реализацию проекта грант губернатора Югры № 22-1-000073). Сроки реализации проекта июнь 2022 года — октябрь 2023 года. Целью проекта стало увековечивание памяти об участниках ВОВ 1941-1945 гг., посредством реконструкции памятников ветеранов на Нижневартовском городском кладбище № 1, создания интерактивной информационной базы для посетителей кладбища, а также привлечения подросткового поколения к субботнику по благоустройству захоронений ветеранов Великой Отечественной войны.

При реализации проекта к работе были привлечены иные сотрудники: один научный сотрудник и один интервьюер.

Первым этапом работы над проектом стало составление и подача запросов в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации с целью выявления подлинного участия ветеранов, покоящихся на Нижневартовском городском кладбище № 1, в боевых действиях ВОВ 1941-1945 гг. Для составления запросов необходимы были первичные сведения об участнике ВОВ, такие как фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения, дата призыва, место службы, звание, должность. Эти сведения удалось собрать с помощью изучения воспоминаний старожилов, изучения фондов Нижневартовского краеведческого музея, работы с архивными документами архивного отдела администрации города Нижневартовска, поиск по информационной системе «Память народа».

Помимо этого, было выделено 15 захоронений, которые нуждаются в реконструкции: на некоторых из них не было памятника, крест с табличкой сгнил, часть надгробий были разрушены. Команда проекта начала поиск родственников участников ВОВ для сбора разрешения на замену памятника.

Вторым этапом в реализации проекта стало проведение научно-исследовательской работы по установлению фактов биографии участников ВОВ. Для сбора данных были опрошены старожилы города Нижневартовска, родственники участников ВОВ, изучены похозяйственные книги села Нижневартовского и Нижневартовского сельсовета, хранящиеся в архивном отделе города Нижневартовска, проанализированы документы, воспоминания и фото из фондов Нижневартовского краеведческого музея, просмотрены данные из системы «Память народа», архивные справки, полученные из Центрального архива Министерства обороны РФ, привлечены иные интернет-ресурсы и книги по истории ВОВ 1941-1945 гг.

Таким образом, после изучения, анализа и обобщения имеющихся данных было составлено 63 биографические справки на участников ВОВ, покоящиеся наНижневартовском городском кладбище № 1. Эта информация представлена на сайте Нижневартовского городского кладбища № 1 (адрес сайта: https://нв-

кладбище-1.рф) [3]. Для удобного пользования системой, на каждое захоронение участника ВОВ в июне-августе 2023 года будет размещен QR-код со ссылкой на страницу с биографической справкой. Таким образом, с историей этих людей можно познакомиться как дистанционно, так и при посещении кладбища.

Последним этапом в реализации проекта намечен субботник с привлечением молодежи города Нижневартовска.

Партнерами проекта стали Военный комиссариат города Нижневартовска и Нижневартовского района ХМАО-Югры, Департамент жилищно-коммунального хозяйства администрации г. Нижневартовска, Муниципальное бюджетное учреждение «Нижневартовский краеведческий музей имени Тимофея Дмитриевича Шуваева», Муниципальное автономное учреждение дополнительного образования города Нижневартовска ЦДиЮТТ «Патриот», местная молодежная общественная организация «Ассоциация поисковых отрядов города Нижневартовска «Десант памяти».

В перспективе работы над проектом планируется составить биографические справки не только на участников ВОВ, но и на старожилов и первопоселенцев села Нижневартовского, тружеников тыла, а также на людей, которые внесли вклад в развитие города и округа. Запланировано благоустройство самого кладбища, установка стендов и указателей с привлечением дополнительных финансовых средств.

Примечания

1. Дороги судьбы — дороги Победы: (сборник документов и материалов) / МБУ «Библ.-информ. система»; Нижневартовский краеведческий музей им. Т.Д. Шуваева. — Нижневартовск: Про-Принт, 2010. — 168 с.

2. Закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал Гарант.ру. 2014. — URL: https://base.garant.ru/1583840/ (Дата обращения: 22.03.2023).

3. Участники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Нижневартовское городское кладбище № 1. 2023. — URL: https://нв-кладбище-1.рф/1 (дата обращения: 22.03.2023)

Г.В. Иванова

Переписка и дружеские встречи экипажа танкера «Самотлор» с нижневартовцами (на основе документов Нижневартовского краеведческого музея)

В фондах Нижневартовского краеведческого музея хранятся телеграммы, письма и сувенирная продукция, связанные с танкером «Самотлор». Предметы в количестве 25 единиц хранения поступили в фонды музея в период с 1978 по 1989 годы. В составе коллекции 5 документов, 2 печатных издания, 5 сувениров, 13 фотографий с изображением танкера и капитана судна.

В 1960-е годы озеро Самотлор было одним из самых важных объектов исследований, так как именно в районе этого озера были найдены колоссальные залежи нефти. В 1970-е годы в газетах и журналах страны публикуются статьи об успехах нефтяников, поэты и композиторы посвящают озеру стихи и песни. Название «Самотлор» было присвоено нескольким морским судам: рыболовному траулеру и нефтеналивным танкерам.

Танкер «Самотлор» — наливное судно, предназначенное для перевозки нефтепродуктов, китового жира, сиропов, растительного масла. Судно отличалось высокой технической оснащенностью, могло одновременно принимать более шести видов груза. Конструктивный тип: однопалубное, с баком и ютом, с двойными бортами и двойным дном, с жилой надстройкой в корме, с наклонным носом и крейсерской кормой, с ледовым усилением корпуса. Район плавания: неограниченный. Дальность плавания: 10000 миль. Экипаж: 37 человек (запасных мест — 9). Основные максимальные размеры: длина 160 метров, ширина 23 метра, высота борта 12,9 метров. Наибольшая высота от киля до клотика 41,5 метров. Дедвейт судна 17,2 тысяч тонн, наибольшая осадка 9,2 метра, наибольшее водоизмещение 24,5 тысяч тонн [1]. Судно спроектировано по правилам Регистра СССР, действовавшим в 1970 году.

Строился танкерна финской судоверфи «Раума-Репола». Со стапелей на воду он был опущен 15 октября 1974 года, а 15 мая

1975 года состоялось его «крещение»: супруга советского представителя «Внешторга» в Финляндии Ирина Пугина по старой морской традиции разбила о борт «новорожденного» шампанское. С этого момента «Самотлор» стал головным судном полярных танкеров, флагман танкерного флота начал большое плавание [2].

27 июня 1975 года танкер, подняв флаг СССР, вышел в свой первый рейс по маршруту Раума — Рига. Танкер северным морским путем взял курс к берегам Дальнего Востока и в октябре прибыл в порт приписки Находка, вступив в состав Приморского морского пароходства, самого молодого пароходства на Дальнем Востоке. Численность экипажа в первом рейсе составляла 25 человек. Управлял судном капитан дальнего плавания Юрий Иванович Солодовников [3]. В 1974-1978 годах по заказу Министерства морского флота СССР было построено 14 судов такого типа [4].

Корреспондент газеты «Ленинское знамя» М. Бородина в статье «Самотлор» — танкер полярного плавания» знакомитчитателей с коллективом судна: «На танкере трудятся замечательные люди. Это ударник коммунистического труда старший моторист Н.П. Войтишин, который имеет три знака трудовой доблести: победителя в социалистическом соревновании за 1973, 1974 годы и медаль «За трудовое отличие». Это старший электрик С.Д. Корчак, электромеханик Т.Д. Могильный, старший моторист А.В. Закалюжный, начальник рации В.Ф. Зацепин, второй механик В.И. Матвеенко, плотник В.В. Кузин, токарь А.И. Лобачев и многие другие. Большие знания, богатый опыт передал членам экипажа Каленик Иванович Кравец — старейший боцман пароходства, кавалер ордена Ленина, ветеран морского флота, участник героических трансатлантических рейсов. Электромеханик Могильный и второй механик Матвеенко — лучшие по профессии в пароходстве, а второй помощник капитана — Владимир Янович Винчель — лучший штурман» [5].

С первых дней танкер находился в числе лучших судов пароходства. В парном соревновании с однотипным танкером «Уренгой» на протяжении четырех кварталов 1976 года «Самотлору» присуждалось первое место. В 1975 году танкер сделал 11 рей-

сов, перевез 164840 тонн грузов в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока, в том числе 2882 тонны сверх плана [6].

По выходу судна из гарантийного ремонта в Финляндии 8 февраля 1977 года танкер работал в Западном бассейне портов СССР и иностранных государств, побывал в Вентспилсе, Антверпене (Бельгия), Свиноуйсьте (Польша), Гибралтаре (Британия), Милаццо, Джелла (Италия), Новороссийске, Феодосии, Батуми. При переходе в 1976 году в Финляндию на гарантийный ремонт в Уусикаупунки (дочерняя судоверфь Раумы-Реполы) танкер посетил иностранные порты: Читтагонг (Бангладеш), Карачи (Пакистан), Амстердам (Голландия), Ольборг (Дания). С 6 октября 1977 года по 15 февраля 1978 года судно находилось в заграничном плавании с заходом в следующие иностранные порты: Сингапур, Кейра (Мозамик), Лиссабон (Португалия), Ольборг, Окенро (Дания), Карлсхамн (Швеция), Гамбург (ФРГ), Роттердам (Голландия), Порт-Саид (Египет), Аден (НДР Йемен), Кандла, Бомбей (Индия), Гонконг и Сянган (Британия). С 24 февраля по 26 апреля 1978 года танкер находился в заграничном плавании с заходом в иностранные порты Кандла (Индия), Карачи (Пакистан), Осака, Тиба (Япония) [7].

В 1960-1970-е годы в Советском Союзе было принято устанавливать тесные связи между трудовыми коллективами организаций и учреждений разных городов и регионов. Было принято направлять письма и открытки, телеграммы и телефонограммы в адрес дружественного коллектива в связи со знаменательными датами в истории страны, трудовыми достижениями. Для взаимоотношений различных организаций были характерны широкий обмен делегациями, постоянные деловые контакты и консультации по актуальным проблемам, двухсторонние встречи и другие акции.

Коллектив танкера «Самотлор» вел активную переписку с нижневартовцами. В нижневартовских газетах неоднократно публиковались письма, адресованные самотлорцам из дальневосточного порта Находки. Так, например, в апреле 1976 года начальник отдела организации работы с моряками загранплавания Журавлева писала: «В 1975 году Приморское морское пароходство получило три танкера, которые носят имена нефтяных и

газовых месторождений: «Самотлор», «Уренгой», «Березово». В 1976 году получаем танкеры «Надым», «Нижневартовск», «Ямбург». Хотелось бы, чтобы наши моряки знали об этих месторождениях, о людях, которые их открыли, о тех, кто сейчас добывает нефть. Это необходимо для воспитания у моряков любви к нашей Родине и для того, чтобы рассказать за границей о СССР, показать на конкретных примерах, какими темпами развивается экономика нашей страны…» [8].

Некоторая часть документов того периода, касающаяся переписки коллективов танкера «Самотлор» и комсомольцев города Нижневартовска, хранится в фондах Нижневартовского краеведческого музея. Переписка с сотрудниками танкера, согласно имеющимся данным, началась с 1976 года. Цитата из письма, адресованного первому секретарю горкома КПСС Бушмакину Эдуарду Дмитриевичу: «Письмо и сувениры о Нижневартовске получили. По прибытии в Находку все материалы будут переданы на танкер, и в дальнейшем связь со штабом Всесоюзной Ударной комсомольской стройки будет поддерживать экипаж танкера» [9].

В письме экипажа танкера Нижневартовскому горкому КПСС комсомольцы изъявили желание «искренне поддерживать переписку и шефские связи с комсомольцами и пионерами Самотлора, уникального месторождения нефти в СССР, чье имя начертано на борту замечательного танкера» [10]. С этого момента началась активная переписка штаба комсомольских организаций г. Нижневартовска и танкера «Самотлор». В телеграммах, адресованных «покорителям Самотлора», сообщалось об успешном проведении работ поосуществлению перевозок, досрочном выполнении планов, о непростой работе моряков.

В письме от 2 декабря 1983 года, подписанном методистом культбазы танкера Валентиной Владимировной Федосеенко, говорится: «В этом году арктическая навигация была очень сложная. Об этом Вы сможете прочитать и в нашей городской газете, которую мы вам высылаем. Эта заметка написана первым помощником капитана танкера «Самотлор» Ляховым Сергеем Николаевичем» [11]. Газета «Находкинский рабочий» НвКМ-1834

от 24 ноября 1983 года поступила в фонды музея в 1989 году. В ней размещена статья Ляхова С.Н. «Мужество моряков».

Одна из телеграмм, направленных с борта танкера, приглашает нижневартовцев в Находку: «Приглашаем вашу делегацию для встречи членами экипажа танкера самотлор 27 сентября 1977 года количестве не более 10 человек сообщите состав делегации дату вылета рейс» [12].

Теплая встреча состоялась на борту танкера. В гостях побывала делегация нижневартовских нефтяников в составе лучших производственников НГДУ «Варьеганнефть» [13]. Наряду с ними судно посетил известный нижневартовский журналист Лев Владимирович Соловьев. Соловьев Л.В. стоял у истоков нижневартовского телевидения: работал старшим редактором, затем директором телестудии. Некоторое время возглавлял отдел культуры Нижневартовского горисполкома. Десять лет был руководителем корпункта Тюменского радио и телевидения в Нижневартовске.

Нижневартовцы, погостив на судне, изъявили желание выйти нанем в один из арктических рейсов, ближе познакомиться с нелегким трудом моряков, снять фильм о братстве двух коллективов. Нефтяной Самотлор направил в арктический рейс делегацию из пяти человек. Л.В. Соловьев — старший редактор Нижневартовской студии телевидения — приехал вторично [14]. Л.А. Ардашов — секретарь парткома нефтегазодобывающего управления Варьеганнефть, В.А. Лютый — председатель группового комитета профсоюза нефтегазодобывающего управления Нижневартовснефть им. В.И. Ленина, В.Н. Кузнецов — инженер управления буровых работ № 2 объединения Нижневартовснефтегаз и кинооператор телестудии Георгий Иванович Мельник оказались на танкере впервые [15].

Гости из Нижневартовска не только побывали на легендарном танкере, но и приняли участие в рейсе от порта Находки до порта Амбарчик, расположенной на берегу одноимённой бухты Восточно-Сибирского моря.

Политическая карта мира с маршрутом танкера «Самотлор» (НвКМ-1214) является бесценным источником информации по данной теме. Помимо прочерченного маршрута на карту нанесе-

на надпись, выполненная капитаном судна Евгением Петровичем Майоровым: «Настоящим удостоверяю, что делегация г. Нижневартовска в составе «Ардашов Л.А., Соловьев Л.В., Кузнецов В.Н., Лютый В.А., Мельник Г.И. приняли участие в Арктическом рейсе на борту танкера «Самотлор» П.М.П. с 04.08.78 г. по 15.08.78 г. от п. Находка до п. Амбарчик 3221,6 мили» [16].

«Целыми днями на судне стрекотали камеры, щелкали затворы фотоаппаратов. Гостей интересовало буквально все: как трудится команда, как организован быт моряков, как проводят свое свободное время. Шефы выпустили специальные номера фотогазеты «Горизонт». Под рубрикой «Самотлор» глазами гостей они поделились впечатлениями о рейсе, о встречах с членами экипажа» [17].

Цитата из статьи «Морем скреплена дружба» первого помощника капитана танкера А. Тютрюмова: «Арктический рейс дружбы подошел к концу. В поселке Черском на реке Колыме мы провожали посланцев нефтяного Самотлора на самолет и, честное слово, не хотелось расставаться. Дни совместного плавания не только сблизили, но и показали поистине неисчерпаемые возможности таких взаимообогащающих контактов» [18].

В ноябре 1978 года состоялась очередная встреча представителей коллективов. На сей раз Самотлор принимал моряков известного судна. В статье Н. Устьянцевой «Гости с танкера «Самотлор», опубликованной 8 декабря 1978 года в окружнойгазете «Ленинская правда», названы гости, посетившие Нижневартовск: это первый помощник капитана Алексей Александрович Тютрюмов, механик, секретарь комсомольской организации Александр Щербаков, старший матрос Демури Схиладзе. Моряки побывали на месторождениях нефти и бригадах буровых мастеров В.В. Чугунова из УБР-2 и Героя Социалистического Труда Г.М. Левина из УБР-1, знакомились с городом. На память о танкере гости передали буклет Приморского морского пароходства (НвКМ-1213). Памятный сувенир с надписью на нем «Музею г. Нижневартовск от делегации г. Находки экипаж т/к «Самотлор» ПМП 1-й помощник капитана А. Тютрюмов, 4-й механик А. Щербаков, старший матрос Д. Схинадзе 24/XI-78 г.» хранится в фондах Нижневартовского краеведческого музея.

Телеграммы, письма моряков танкера и сувениры хранят память о судне, который был известен не только в СССР, но далеко за её пределами. К сожалению, жизнь кораблей недолговечна, их используют для транспортировки грузов в среднем 25-30 лет.

Танкер «Самотлор» эксплуатировался в течение тридцати лет. Судно было списано в сентябре 2005 года, затемпродано за 2,2 миллиона долларов. Разделано в Читтагонге (Бангладеш) [23].

Морские суда входят в число наиболее востребованных видов транспорта, так как требуют наименьших материальных затрат при перевозке грузов по всему миру. После списания все корабли подлежат утилизации. Фотографии и документы, хранящиеся в фонде Нижневартовского краеведческого музея, сберегают память о некогда известномсудне, бороздившим просторы океанов, о том, как танкер «Самотлор» объединял людей, находившихся за тысячи километров друг от друга.

Примечания

1. Бородина, М. «Самотлор» — танкер полярного плавания // Ленинское знамя. — 1976. — 15 окт.
2. Историческая справка танкера «Самотлор» Приморского морского пароходства. На 3л. Машинопись. Подлинник. [1976?]. Архив НКМ.
3. Открытие Самотлорского месторождения [сайт] — URL:http://samotlor- r1.ru/history/ (Дата обращения: 26.04.2022).
4. Нижневартовск. Фот. из собрания Лемачко Б.В. — URL: https://fleetphoto.ru/photo/378211/ (Дата обращения: 26.04.2022)
5. Морем скреплена дружба // Ленинское знамя. — 1978. — 26 авг.
6. Письмо Бушмакину Эдуарду Дмитриевичу, первому секретарю Нижневартовского горкома КПСС, от экипажа танкера «Самотлор». На 1 л. Машинопись. Подлинник. 1976. НКМ.НвКМ-1688/2.
7. Письмо Комитета плавсостава Приморского морского пароходства за подписью методиста культбазы Федосеенко В.В. На 1 л. Машинопись Подлинник. 1977. НКМ. НВФ-978.
8. Письмо от комсомольцев экипажа танкера «Самотлор» Нижневартовскому горкому КПСС. На 1 л. Машинопись. Подлинник. 1976. НКМ. НвКМ-1688/1.
9. Политическая карта мира [с маршрутом движения танкера «Самотлор»]. Типографская печать, рукописный текст. 1978. Подлинник. НКМ. НвКМ-1214.

10. Танкер с именем «Самотлор» // Ленинская правда. — 1977. — 3 дек.

11. Телеграмма срочная бланк № 44 от экипажа танкера «Самотлор» На 1 л. Типографская печать, машинопись. Подлинник. 1977. НКМ.НвКМ-1688/3-2.

12. Тютрюмов, А. Морем скреплена дружба // Ленинское знамя. — 1978. — 26 авг.

Приложение

Список литературы о танкере «Самотлор»

1. Бородина, М. Ещё один Самотлор // Ленинская правда. — 1976. — 2 апр.

2. Бородина, М. С дальних берегов // Ленинская правда. — 1976. — 8 июня.

3. Бородина, М. «Самотлор» — танкер полярного плавания // Ленинское знамя. — 1976. — 15 окт.

4. Григорьева, М. Ветеранам Самотлора // Ленинское знамя. — 1977. — 25 февр.

5. Денисов, Н. Арктический рейс «Самотлора» / Н. Денисов // Тюменская правда. — 1979. — 20 янв., 21 янв., 23 янв.

6. «Самотлор» — самотлорцам // Ленинское знамя. — 1977. — 6 сентября. — С. 1.

7. Танкер с именем «Самотлор» // Ленинская правда.—1977. — 3 дек.

8. Тютрюмов, А. На «Самотлоре» за полярный круг // Ленинская правда. — 1978. — 2 сент.

9. Устьянцева, И. Гости с танкера «Самотлор» // Ленинская правда. — 1978. — 8 дек.

М.Н. Мадьярова

Вклад благотворителей в создание первых публичных библиотек региона и продолжение традиций благотворительности в наше время

Рассматривать благотворительность в современной жизни как новое явление было бы, на мой взгляд, не совсем корректно. Скорее нужно говорить о «возрождении исконно русских традиций благотворительности» [8, с. 258]. Яркий пример благотворительности связан с появлением первых публичных библиотек на территории нашего региона.

Благодаря документам, которые хранятся в Государственном архиве Томской области [12, с. 249-292], мы располагаем сведениями об открытии первой общественной библиотеки при Берёзовском уездном училище 19 февраля 1900 года.

К её открытию имели непосредственное отношение жители Березова (в то время это был город): врач Аарон Яковлевич Штернберг, смотритель училища Петр Никандрович Грязнов и учитель Федор Филиппович Ларионов.

Аарон Яковлевич Штернберг (1871-1942) — врач, краевед, действительный член Тобольского губернского музея. После окончания медицинского факультета Императорского университета св. Владимира в Киеве был определен сургутским городским врачом, а в апреле 1898 года — березовским окружным, жил в Березове по 1901 год. «В эти годы зарекомендовал себя не только как «очень искусный и добросовестный врач», но и как «деятельная интеллигентная сила» [3, с. 314]. Был одним из инициаторов и участников создания Берёзовской библиотеки имени Александра Пушкина. Оказал широкую поддержку библиотеки «агитацией и книгами», а также деньгами, активно писал о библиотеке в газету «Сибирский листок», которая выходила в Тобольске. Занимался также устройством чайной с бесплатной народной библиотекой-читальней при ней.

Петр Никандрович Грязнов (1965-1914) — штатный смотритель уездного училища, председатель педагогического совета.

Так как библиотека состояла в ведении штатного смотрителя березовских училищ, был её первым заведующим.

Федор Филиппович Ларионов (1876-1951) — преподаватель русского языка, общественный деятель, был разносторонне образованным человеком, владел тремя иностранными языками: французским, английским, немецким. Изучал хантыйский язык. Один из лучших учителей города, у коллег и учеников пользовался заслуженным уважением. Был библиотекарем публичной библиотеки на общественных началах.

5 июня 1899 года педагогический совет Березовского уездного училища постановил открыть публичную библиотеку [12, с. 249-251].

9 июля директором училищ Тобольской губернии Петром Пановым было подано ходатайство на рассмотрение управляющему Западно-Сибирским учебным округом. В нём говорилось: «Принимая во внимание то, что почти всё население г. Березова грамотно, желающих читать много, а читать — нечего, и что на устройство проектируемой библиотеки собрано по подписке частных лиц до 200 рублей…, имею честь почтительнейше представить ходатайство Берёзовского уездного училища на благоусмотрение и зависящее распоряжение Вашего превосходительства» [12, с. 251-253].

Разрешение об открытии общественной библиотеки было подписано 11 октября 1899 года Министерством народного просвещения в г. Санкт-Петербурге: «Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что я разрешаю учредить при Березовском уездном училище общественную библиотеку на изложенных в проекте правил условиях, а также присвоить названной библиотеке наименование «Пушкинская» [12, с. 253-254].

«Пушкинская общественная библиотека, — говорилось в Правилах [12, с. 255-258], — имеет целью дать возможность всем жителям г. Березова за небольшую плату пользоваться кни-

гами, журналами и газетами». Любопытно, что все учащиеся и окончившие курс в уездном училище, пользовались библиотекой бесплатно, это же право предоставлялось всем беднейшим жителям города по предъявлению из полицейского управления удостоверения о бедности.

Плата устанавливалась очень дифференцированно. Оговаривалось в правилах и условие: «в помещении библиотеки чтение не дозволяется», выдача на дом производилась 2 раза в неделю по 2 часа. И ещё один любопытный пункт правил:

«Книги ученикам и ученицам выдаются по рекомендации учителей или учительниц, которые отвечают за пригодность их для учащихся».

Через некоторое время из Томска через Тобольск весть о разрешении открыть библиотеку дошла до Берёзово. Газета «Сибирский листок» писала в номере 19 (28 февраля) за 1900 год: «19 февраля 1900 года торжественно была открыта для общего пользования Пушкинская общественная библиотека. Был отслужен молебен, протоирей Поникаровский сказал очень милую речь о Пушкине с точки зрения духовно-нравственной. Прочувственное слово сказал заведующий библиотекой Петр Никандрович Грязнов».

Открытие библиотеки в Берёзово имело большой общественный резонанс. Об этом свидетельствуют публикации в ежедневной, политической, литературной и экономической газете «Сибирская жизнь», которая выходила в Томске с 1894 до февраля 1918 года [2, с. 292].

Через год «Сибирский листок» уже писал о том, как проходило празднование годовщины: «…скромное зданьице библиотеки было красиво убрано зеленью, на стене красовался роскошный портрет Пушкина (подарок библиотеке от бухгалтера местного казначейства В.М. Попова), тут же на столике под портретом 11 книжек Ежегодника Тобольского губернского музея (дар музея) как доказательство сочувствия со стороны выдающегося просветительного учреждения. Отслужен был торжественно молебен, пропет народный гимн «Коль славен» и др., после чего заведующий библиотекой Петр Никандрович Грязнов прочитал отчёт о деятельности библиотеки за истекшее время» [4].

Некоторые данные из этого отчета были приведены в публикации «Сибирского листка» 1901 г. за 19 апреля (№ 30): «Березовская библиотека не требует почти никакого расхода на своё содержание: помещается она в здании уездного училища, её делопроизводством заведует штатный смотритель уездного училища, а выдачей книг — один из учителей.

Существование библиотеки обеспечивается поступлением подписной платы, устройством в пользу библиотеки вечеров, спектаклей, чтений и прочими пожертвованиями. Местное общество весьма сочувственно отнеслось к библиотеке и оказало ей нравственную и материальную поддержку. Сочувствие это выразилось в приеме пожертвований, какого совсем не ожидали учредители библиотеки от небольшого березовского общества: было пожертвовано более 200 названий книг, деньгами 338 рублей 68 копеек… Пушкинская библиотека привлекла к себе всеобщее сочувствие не только местных жителей, но и людей, живущих далеко за пределами уезда».

Публикуя отчет библиотеки, сотрудники газеты были уверены, что «… отчет будет поучителен и полезен тем, кто пожелает где-нибудь в глухом углу Сибири затеять нечто подобное березовской библиотеке: из него читатель извлечет одну очень важную сентенцию, что не в средствах дело, а прежде всего в энергии и любви к делу, в сознании той пользы, какую принесет предпринятое дело» [7, с. 4].

Оптимистический прогноз 1901 года, который выражался в том, что «библиотека имеет средства, удовлетворяет читателей, бодро глядит на грядущее», частично оправдался, просуществовала она до 1920 года, когда уездное училище было закрыто, а фонд библиотеки расформирован.

Ещё одна публичная библиотека была открыта в январе 1905 годав Сургуте. Открылась онапо ходатайству уездного исправника Григория Александровича Пирожникова (1869-1963) при чайной уездного

комитета попечительства о народной трезвости. Библиотека располагала художественной литературой, книгами антиалкогольной тематики общества борьбы с алкоголизмом психиатрической клиники Московского университета.

При библиотеке сформировался добровольный коллектив чтецов и лекторов. Это были учителя, врачи, чиновники, служащие, духовенство. Чтения сопровождались показом «живых картинок» с помощью «волшебного фонаря». Музыку обеспечивали гармония, скрипка, балалайка. Граммофон использовался для проведения танцевальных вечеров.

На новогоднем детском вечере был поставлен спектакль по комедии Еремеева «Без старших». Среди исполнителей и зрителей — учащиеся городского приходского училища; комитет попечительства о народной трезвости угощал всех чаем, печеньями, конфетами. Сбор от платных мероприятий сдавался исправнику в пользу голодающих. С 1905 по 1912 год чтения при чайной посетило 15000 человек, или 27% от всех посетителей [10, с. 11-13].

В записках тюменского ученого С.М. Чугунова, посетившего Сургут в 1913 году, находим описание «культурного очага» города: «Она [чайная] имела маленькую столовую, крохотную читальню, где была скромная общественная библиотека, маленький зрительный зал с эстрадой…» [1, с. 3].

Помимо открытия библиотеки, Г.А. Пирожников способствовал развитию образования и науки, торговли и промыслов в Сургуте, с особым старанием заботился о распространении грамотности среди местных ханты. Лично собирал пожертвования в пользу участников русско-японской войны, открыл в Сургуте 13 октября 1913 года Народный дом, и библиотека стала действовать уже при нём.

В январе 1924 года публичная библиотека Сургута становится районной, которой в 2008 году присвоено имя Григория Александровича Пирожникова.

Ещё один пример благотворительности связан с формированием фондов окружной библиотеки. К сожалению, мы не можем назвать конкретные имена, но случай для нашей территории уникальный.

Протоколом № 20 заседания бюро Обско-Иртышского Обкома ВКП(б) от 21 июля 1934 года было поручено оргбюро ЦК ВЛКСМ, ОблОНО и Оргбюро ВЦСПС организовать в Тюмени и Тобольске в течение августа и сентября месяцев сбор литературы для северных округов [5, с. 9-10].

Так в библиотеке появились книги, которые стали не только основой коллекции, но и её уникальным «ядром». Основная часть книг была пожертвована Тюменской и Тобольской общественностью, в их числе оказались также книги из Томска и Петербурга, которые стали ярким проявлением индивидуальности окружной библиотеки.

Благотворительность во 2-й половине XX столетия

Благотворительность в этот период, в первую очередь, связана с книжными дарами. Много дарителей появилось у нас в 1990-е годы. Благодаря этому в 1997 году мы начали формировать фонд частных коллекций.

Одним из первых дарителей был наш земляк, полярный исследователь Геннадий Иванович Бардин (1932-1998).

В 1998 году он подарил библиотеке 30 экземпляров книг из личной библиотеки, основные темы коллекции: природа, животный мир, изучение Крайнего Севера. На титуле многих книг оттиски, по которым можно представить географию мест, где приходилось бывать обладателю коллекции; многие книги с дарственными надписями знаменитых полярников и исследователей Севера.

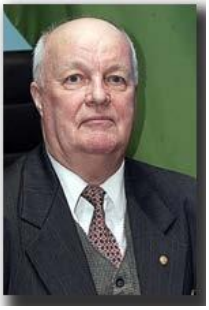
Геннадий Иванович Бардин побывал на всех шести континентах, для этого ему пришлось пересечь все океаны Земли. В 1973 году он возглавлял экспедицию на Беллинсгаузене, где неоднократно встречался с известным французским ученым-энциклопедистом Жаком Кусто. В коллекции есть книга с его автографом [6, слайд 9].

Частью своего книжного собрания поделился Феликс Робертович Штильмарк (1931-2005) — учёный-биолог, эколог, охотовед, один из основных создателей системы заповедников в СССР. Коллекция включает редкие книги краеведческого содержания.

Позже (в 2006, 2018 годах) супруга Феликса Робертовича Надежда Константиновна Носкова (научный сотрудник заповедников — Комсомольского (на Амуре), Юганского (Среднее Приобье), редактор альманаха «Охотничьи просторы») передала в библиотеку ещё две части домашней библиотеки Феликса Робертовича (около 3000 экз.). Эта библиотека приехала к нам из Москвы.

Назову еще несколько имён.

Валерий Константинович Белобородов (1936-2016), журналист и краевед, который 25 лет сотрудничал с окружной библиотекой на безвозмездной основе. Он — соавтор многих биобиблиографических изданий, подготовленных Государственной библиотекой Югры. Кроме этого, он передал нам коллекцию книг из домашней библиотеки, которая включает 375 изданий. Тематика представлена российской историей, историей Западной Сибири, округа, справочной литературой.



В 2007-2008 годах фонд библиотеки пополнился книгами, подаренными журналистом, краеведом, писателем Новомиром Борисовичем Патрикеевым (1932-2020).

Эта тематическая коллекция изданий по истории округа, охоте и охотоведению содержит 826 экземпляров.

В Государственной библиотеке Югры хранится коллекция книг доктора филологических наук Евдокии Ивановны Ромбандеевой (1928-2017).

В коллекции 1611 экземпляров книг по языкознанию и на языках коренных малочисленных народов Севера России, языках финно-угорских народов. Книги из коллекции востребованы читателями города, округа, а также исследователями из разных городов России и дальнего зарубежья.

В коллекции представлены и собственные труды ученого по лингвистике, ономастике и лексикографии, фольклору и этнографии, переводы на мансийский язык. Значительное место в коллекции занимаютмонографии, авторефераты диссертаций, учебная литература, словари, необходимые для научной, исследовательской работы.

Ценность коллекции определяется её тематической цельностью и уникальностью личности владелицы, формировавшей ее на протяжении многих лет. Многие издания из собрания являются библиографической редкостью.

Познакомиться с содержанием частных коллекций можно через электронный каталог библиотеки, доступ к которому организован на официальном сайте библиотеки https://okrlib.ru/, кроме этого библиотека издает печатные каталоги коллекций дарителей.

Современный период

Невозможно сейчас представить многогранную деятельность Государственной библиотеки Югры без бескорыстных помощников, которые участвуют в мероприятиях и акциях библиотеки, работают с людьми с ограничениями жизнедеятельности, доставляют книги на дом пожилым людям, проводят мастер-классы для юных читателей, выступают нашими амбассадорами и являются нашими друзьями!

И снова несколько примеров.

Совместный проект «Газпромнефть-Хантоса», Государственной библиотеки Югры, Библиотечной ассоциации Югры и творческого сообщества «Культурный штаб» был осуществлен в сентябре 2022 года. Это знаковое событие в масштабе города Ханты-Мансийска и всего региона [14].

Прилегающая территория библиотеки стала местом трансформации нового общественного пространства «Лента времени».

Появились новые локации, каждая из которых символизирует определенную историческую эпоху. Все начинается с «Книжной площади», затем попадаем на «Тайный мост» — арочный тоннель, оттуда в «Дворик мыслителей» — это крыша гаража, дальше перемещаемся в «Пещеру первых» — зона амфитеатра, и, наконец, оказываемся в «Творческом тупике» — зона кафе. Получается настоящее путешествие во времени!

Творческий тупик (зона кафе)

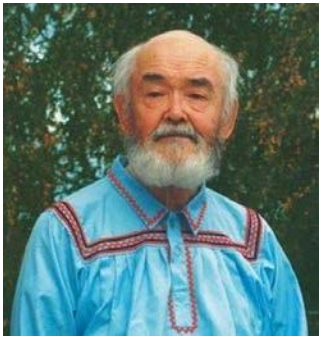
«Для нас важно, чтобы около библиотеки было место, где гости могли бы читать книги на свежем воздухе, объединяться в сообщества, организовывать и проводить тематические меро-

приятия», — так объяснила смысл этого оригинального проекта Евгения Финк, директор Государственной библиотеки Югры.

Добровольцами здесь выступили посетители библиотеки, художественного музея, центра искусств, волонтеры «Газпромнефть-Хантоса» и просто активные жители города, всего 35 человек. В течение пяти месяцев у нас работала проектная лаборатория «Город своими руками», которая вела работу по благоустройству нового общественного пространства. На первом этапе прошло исследование в формате соучастного проектирования. На втором этапе все идеи горожан были собраны в единую дизайн-концепцию, которая стала основой для разработки проекта «Лента времени». Завершилась работа лаборатории строительством новой площадки по улице Мира, 2 (адрес библиотеки).

«В результате у нас получился очень умный и творческий проект», — такую оценку дал начальник управления корпоративных коммуникаций «Газпромнефть-Хантоса» Илья Харебин.

И, наконец, совсем уникальный случай — яркий пример того, как мы работаем с дарами.



Государственная библиотека Югры владеет необычной коллекцией блокнотов и альбомов самобытного хантыйского художника Митрофана Алексеевича Тебетева (1924-2011), которые он лично передал библиотеке.

У этого события есть довольно интересная предыстория. Процитирую любопытный документ, который хранится в нашем архиве — это письмо М.А. Тебетева к заместителю директора (на тот момент) Мадьяровой М.Н. (письмо датировано 1997 г.):

«Исполнилось 5 лет как 14.04.92 г. я узнал от Вас, что в окр. библиотеке на меня завели библиографическую картотеку. Вы показали мне ее. Да, там значились вырезки из газет — информация о моем искусстве. Вы просили передать библиотеке что можно. Вашу просьбу в 1992 г. я исполнил. Благодаря Вам, Мария Николаевна, в окр. библиотеке есть солидный мой художест-

венный фонд — альбомы и блокноты, карикатуры — 800 рисунков с натуры, слайды с моих картин, каталоги и альбомы с репродукциями моих лучших произведений искусства, афиши, книги отзывов почитателей моих авторских выставок.

С этим солидным фондом моего искусства окр. библиотека может участвовать в проводимых мною творческих мероприятиях, популяризировать мое искусство, уважаемое народом, т.к. оно правдиво...» (орфография сохранена) [13, с. 20]. Так мы стали обладателями этой специфической коллекции, имеющей культурно-историческую ценность. Документы раскрывают «кухню» художника, многие зарисовки, карандашные наброски посвящены известным людям, являются эскизами будущих картин. Особая тема — блокноты с сатирическими рисунками, которые он сопровождал ироничными надписями в духе журнала «Крокодил». Как отмечают искусствоведы, «похоже, художник верил, что … посредством карикатуры можно бороться с недостатками» [11, с. 105].

Митрофан Алексеевич беспокоился за сохранность коллекции, но он не подозревал, что мы не только её сохранили, но даже издали альбом, который назвали «Путевой блокнот».

Это стало возможным благодаря финансовой помощи депутатов Думы Югры: Еремея Даниловича Айпина и Василия Александровича Филипенко. Нужно сказать, что оба депутата не раз поддерживали нашу издательскую деятельность. Это самый свежий пример благотворительности в Государственной библиотеке Югры. Альбом вышел в декабре 2022 года.

Издание знакомит читателей с коллекцией рисунков из фонда Государственной библиотеки Югры. Здесь содержится значительное количество зарисовок, сделанных в многочисленных поездках художника, основанных на повседневных наблюдениях.

Репродукции сопровождаются комментариями искусствоведа, которые помогают разобраться в творческих задачах мастера,

уяснить неповторимые черты его самобытного искусства, а также погрузиться в процессы сложной подготовительной работы.

Издание адресовано краеведам, историкам, искусствоведам и всем интересующимся проблемами культуры края.

Кроме этого, М.А. Тебетев подарил Государственной библиотеке Югры коллекцию книг. По количеству она небольшая, но интересная. Её основу составляют издания о живописи, графике, прикладном искусстве, скульптуре. На некоторых книгах автографы известных людей, например, поэтов Микуля Шульгина и Ювана Шесталова. В инскрипте последнего содержится призыв: «Дерзать! Дерзать» Хранить наше северное слово, искусство!» [9, слайд 16].

Библиотеке каждый год удается реализовывать серьезные издательские проекты, на которые в бюджете не выделяется финансирование, поэтому уверенно можно сказать, без благотворительности издания библиотеки были бы просто невозможны.

Государственная библиотека Югры как региональная осознаёт свою ответственность за сохранение и доступность культурного наследия региона и инициирует проект по публикации коллекций, имеющих культурно-историческую ценность. Это наиболее важно и актуально сейчас, когда принят Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Примечания

1. Белимов, И. Что писали ученые // Югра. — 1995. — № 4. — С. 3.

2. Белобородов, В.К. Библиотеки. Избы-читальни // Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике (1857-1944 гг.). / В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова. — Тюмень, 2000. — С. 292-294.

3. Белобородов, В.К. Штернберг Аарон Яковлевич // Ученые и краеведы Югры / В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова. — Тюмень, 1997. — С. 314-316.

4. Березовская хроника: [празднование годовщины со дня открытия Пушкинской общественной библиотеки] // Сибирский листок. — 1901. — 8 марта.

5. Волженина, С.Ю. 1930-40-е годы: история со многими неизвестными // Окружная библиотека: история о прошлом, рассказанная сегодня. — Томск, 2019. — 178 с.

6. Геннадий Иванович Бардин: ученый, метеоролог, почетный полярник: виртуальная выставка из цикла «Коллекции известных ученых в фондах Государственной библиотеки Югры // Государственная библиотека Югры: [сайт]. 15 слайдов. — URL: https://okrlib.ru/resursy/virtual-exhibitions/2218 (Дата обращения: 24.03.2023).

7. «Жертвуйте, все сочувствующие полезному начинанию!»: [из истории Березовской Пушкинской общественной библиотеки: подборка газетных публикаций 1900-1901 гг.] // Новости Югры. — 1999. — 20 мая. — С. 4.

8. Кеня, И.А. Благотворительность в России: традиции и современность // Человек и культура. — 2012. — № 1. — С. 258-275.

9. Кистью творца остановленный миг: виртуальная выставка // Государственная библиотека Югры: [сайт]. 19 слайдов. — URL: https://okrlib.ru/resursy/virtual-exhibitions/4604 (Дата обращения: 24.03.2023).

10. Кондакова, Л. История библиотечного дела Сургута и Сургутского района (1905-1970 гг.) // Сургутские библиотеки: 100 лет истории. — Тюмень, 2004. — 208 с.

11. Митрофан Алексеевич Тебетев: путевой блокнот. — Екатеринбург, 2022. — 120 с.

12. Просвещение и образование (1845-1930 гг.) // История Югры в документах изТомска (Государственный архив Томской области). — Томск, 2006. — 508 с.

13. Пуртова, Т.В. Сделавший себя художник: коллекция М. А. Тебетева в фонде Государственной библиотеки Югры // Библиотечное дело. — 2020. — № 2. — С. 19-20.

14. Путешествие во времени в центре Ханты-Мансийска: на территории Государственной библиотеки Югры открыто новое общественное пространство «Лента времени», созданное при поддержке «Газпромнефть-Хантоса» // Государственная библиотека Югры: [сайт]. — URL: https://okrlib.ru/news/5006 (Дата обращения: 23.03.2023)

О.Е. Новоселова

Музейный теневой театр как форма арт-терапевтической практики в социальной адаптации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья (из опыта Нижневартовского краеведческого музея)

Арт-терапия — одно из направлений психотерапии, где искусство используется как инструмент для помощи и решения различных психологических проблем. С помощью методов арт-терапии можно развить и раскрыть внутренние резервные силы души как взрослого человека, так и у ребенка, улучшить его эмоциональное состояние, повысить самооценку. Эти методики оказывают содействие в ориентировании ребенка с ограниченными возможностями здоровья при его общении с другими людьми.

В музейной практике методы арт-терапии применяются как средство психической гармонизации и развития личности человека. Сам акт творчества оказывает профилактическое и терапевтическое воздействие на его участников [1, С. 9]. Разрабатывая занятия для специальных категорий посетителей, сотрудники Нижневартовского краеведческого музея применяют элементы арт-терапевтических техник.

Так, с 2019 года Нижневартовский краеведческий музей стал экспериментальной площадкой по работе с обучающимися КУ ХМАО-Югры «Нижневартовская общеобразовательная санаторная школа», КОУ ХМАО-Югры «Нижневартовская школа для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья № 2», получателями социальных услуг БУ ХМАО-Югры «Нижневартовский многопрофильный реабилитационных центр для инвалидов», региональной общественной организации «Инклюзивно-творческий центр «САМиТ»», регионального отделения «Всероссийского общества слепых», проведя студийно-экскурсионные занятия, мастер-классы, квесты, воркшопы и др.

Совместно с педагогами, психологами указанных учреждений для проведения занятий выбраны фокус-группы:

- дети и подростки с нарушениями опорно-двигательного аппарата,
- дети и подростки с нарушениями зрения,
- дети и подростки с ментальными нарушениями, расстройствами аутистического спектра
- взрослые с ментальными нарушениями, расстройствами аутистического спектра;
- взрослые с нарушениями зрения.

Параллельно с творческими и образовательными целями в работе с такими категориями детей и подростков ставятся задачи развития у них коммуникативных навыков, побуждения к самостоятельности и активности. На мастер-классах, которые в обязательном порядке проходят после экскурсионной части музейного занятия, ребята учатся сотрудничать и взаимодействовать друг с другом, видеть своих сверстников в ином свете. Музей — новое социальное пространство, где ребенку легче проявить свои творческие возможности, представить их другим. В музее дети учатся видеть суть, а не поверхностную сторону вещей, ощущать мысли и чувства другого человека.

Одним из средств реализации творческого «Я» для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья на практической части студийно-экскурсионных занятий апробирован теневой театр. Теневой театр признан самым романтическим и загадочным видом театрального искусства, где соединяются элементы театральной постановки, графики и мультипликации. В процессе постановки творческой задачи дети и подростки с ограниченными возможностями здоровья получают силуэт, намек, символ. Ребенок может достроить визуальную картинку самостоятельно. Участвуя в теневых театрализованных играх, дети с ограниченными возможностями здоровья становятся участниками разных событий из жизни людей. Ребенок учиться замечать интересные идеи, воплощать их, создавать свой художественный образ персонажа. Из существующих различных видов теневого театра в музейной практике использовали пальцевый теневой театр, настольный теневой театр. Начинали с самого простого — пальцевого театра. Несмотря на простоту, у этого вида театра большие возможности для развития ручной ловко-

сти, согласованности движения кисти пальцев и рук, точности и выразительности движений и развития речи [2].

Интересным видом теневого театра для детей представляется настольный. Придерживаясь определенного алгоритма работы, адаптируется восприятие ребенка к своеобразию черно-белой гаммы, учит детей и подростов с ограниченными возможностями здоровья находить определенные комбинации силуэтов. Когда дети уже дети, овладев навыками узнавания, и преобразования силуэтов проводим их к работе над мини-спектаклями, в которых дети учатся принимать на себя роль, изучают простые элементы актерского мастерства.

После того, как дети овладели навыками движения без экрана и источника света, предлагаем детям игры и игровые упражнения на понимание взаимосвязи положения предмета от источника света (то есть — простые законы светотени). За экраном дети учатся видеть и регулировать тень предмета так, чтобы получить желаемую картинку или образ. Немаловажную роль играет восприятие детьми теневых картинок как со стороны актеров, так и со стороны зрителя.

Любое занятие проводится с соблюдением режима нагрузки, с учетом индивидуальных особенностей и состояния здоровья каждого участника, уровень знаний, умений детей, их интересы. Теневой театр предполагается как коллективная работа, что достаточно сложно для детей с расстройствами аутистического спектра. В подготовительной части ребята разрабатывают мини-сценарий опираясь на материал, услышанный во время экскурсии, студийных занятий, индивидуальных посещений музея. С помощью трафаретов рисуем и вырезаем бумажных героев и декорации. Как показала практика, детям с ограниченными возможностями здоровья очень нравятся персонажи, изготовленные своими руками.

Далее, совместно с детьми слушаем и выбираем музыку, под которую будет проходить театрализованная деятельность, определяем выразительные средства. Первоначально дети просто импровизируют. Позже, музыку или текст соединяем с движениями, выбираем формы, предметы, силуэты которых в дальнейшем транслируются в театральном представлении. Особую

значимость на репетиции играет работа над выразительностью речи и интонацией, так как дети находятся за ширмой. Передать эмоциональное состояние героя теневого спектакля очень трудно, поэтому в процессе работы над выразительностью используем русские скороговорки, игры и упражнения на развитие речевого дыхания. Разучивание поговорок, песенок позволило ребятам научиться соотносить движения персонажей со словами, которые он произносит. Детям трудно перевоплотиться, играть чувство другого персонажа — с данной проблемой столкнулись на репетициях. Зачастую ребенок с ограниченными возможностями здоровья в силу своих физических особенностей играет самого себя. Предлагаем ребенку вспомнить жизненный эпизод, когда ему было страшно, или весело, грустно.

Примерный план занятий (нагрузка на детей в процессе занятий варьируются в зависимости от степени нарушения здоровья, психоэмоционального состояния каждого участника).

Номер занятия	Тема занятия	Содержание занятия	Кол-во часов
1	Магическая история театра теней	История теневого театра: презентация	1
2	Волшебный мир теней	Знакомство с теневыми театром, основные принципы работы теневого театра.	1
3	Знакомство со сказками народов ханты в обработке Г. Слинкиной (Слинкина, Г. «Сказки земли Югорской»)	Разработка сценария интегрированного сценария на основе хантыйских сказок	1
4	Тени пальцами	Пальчиковая гимнастика	1

5	Давайте познакомимся	Проигрывание сказки. Основные понятия сказки: сказка, действующее лицо и пр.	1
6	Сказочный герой: кто ты?	Распределение ролей, обсуждение характеров героев сказки, заучивание слов (на данном этапе вводятся русские пословицы, поговорки, стишки для активизации речевых навыков ребенка с ОВЗ), особое внимание уделить эмоциональной интонации, ударение, пауза, темп речи ребенка с ОВЗ	2
7	Терпение и труд, все перетрут	Занятие сценическим движением, установка мизансцен, пластического и речевого поведения героев	1
8	Герой своими руками	Изготовление кукол, мини декораций	1
9	Репетиция по эпизодам	Работа с экраном, светом (учимся правильно выставлять свет), репетируем	3
10	Генеральная репетиция	Прогон спектакля	1
11	Выступление перед зрителями		1

Отметим, что создание мини-спектакля достаточно трудоемкий процесс для ребенка с ограниченными возможностями здоровья, требующий значительных эмоциональных, интеллекту-

альных усилий. Благодаря содействию педагогов, психологов, присутствующим на музейных занятиях, проводится дополнительная корректировка эмоционального фона ребенка, способствующая адаптации к музейному пространству и правильному восприятию пройденного материала.

Таким образом, теневой театр помогает ребенку обрести чувство успеха, удовлетворения, социальной значимости, обогащается эмоциональная сфера. Формируются уважительное отношение друг к другу, переносят опыт игры в повседневную деятельность.

Примечания

1. Дрезина, М.Г. Ребенок в пространстве музея: музейные занятия по арт-терапии. — Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2021. — 223 с.
2. Хисамова, Ю.А. Теневой театр забытая, но эффективная увлекательная работа с детьми. — URL: https://multiurok.ru/files/tenevoi-teatr-programma-dopolnitelnogo-obrazovanii.html (Дата обращения: 30.03.2023).

А.А. Филиппова, Л.О. Самоловова

Специфика изучения книжных памятников на языках малочисленных народов Западной Сибири фонда ГАУК ТОНБ

Книга — одно из великих достижений человечества. Она является неотъемлемой частью его истории и культуры. Как менялся мир вокруг нас, так и книга меняла свой облик, становясь из глиняной таблички бумажным блоком, а после — его цифровым современным аналогом. Книги были свидетелями исторических событий, их запрещали, прятали, нелегально издавали. Они помнят прикосновения рук всех своих владельцев, бережно хранят память и мысли читавших их людей. Возможность прикоснуться к минувшему через эти издания побуждает сотрудников библиотек изучать не только историю книгопечатания, но и историю бытования книг. Каждое книжное издание прошлых лет уникально.

Большую роль в сохранении книжной культуры играют библиотеки как учреждения, собирающие и осуществляющие хранение произведений печати и письменностидля общественного пользования. Фонды библиотек содержат не только печатные издания (книги, газеты, журналы), но и другие виды документов (электронные документы). Особое внимание читателей и сотрудников библиотеки привлекает специализированный фонд редких изданий. В него входят уникальные произведения печати — книжные памятники, рукописные и старопечатные издания, прижизненные издания писателей, историков.

Фонд редких книг и рукописей Тюменской областной научной библиотеки насчитывает чуть более 33 000 единиц хранения.

Языковая принадлежность:

- на русском языке — 97% (в том числе языки малочисленных народов России),
- на иностранных языках (немецкий, французский, английский, польский) — 3%.

Основа редкого фонда — книги из библиотек дореволюционной Тюмени (Библиотека приказчичьего клуба, Библиотека Народного дома, Городская публичная («Пушкинская» библиотека), а также из личных библиотек Петра Михайловича Головачева, Петра Алексеевича Городцова, купцов Ивана Ивановича Игнатова и Устина Саввича Курбатова, семьи Колокольниковых, докторов Станислава Иосифовича Карнацевича и Николая Николаевича Де-Карлино.

Издания, хранящиеся в фонде редких книг, были выделены из общего фонда книгохранения в 1985 году. В 2009-м, после реконструкции библиотеки, редкому фонду было предоставлено собственное помещение с уникальным оборудованием для сохранности таких изданий. В то же время были утверждены правила пользования редкими изданиями, положение о фонде редких книг и рукописей, инструкция по работе с редкими изданиями, хранящимися в фонде библиотеки. Главной строкой во всех нормативных документах прописано основное правило при работе с редкими изданиями — приоритет сохранности над общедоступностью.

В фонде насчитывается 14 книжных коллекций:

- коллекция книжных памятников;
- коллекция изданий до 1917 года;
- редкие краеведческие издания до 1945 года;
- книги, изданные в первые годы советской власти,
- редкие иностранные издания до 1945 года;
- редкие периодические издания до 1945 года;
- фонд малоформатных и миниатюрных изданий;
- коллекция книг с дарственными надписями и автографами;
- коллекция книг Дмитрия Ивановича Менделеева;
- коллекция медицинской библиотеки до 1945 года;
- коллекция книг, принадлежащих Юрию Григорьевичу Эрвье;
- коллекция книг, принадлежавших Георгию Прокопьевичу Пермякову;
- книги, изданные в годы Великой Отечественной войны;
- репринтные, факсимильные издания и книги искусства полиграфии.

Коллекция редких краеведческих изданий насчитывает чуть более тысячи единиц хранения. Среди них — книги с владельческими знаками купцов Ивана Васильевича Иконникова, Терентия Алексеевича Тимофеенкова, Михаила Ефимовича Дементьева, исследователя Севера Западной Сибири Александра Александровича Дунина-Горкавича, консерваторов Тобольского губернского музея Степана Николаевича Мамеева и Анатолия Александровича Терновского, смотрителя Ялуторовских училищ Николая Ивановича Палопеженцева, губернского агронома Николая Лукича Скалозубова и других.

Особое место в этой коллекции занимают книги на языках малых народов Западной Сибири — хантов, манси, ненцев. Это сказки, учебники и сборники рассказов, изданные в первые годы советской власти. Ранее книги принадлежали Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде (в настоящее время носящей имя Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге), о чем свидетельствуют штампы на титульных листах изданий.

Термин «малые народы Севера» был введен в 1920-е годы и распространен на этносы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока со сходным архаическим типом хозяйствования и быта: оленеводов, охотников и рыболовов, населяющие тундру и тайгу. Вовлечение этих народов в русскую культуру и языковая ассимиляция угрожали небольшим бесписьменным языкам полным исчезновением. Поэтому одной из важных составляющих языковой политики советского государства и современной России является поддержание, сохранение и развитие этих языков.

Вопрос создания письменности для народов Крайнего Севера имел актуальное значение на основании поставленной центральными органами народного образования задачи просвещения национальных меньшинств.

В 1919 году при Отделе просвещения национальных меньшинств Народного комиссариата просвещения РСФСР была организована редакционная коллегия для разработки алфавитов как первого этапа процесса становления письменности. Проходило множество учительских съездов, разрабатывалась орфография каждого из языков, утверждались алфавиты. В Москве, а

затем и в других городах, стали массово издавать национальные буквари, значительно расширилось издание периодики.

В 1923 году началось движение за латинизацию алфавитов народов СССР, а в 1936 году все латинизированные алфавиты перевели на кириллицу в связи с тем, что коренные народы не понимали латинский алфавит, а передача их специфических звуков латинской графикой была невозможна.

Хантыйский язык вместе с мансийскими венгерским составляет так называемую угорскую группу уральской языковой семьи [7].

Историю создания хантыйской письменности принято делить на три периода. Первый (XVIII век — 20-е годы XX века) характеризуется попытками сначала миссионеров и священников, затем ученых изобрести письменность на основе кириллицы. Ко второму (1922-1937) относят составление алфавита, букварей и словарей на базе латиницы. Третий (с 1937) — хантыйскую письменность разрабатывают, вновь опираясь на кириллицу. В 1930 году вышел букварь на обдорском диалекте (хантыйский язык), написанный преподавателем остяцкого языка Тобольского педагогического техникума Петром Ефимовичем Хатанзеевым, позже заслуженным учителем РСФСР. Это был первый букварь, созданный на основе нового унифицированного алфавита, специально разработанного для народов Севера [5]. К сожалению, в нашем фонде не сохранилось букваря, созданного Хатанзеевым. Второй этап развития хантыйской письменности характеризуется переориентацией на казымский диалект (полноватский говор) и неразрывно связан с именем немецкого ученого Вольфганга Штейница, который разрабатывал хантыйскую письменность на основе фонематического принципа — первоначально на базе латиницы [5]. В 1933 году был выпущен перевод первой части книги для чтения Петра Николаевича Жулева, а также перевод учебника арифметики Натальи Сергеевны Поповой, сказок Александра Сергеевича Пушкина, выполненные Петром Ефимовичем Хатанзеевым и Вольфгангом Штейницем. Первым кириллическим изданием стал «Справочник по орфографии хантыйского языка» (1937), дававший пояснения к новому алфавиту. Следом за ним начался выпуск учебников и другой учебной, ху-

дожественной и политической литературы. В 1938 году на русском алфавите был издан сначала букварь Зальцберг, а затем букварь Сухотиной. В 1939 году была напечатана первая книга для чтения.

Ближайшим родственником хантыйского языка является мансийский. Во второй половине 20-х годов XX века в Ленинграде был создан Институт народов Севера, финансируемый организацией Главсевморпуть, чьи ученые ставили перед собой задачу за короткий срок изучить языки коренного населения и создать письменность для обучения его грамоте. В ходе создания литературных языков для бесписьменных народов в 1920-х годах, после Октябрьской революции 1917 года, был разработан алфавит народов Севера — латиница со спецзнаками. На его базе в 1931 году была введена письменность на мансийском языке; разработку правил орфографии осуществил Валерий Николаевич Чернецов с опорой на фонетические нормы одного из северных диалектов, а именно сосьвинского. В эти же годы в крупных населенных пунктах открылись школы-интернаты для манси, куда начали собирать детей школьного возраста [7]. Письменность, созданная усилиями советских ученых, стала в итоге достоянием всех мансийцев. Супруга Чернецова — Ирина Яковлевна — переводила тексты российских классиков и советских писателей, используемые в книгах для чтения. За эталон брались лучшие учебники на русском языке для начальных классов. Таким образом, были переведены на мансийский язык учебники математики и задачники для начальных классов Натальи Поповой. Так же, как и хантыйский алфавит, мансийский был сначала разработан на основе латинской графики, а с 1937 года — на кириллице.

Ненецкая письменность за время своего существования тоже функционировала на разных графических основах и неоднократно реформировалась. С 1937 года и по настоящее время ненцы используют кириллицу. На протяжении своей истории они налаживали культурные и социальные контакты с манси, хантами, русскими, коми-пермяками, что не могло не повлиять на развитие, как их культуры, так и языка. Существует совсем небольшое количество работ, изданных на ненецком языке, еще

меньше — о нем. Первый букварь был издан только в 1932 году, первый русско-ненецкий словарь — в 1937-м. Данное изданиенаходится в фонде редких книг и рукописей Тюменской областной научной библиотеки имени Дмитрия Ивановича Менделеева.

В декабре 2020 года Министерством культуры Российской Федерации был принятприказ «Об утверждении Положения о реестре книжных памятников», в соответствии с которым 64 книги на языках малочисленных народов России из фонда редких книг и рукописей Тюменской областной научной библиотеки были признаны книжными памятниками и внесены в соответствующий реестр.

Для более полного изучения издания были выделены из фонда вовременную коллекцию. На начальном этапе исследования сотрудники определяли, к какому периоду развития письменности языков малочисленных народов относится книга. На каждый экземпляр в отдельности членами совета по работе с книжными памятниками Тюменской областной научной библиотеки составлялисьэкспертные заключения, подтверждавшие уникальность изданий. Следующий этап работы предусматривал приведение в соответствие записей электронного каталога, то есть было необходимо отразить названия и фамилии авторов с применением оригинальной орфографии. Затем издания были внесены в реестр книжных памятников Российской Федерации. На данный момент четыреиз них (на остальные распространяется закон об авторском праве) оцифрованы и переданы в Национальную электронную библиотеку.

Наибольший интерес из книжных памятников, имеющихся в фонде редких книг и рукописей Тюменской областной научной библиотеки, представляют сказки.

Хантыйские сказки записывали финские и венгерские ученые еще в XIX веке, из записей XX столетия составлена хантыйская часть объемного тома «Мифы, предания и сказки хантов и манси», вышедшего в Москве в 1990 году в серии «Сказки и мифы народов Востока» издательства «Наука» [1].

Именно устное творчество манси и хантовслужит чрезвычайно важным источником познания духовной культуры этих наро-

дов. Взрослые увлеченно рассказывали сказки детям, а те любили их слушать, запоминали легко и быстро, чтобы пересказывать друг другу зимними вечерами. Язык этих сказок ребенку всегда понятен, описываемый в них окружающий мир — правдив. Дети должны были познавать суровую жизнь такой, как она есть. В этих сказках главными героями выступают животные и растения. Все звери, явления природы, предметы и стихии говорят как люди, они умны. Сказки поучительны: не будь ленив; учись жить на примере людей и зверей, окружающей природы — они твои враги, если ты глуп, и твои друзья, если ты умен и правдив. Одни из самых популярных историй, отраженных в книжных изданиях, это «Сказка про зайчишку» (1934), «Сказка про мышонка, путешествовавшего в скорлупке» (1937). Так же уникальны издания на языках коренных народов Севера, посвященные истории России: биография В.И. Ленина, рассказы о русском революционере и советском политическом деятеле С. М. Кирове, речь И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей в Москве в 1937 году и так далее. На примере вышеназванных книг видим, что в СССР не только пытались перевести сказки, но и рассказывали о жизни за пределами тундры, тайги, стойбища.

Большинство малых языков, на которых говорят на территории России, имеют достаточно короткую письменную историю. За недолгое время существования письменностей на этих языках в России происходили важные социальные изменения, повлиявшие на то, насколько успешно прижились те или иные системы письма, определившие их роль в языковых сообществах, вызвавшие в определенных случаях изменения в структуре устного языка [9].

Наша цель как сотрудников фонда редких книг и рукописей Тюменской областной научной библиотекисохранить историю языков и письменности малочисленных народов Западной Сибири. Первые печатные издания на языках народов России внесены в реестр книжных памятников, соответственно, они находятся на особом учете государства. Те из изданий, которые не охраняются авторским правом, переданы в Национальную электронную библиотеку. Таким образом, книги, недоступные чита-

телю в «физическом» виде, можно просмотреть в электронной версии на сайте Национальной электронной библиотеки.

Примечания

1. Бурыкин, А.А. Хантыйские сказки и фольклор урало-алтайских народов. — Тюмень, 2017. — 416 с.

2. Головнев, А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А.В. Головнев; отв. ред. С.А. Арутюнов. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 606 с.

3. Диалектологический словарь хантыйского языка: (шурышкарский и приуральский диалекты): около 3600 слов / С.И. Вальгамова, Н.Б. Кошкарева [и др.]; под общ. ред. Н.Б. Кошкаревой; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. — Екатеринбург: Баско, 2011. — 207, [1] с.

4. Издания на языках народов ханты и манси: (1879-2006): библиограф. указ. / Государственная библиотека Югры, Отдел краеведческой литературы и библиографии; [сост.: С.Ю. Волженина, Г.Я. Фетисова]. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. — 73, [1] с.

5. Кошкарева, Н.Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. — 2013. — № 3 (14). — С. 54.

6. Путешественники-исследователи Тобольского Севера: биобиблиограф. указ. / Ханты-Мансийская окружная библиотека; сост. И. Шевелева. — Ханты-Мансийск: [б.и.], 1993. — 18 с.

7. Ромбандеева, Е.И. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование: [монография] / Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск). — Тюмень: ФОРМАТ, 2017. — 317 с.

8. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду; пер. с венгерского языка Е.А. Хелимского; под ред. К.Е. Майтинской; предисл. Б.А. Серебренникова. — Москва: Прогресс, 1985. — 429, [1] с.

9. Языки малочисленных народов России: устное VS. письменное // Тезисы докладов международной научной конференции. — Санкт-Петербург: Российская Академия Наук лингвистических исследований, 2017. — 68с.

V. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

В.Л. Михайловский

Чёрная собака
(сказка)

1

Много лет на этом месте люди живут. На берегу многорыбной реки построили себе тёплые избушки из сосны срубленные прямоствольной. Есть уже такие, что потемнели от времени, а есть и совсем новые. Люди, как и избушки, тоже разные жили: и добрые с душой светлой, как береста в ясный день, и такие, что слова доброго не дождёшься, не то, чтобы помощи какой. О таких говорили: с душой тёмной — вОрона крыло, человек. И дожившие до седин старухи и старики, и молодые тоже жили, и до сих пор живут.

Прибилась в стойбище Чёрная собака, без единого светлого пятнышка. Такая чёрная, что с ночью сливается, чернее углей, болотного ила чернее. Ходит-бродит вокруг стойбища, зверей-птиц пугает, оленей пугает, на людей такую жуть наводит, что в лес боятся ступить. Хотели уже застрелить, но один человек одинокий по имени Ерёма, добрым сердцем обладающий, упросил людей не стрелять. Взял её себе добрый человек Ерёма.

«Нельзя», — говорят ему, — «Чёрную собаку держать, чтоб без единого светлого пятнышка». А почему, и сами не знают. Только старый-старый, до седи доживший старик рассказал, что когда он был маленький, то слышал от стариков на снег похожих, что и сам человек наполовину может в собаку, в зверя превратиться, если Чёрную собаку себе возьмёт такую, чтобы без единого светлого пятнышка. Говорит, сначала у собаки светлые пятна будут появляться, а у человека когти начнут расти грубые звериные, и шерстью начнёт покрываться. Чем больше светлых пятен у Чёрной собаки появится, тем зверинее облик будет обретать человек. Не послушал Ерёма старика, привадил собаку.

Прижилась Чёрная собака у Ерёмы. Уже и соседи обвыклись, перестали пугаться. Даже дети стали безбоязно подходить к ней, а она оказалась ласковой и беззлобной. А ещё заметил Ерёма,

что все премудрости охоты собаке знакомы: на пушнину идёт, крупного зверя не боится.

Месяц маленького снега наступил, ушёл Ерёма на охоту в дальний чум, поставленный под Белой горой у богатого дичью урмана. Чёрную собаку с собой взял. Снова стали его отговаривать: не бери, мол, с собой чёрную собаку, как бы чего плохого не вышло. Жалко Ерёму, человек он молодой добрый жениться пора, а он так рискует. Кто его возьмёт потом, если так вот случится, что станет он звериный облик обретать. Не послушал никого.

Живёт в урмане, в чуме под Белой горой поставленном ещё дедом его. День живёт, два, три. Охотником Ерёма был добычливым. Сама дичь в руки идёт, сами пушные зверьки в слопцы-ловушки лезут. Собака чёрная свою работу знает: соболей по следу преследует, ни разу не собьётся, птицу на сосну посадит, та как привязанная сидит, ждёт, когда охотник подойдёт. Лося так прижмёт, что деваться ему некуда, только стреляй. Чёрного зверя, красного зверя много добыл. Радуется Ерёма, что хорошую собачку прижил, а что чёрная, без единого светлого пятнышка, так он уже и замечать не стал.

Уже неделя прошла, другая, третья потянулась. Стал примечать Ерёма, что светлое пятно на лбу появилось, потом вокруг глаз Чёрной собаки, а руки его вроде, как грубее стали и ногти тоже огрубели, чернота какая-то наметилась. Светлые пятна вокруг глаз всё больше и больше становятся, а руки всё грубее. Взялся Ерёма за лицо рукой и ощутил холодного ветерка дуновение в груди, будто колотушкой кто по голове ударил: ладони даже огрубевшие почувствовали волосы густые на лице. Раньше такой густой и жёсткой щетины он не ощущал. Вспомнились слова старика, убелённого сединами. Испугался Ерёма. Но тут подошла Чёрная собака, лизнула ему руку мягким, тёплым языком, и забылась тревога.

Вскоре голова Чёрной собаки и вовсе белой стала. У Ерёмы же выросли длинные когти, прямо, как у собаки, лицо всё покрылось густой шерстью. Зеркала в чуме нет, себя не видит, не возьмёт в толк, насколько страшен его облик. Ну и привык вроде

как Ерёма к этой перемене внешности; и к голосу огрубевшему, больше похожему на звериный рык, тоже.

Привык, то привык, но нет-нет, да и сожмёт сердце тоска-грусть. Как, думает, примут его в селении в таком обличье?

2

А в той стороне, где всходит солнце, откуда свет нарождается, за гривами беломожными, за болотами морошковыми стоял чум большой человека оленного, человека хозяйственного, трудолюбивого. А было у него семеро сыновей и одна дочь младшенькая. И выросла она красавицей писаной. Любил её отец, любила её мать может и больше, чем сыновей. Ну, так бывает, когда к младшеньким больше внимание обращается.

Ещё кедры, поросшие седым мхом, не видели такой красоты, ещё вода-серебро реки много рыбной не омывала такой красоты, ещё солнце и луна не видали такой красивой женщины. Вот какой была младшая сестра семи братьев, живущих в светлом бору в месте слияния Агана и Тром-Агана — реки самого Торума.

Обижали братья младшую сестричку: то за косу дёрнут, то бусы на пол рассыплют, а она потом собирает по одной бусинке весь день, а то и вовсе любимую куклу сожгут. А когда старше стала, ещё больше братья стали издеваться над сестрой. Им было завидно, что все только и замечали их красавицу сестру, а на них никакого внимания не обращали. Звали младшую сестру Айнэ — маленькая женщина.

Не выдержала Айнэ обид, причиняемых братьями, и ушла из дому. По борам бродила, по урманам тёмным плутала, куда идёт и сама не знает, но лучше сгинуть в лесу, лучше мэнкам в руки попасть, чем с такими братьями жить. Так думала красавица, плутая в лесах, перескакивая с кочки на кочку, когда приходилось преодолевать кочкарник. Совсем выбилась из сил. День идёт, два, три. На седьмой день увидела — чум стоит под горой, дым поднимается столбом. Значит, есть кто-то живой. Остановилась невдалеке Айнэ в нерешительности: и на улице уже страшно оставаться и в чум войти страшно.

Преодолела страх, подошла к чуму. Смотрит, собака сидит у входа вся чёрная, только голова белая, а глаза синие, небом отсвечивают. Такие бы глаза любую девушку украсили, подумала девушка, но собаки не испугалась. Она же видит, что собака хвостом вильнула, значит, не собирается нападать. Подошла, собака руку Айнэ лизнула. Удивилась красавица, сердце её холодный ветерок вытолкнуло, тепло на сердце стало. Не знала она только того, что человек, в чуме живущий посмотрел в щелку, увидел красавицу. Как же я своё лицо открою ей, испугался он.

Открывает чум, входит. А там человек сидит спиной к двери, голову косматую опустил, а плечи вздрагивают. Плачет, что ли, подумала Айнэ. Какая печаль вошла в этот чум? — думает.

— Здравствуй, добрый человек! — сказала приветливо Айнэ.

— Здравствуй! — рыкнул человек страшным голосом. Но не испугалась Айнэ: голос хоть и страшный, рычащий, но сказано было от души, с добрым намерением, она сразу это почувствовала.

— А почему прячешь своё лицо? — спросила Айнэ. И тут плечи человека вздрогнули ещё сильнее.

— Нельзя мне лицо людям показывать, испугать могу, — прорычал голос.

Почему-то пришла на ум Айнэ собака чёрная с белой головой и такими красивыми глазами.

— А ты повернись, — попросила Айнэ, — может, я и не испугаюсь, — сказала она твёрдо, будто готовилась к испытанию.

И Ерёма повернулся. Вздрогнула Айнэ, но не выскочила из чума, не закричала, сумела унять потрясение. Заметил Ерёма её испуг и то, что не сробела, тоже заметил. И снова на ум девушке пришла Чёрная собака с белой головой. А ещё вспомнила Айнэ, как дедушка рассказывал ей сказку о Чёрной собаке. Она тогда совсем маленькой была. И вспомнила, что расколдовать такого человека может только девушка, полюбившая такого человека с головой звериной. И она уже знала, что нужно делать для спасения. Она подошла покорно и поцеловала Ерёму.

Встряхнуло его неведомой силой, сердце теплом налилось, посмотрел на руки, а там и следа от собачьих когтей не осталось. Взялся руками за лицо, а там шерсти никакой нет.

Обрадовался он, и сердце Айнэ тоже радостью наполнилось. Ерёма-то собой хорош был. Любая женщина такого молодца хотела бы в мужья взять.

Чаю попили с вареньем морошковым, супом наваристым накормил Ерёма пришедшую в его чум женщину. Удивляется Айнэ: одинокий мужчина, а такой порядок в чуме: всё на своём месте, мясо есть, рыба наловлена, шкур зверя чёрного и красного много висит. Ерёма тоже присматривается к красавице: чаю сначала ему налила, вперёд его за еду не хватается, хоть и голодная; голос приветливый, руки нежные, лицо солнечным светом отливает золотым, глаза — озёра синие бездонные. Поговорили, узнали друг о друге. Что тут говорить, сердце красавицы оттаяло, будто лучик солнечный щекотнул. Ерёма тоже нежное дуновение южного ветерка ощутил.

Но погрустнел вдруг Ерёма. Не в чуме жить достойна такая красавица, столько натерпевшаяся от своих братьев. А он только этот чум старый, да избушку маленькую может ей предложить.

— О чём задумался, Ерёма? — спрашивает Айнэ, заметив, как смолк мужчина, сердце её тронувший.

— Милая моя любимая женщина, — говорит грустно Ерёма, — я хочу, чтобы ты стала моей женой. Но я человек бедный, тяжело тебе придётся: ни оленей, ни другого добра у меня нет.

— Я согласна быть тебе женой, — отвечает она, — а ты не горюй, у меня приданое есть — целое стадо оленей. Мне отец его обещал, когда замуж выйду. Только пасутся они далеко за урманом, за Святой Горой в светлом бору.

Заметила Айнэ, как Чёрная собака с белой головой уши навострила.

— Он будто речь понимает, — удивляется Айнэ.

— Так я с ней вечерами долгими разговариваю, наверное, речь человеческую выучила.

Чёрная собака кивнула головой, мол, конечно понимаю.

— Как же нам стадо оленей пригнать? — думает вслух Айнэ.

— Не знаю, — говорит Ерёма, — очень далеко святая гора. Трудно будет стадо удержать, разбегутся олени.

— Как же быть? — сокрушается Айнэ.

— Что-нибудь придумаем, — отвечает Ерёма, и сам же себе не верит. Что тут придумаешь, уж очень далеко то место, где стадо оленей пасётся.

Отдохнула Айнэ, выспалась после долгих скитаний по лесам, сил набралась, просыпается утром. Ерёма грустный сидит.

— Что грустишь, Ерёма? — спрашивает заботливаяАйнэ.

— Собака пропала.

Тут и Айнэ встревожилась. Вышли на улицу, стали на лыжи, обошли вокруг чума — нет собаки, обошли урман — нет собаки, бор обошли — не нашли собаку, и следов нет: ночью снег выпал, всё засыпало. Кричали, кричали — не пришла Чёрная собака с белой головой. День нет собаки, два, три. На седьмой день вышел на улицу Ерёма. Какой-то шум ему приблазнился. Сказал об этом Айнэ. Вышла Айнэ, приложила ухо к земле.

— Многих оленей звук топота копыт доносится, — говорит она.

Вышли за урман на открытое место такое: в три стороны далеко видно, только за спиной со стороны заходящего солнца лес густой. Облако снежной пыли далеко видно, и приближается оно.

— Что за чудо такое? — удивляется Ерёма. Но не только удивление, но и тревога закралась.

— Иди в чум, — говорит он жене, — а я встречу то, что надвигается на нас.

— Я с тобой, — решительно сказала Айнэ, — я же жена твоя, вместе всё делать будем.

Что тут скажешь. Насторожил ружье Ерёма. Спрятались за густыми елями скраю урмана. Ждут. А как ближе снежное облако подкатилось, увидели, что это стадо оленей большое мчится, а гонит оленей Чёрная собака с белой головой. Поравнялось стадо с Айнэ и Ерёмой, остановилось, зашевелились густые кусты рогов оленьих, заклубился пар, вырывающийся из ноздрей оленьих. Подбежала к хозяевам Чёрная собака и упала обессилевшая.

Занесли собаку в чум, уложили на шкуру оленью, теплым наваристым супом накормили. Суп Ерёма в свою миску налил, собаке поставил под самуюморду. Совсем ослабела собака, даже

встать на ноги не может. Лёжа похлебала, мяса варёного отведала.

— А собака-то у меня совсем не чёрная, — сказал Ерёма, — смотри — шея, загривок и передние ноги совсем белыми стали.

— Да, — говорит Айнэ, — прямо чудо.

А сама сказку, дедом рассказанную вспоминает. Но там про-это ничего не сказано. Продолжения она не знает. Сказка на том заканчивалась, как привычное обличье человеку, приютившему Чёрную собаку, вернулось.

3

Просыпаются утром Айнэ и Ерёма, а в чуме огонь горит, чай уже тонким свистом возвещает, что скоро закипит. У огня юноша сидит, палочкой огонь трогает. Удивились хозяева. Смотрят, а на оленьей шкуре собаки-то нет. Удивляются. Поняли, что это собака в юношу превратилась.

— Да, вы правильно догадались, — подтвердил юноша. Меня Чёрный шаман, что на многоводной реке семью с темноводными омутами живёт, заколдовал за то, что полюбил дочь его. А я из семьи бедной. Не хотел он видеть меня зятем своим. Вот и превратил в Чёрную собаку. Он же знал, что никто такую собаку не приветит. Но вот нашлась добрая душа, — он благодарно посмотрел на Ерёму, — меня Ефремом зовут. Расколдоваться могтолько в том случае, если покормит хозяин из своей посуды.

— Мы рады такому превращению, это чудо, насланное нам богами, мы имеем, — сказала весело Айнэ, и благодарно одарила светлой улыбкой мужа, что не побрезговал покормить Чёрную собаку из своей миски.

— Мы очень рады. А невесту свою ты найдёшь, раз любишь.

— Люблю, — говорит Ефрем, — и она меня любит. Наверное, глаза выплакала, ночи не спит, днём солнца не видит. Пойду к своей Самнэ, к женщине своей сердечной.

— У тебя руки, не окрепшие ещё, у тебя ноги, не окрепшие ещё. Поживи у нас, сил наберись, тогда и пойдёшь, — уговаривает Ерёма.

Стал собираться Ефрем в дорогу. Пока нарту мужчины делали, Айнэ малицу тёплую сшила для Ефрема, кисы. Запрягли лучших оленей, умчался Ефрем. Прямой линией оленьими копытами, прорезающими снежные заносы, потянулся след за спину дальнего леса в сторону солнечную. Со свистом южного ветра со свистом северного ветра понесли олени Ефрема навстречу своему счастью.

А Ерёма с Айнэ вернулись в стойбище. Люди приняли Айнэ благосклонно, она поладила с соседями. В рассказанную историю превращения Чёрной собаки в юношу кто-то поверил, кто-то нет.

Но всё равно, до сих пор ходит поверье среди народа ханты, что нельзя держать дома собаку чёрную, чтобы не было ни единого светлого пятнышка.

Стойбище на Ягур-Яхе — Нижневартовск,
апрель 2020

VI. ПОРТРЕТЫ ЗЕМЛЯКОВ

Т.Г. Думенко

Подвиг воина и учителя Резуненко Александра Тимофеевича

Много замечательных талантливых учителей патриотов знает образовательная система города Нижневартовска. Многославных имён заслуживают особой благодарности за самозабвенное служение профессии, обучение и воспитание школьников, детей нефтяников, буровиков, строителей, детей покорителей Самотлора.

В первые, самые трудные десятилетия становления города, приехавшие учителя заложили мощную систему будущего образования, которая родилась из опыта разных педагогических школ страны. Яркая путеводная звезда в учительском коллективе Нижневартовска 60-80 годов — Резуненко Александр Тимофеевич — человек несгибаемой воли, ветеран ВОВ и ветеран труда; талантливый педагог, награждённый за многолетний труд Министерством просвещения РСФСР знаком «Отличник народного Просвещения».

Александр Резуненко родился в 1926 году в хуторе Логвинов Валковского района Харьковской области. Он был старшим ребёнком в семье Тимофея Артемьевича Резуненко, ушедшего на фронт ВОВ и пропавшего без вести в 1941 году. Скрыв настоящий год своего рождения, семиклассник Александр подал заявление и вступил в ряды ВЛКСМ — комсомольцев записывали в истребительный батальон. Мальчишка рвался на фронт. Он закончил краткосрочные курсы, привлекался к разведывательным операциям, попал в плен и чудом, благодаря своей смекалке и отчаянности, смог сбежать. [8, с. 13]

С 1943 года Резуненко Александр служил в 524 стрелковом полку 112 стрелковой дивизии, в конце апреля 1945 года в сражении под Бреслау (тогда территория Германии, после ВОВ — Польши) получил тяжёлое ранение. Предстояло долгое лечение в госпиталях [8, с. 134], [1].

Спустя годы по запросу родственниковв архив Министерства Обороны были найдены документы о представлении Резуненко Александра Тимофеевича к Ордену Мужества и званию Героя Советского Союза. Послевоенная неразбериха и длительное лечение бойца на территории Польши не позволили найти его и вручить заслуженные награды. В 1946 году Александр Резуненко вернулся домой с медалью «За отвагу». В начале 80-х годов ветеран был награждён Орденом Отечественной войны 1 степени [2].

Тяжёлое ранение в левую руку предопределило выбор профессии. Об этом он напишет в своей книге «41-й год и после. Из детства на войну» [8, с. 151], рассказав молодому поколению о событиях фронтовых лет и послевоенном времени. «Желание учиться, стремление к знаниям и даже настырность помогли и помогают мне, а сколько детей военного времени остались без образования и специальности, получили воспитание в колониях и тюрьмах!» — напишет в своей книге, адресованной молодёжи, Александр Тимофеевич. «Да, здоровье было плохим, физическое и психическое состояние нуждалось в восстановлении. Надежда на медицину была очень слабой, и мне пришлось приоритетным образом самостоятельно решать эти вопросы. Я сам разработал комплекс мер на длительный срок и неуклонно его пополнял» [8, с. 179].

Резуненко Александр Тимофеевич поступил в педагогическое училище, работал. Закончил Майкопский учительский институт и Армавирский педагогический институт [3].

Лучшие годы педагогической жизни талантливый учитель математики, учитель-методист посвятил развитию образования Нижневартовска. В северный рабочий посёлок Александр Тимофеевич приехал в 1968 году с женой Резуненко Надеждой Захаровной, учителем русского языка и литературы, и тремя дочками. Учителя с блестящим педагогическим образованием, с ба-

гажом знаний по педагогике и психологии, с опытом работы в интернате с осуждёнными подростками, назначили заместителем директора восьмилетней школы рабочего посёлка. Семью поселили в квартиру деревянного «учительского дома», где вместе с другими коллегами чета Резуненко не сломилась перед трудностями тяжёлого быта.

Резуненко А.Т., учитель-новатор, щедро делился своим методическим опытом с коллегами, активно развивал зарождающуюся педагогическую систему. Согласно приказу ГОРОНО № 128 от 16 августа 1968 года, Александр Тимофеевич с 1968 по 1971 год работал учителем математики и заместителем директора по учебной части восьмилетней школы (имевшей ранее № 2, а позднее — № 3). Со дня открытия, с 1971 по 1979 год — заместителем директора школы № 4 [10, Приказ ГОРОНО № 125 от 27.08.1971].

Учебный кабинет математики Александра Тимофеевича, оборудованный самыми современными средствами обучения тех лет, всегда был образцовым, лучшим в Ханты-Мансийском округе.

Резуненко Александр Тимофеевич использовал все возможные средства повышения педагогической грамотности школьников и их родителей, всего Нижневартовска и района. Его статьи в разные годы публиковались местной газете «Ленинское знамя»: «За глубокие знания» [4], «Школьная сказка» [5], «О воспитании сознательной дисциплины у школьников» [6], «НОТ в наши школы» [7], «Говорит школьный радиоузел» [8] и другие.

«Рациональное использование времени, ежедневно не просто дело, не текучка, а дело на развитие, хоть малое, но развитие на перспективу помогало мне оставлять время для главного. Мне удалось правильно расставить жизненные приоритеты» — напишет учитель в своих воспоминаниях [9, с. 179].

В 1973 году Резуненко А.Т. была объявлена благодарность Ханты-Мансийского ОкрОНО за большую работу, проведённую в период проверки в школах города Урая [10]. В 1976 и 1978 годах учитель получил Почётные грамоты ОблОНО за организацию и проведение методических семинаров, в 1982 году — Почётную грамоту за участие в семинаре «Создание системы работы МУПК» [10]. Благодаря тесному сотрудничеству с шефами, крупными организациями города, усилиями Резуненко А.Т. в городе Нижневартовске был открыт межшкольный учебно-производственный комбинат (УПК) для старшеклассников, который долгие годы считался лучшим в Тюменской области. На базе мастерских УПК старшеклассники получали азы предпрофильного образования по нескольким направлениям. Сам Резуненко считал УПК своим «родным детищем», он вложил в него много сил и стремлений. Согласно приказу ГОРОНО № 45 от 1.09.1979 Резуненко был директором межшкольного УПК. В 1976 году Александру Тимофеевичу Резуненко присвоено звание «Отличник народного просвещения» [11].

Согласно записям в трудовой книжке Резуненко А.Т. 17 лет проработал в Нижневартовске и уволился с должности в связи с инвалидностью. После ранения он работал только одной рукой [2].

Спустя годы, обращаясь к молодому поколению, Александр Тимофеевич напишет: «Я призываю жить так, чтобы вас тоже не оставили радости жизни, пусть это будет итогом дел, которые вы совершаете. Да поможет вам и мой опыт...» [9, с. 182].

Жизненный подвиг Резуненко А.Т. — ветерана войны и ветерана педагогического труда — заслуживает общественного внимания жителей нашего города и увековечивания памяти о нём наряду с именами лучших героев-первопроходцев.

Примечания

1. Бессмертный полк. Резуненко Александр Тимофеевич. Moypolk.ru. Адрес организаторов проекта: 634012 г. Томск, ул. Елизаровых, 53/2.
2. Воспоминания Шебуниной (Резуненко) Елены Александровны, дочери Резуненко А.Т.
3. Диплом № 405110 Армавирского педагогического института.
4. Резуненко, А.Т. За глубокие знания // Ленинское знамя. — 1969. — 4 янв.
5. Резуненко, А.Т. Школьная сказка //Ленинское знамя. — 1969. — 29 марта.
6. Резуненко, А.Т. О воспитании сознательной дисциплины у школьников // Ленинское знамя. — 1969. — 17 апр.
7. Резуненко, А.Т. НОТ — в наши школы // Ленинское знамя. — 1970. — 17 янв.
8. Резуненко, А.Т. Говорит школьный радиоузел // Ленинское знамя. 1970. — 5 февр.
9. Резуненко, А.Т. 41-год и после (из детства на войну). — Москва, Издательский дом НП, 2001. — 184 с.
10. Трудовая книжка Резуненко Александра Тимофеевича.
11. Удостоверение № 185680 к награде «Отличник народного просвещения».
12. Фотография из фондов МБУ «Нижневартовский краеведческий музей имени Тимофея Дмитриевича Шуваева».
13. Фотография из семейного альбома Резуненко Анатолия Тимофеевича (брата Резуненко А.Т.).

С.В. Еремин

Подвиг твой бессмертен, солдат! (1941-1945 гг.): «говорящая» Книга памяти Нижневартовского государственного университета

Я не видал родных дедов,
И видеть мог едва ли:
Все до рождения моего
Они поумирали.
Но я не обделён судьбой,
Я всё равно счастливый.
Был рядом дед, пусть не родной,
Но горячо любимый.

Игорь Растеряев «Дед Агван»

В жизни каждого поисковика, наверняка, был свой дед Агван. И неважно, какой он был национальности и вероисповедания. Важно, что он был со своими скупыми рассказами о войне. Через эти рассказы, не сразу, а много лет спустя к нам приходило понимание того, в каком неоплатном долгу все мы перед нашими фронтовиками, вернувшимися с войны и не вернувшимися.

У меня тоже был не родной, но «горячо любимый дед», гвардии майор в отставке Пётр Алексеевич Арышев. 26 июня 2022 г. он ушёл из жизни.

Арышев Петр Алексеевич (1925-2022)

Пётр Алексеевич родился 23 февраля 1925 года в селе Арышево Кемеровской области. Ему было 16 лет, когда началась война. Из семьи на фронт отправились два брата и отец. Домой никто из них не вернулся. В январе 1943 года пришла очередь Петра. Он попал в 89 гвардейскую Краснознамённую стрелковую Белгородско-Харьковскую дивизию, 270 гвардейский стрелковый полк, батарею 45-миллиметровых противотанковых пу-

шек. «Бойцы называли их «Прощай, Родина!» И это не случайно, ведь чтобы подбить противника, надо было подпустить его на максимально близкое расстояние. А орудийный щит был небольшим, плохо защищал даже от пуль и осколков снарядов. Многие солдаты именно по этой причине погибали», — рассказывал ветеран.

Дивизия, в которой воевал Пётр Арышев, освобождала Белгород, Харьков, Полтаву, Кременчуг. В одном из боёв он получил ранение. Сначала лечился в госпитале, затем отправился в военное училище, где и встретил День Победы.

«Особых столов, тогда не накрывали. А вот песни, в том числе и знаменитую «Катюшу», пели много и очень громко», — вспоминал Пётр Алексеевич.

За свои ратные подвиги П.А. Арышев был награждён Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью Жукова и юбилейными наградами.

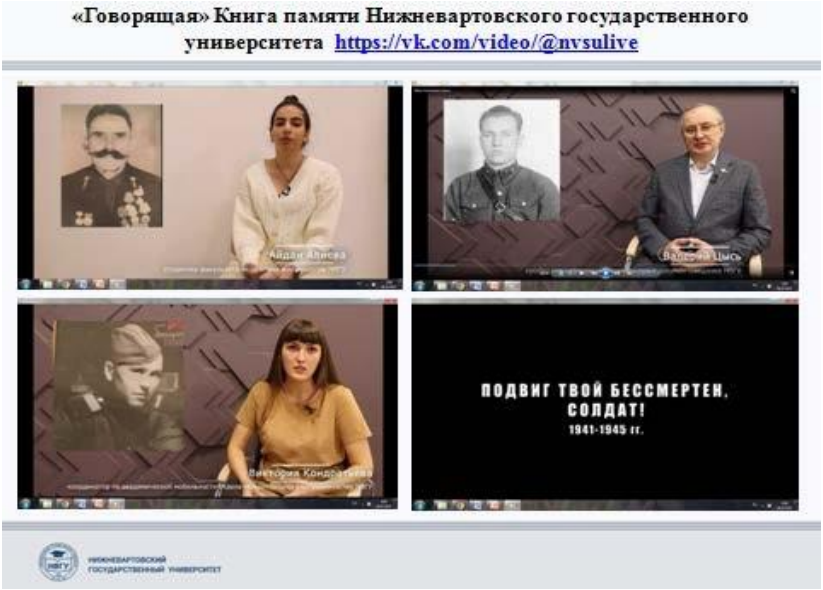
После войны он продолжил службу кадровым офицером. Уволился в запас в 1968 году, переехал с семьёй на Алтай и ещё 17 лет работал в школе военруком. С 2008 года Пётр Алексеевич проживал в Нижневартовске, был активистом и почётным членом городского Совета ветеранов войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов.

Всего в 2022 году из шести участников Великой Отечественной войны, проживающих в Нижневартовске, не стало четверых. Возможно, в следующем году в нашем городе не останется ни одного участника той войны. Поэтому проблема сохраненияи увековечения памяти о наших дедах, отстоявших ценой огромных потерь независимость нашей страны от нацизма, в современной международной обстановке актуальна.

Внимание к ней на разных уровнях власти, с помощью разнообразных форм и методов, в том числе исследовательских и педагогических, должны привлекать не поисковики, а именно мы с вами, «докумекавшие» значение ратного и трудового подвига наших предков. По моему глубокому убеждению, увековечение памяти о них является длительным процессом, прежде всего, на ментальном уровне и в тесном взаимодействии с подрастающим

поколением. В нашем округе такая работа активно ведётся как Ханты-Мансийским региональным отделением Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», так и в процессе работы по патриотическому воспитанию молодёжи в учебных заведениях Югры.

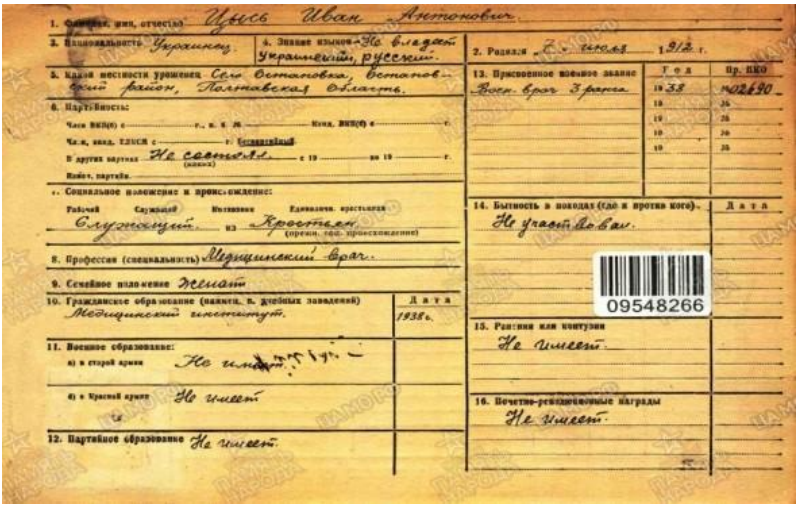
Одним из таких проектов стала «говорящая» Книга памяти студентов и сотрудников Нижневартовского государственного университета. Данный проект был приурочен к 77-годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне и стал своеобразным творческим осмыслением международной патриотической акции «Бессмертный полк». В его основе видеозаписи рассказов преподавателей, сотрудников и студентов нашего университета о своих родственниках, участниках Великой Отечественной войны, оформленные в новаторском предметно-экспозиционном формате «говорящей» Книги Памяти. В Книге поднят пласт источниковедческих, военно-исторических и морально-этических проблем, заявленных в рамках одного из сравнительно молодых научных направлений — так называемой «устной истории».



Работа над «говорящей» книгой проходила в несколько этапов. На первом этапе, в марте — апреле 2022 г., мы искали среди студентов и сотрудников университета — респондентов, готовых поделиться своей семейной историей о ветеране. Затем информация уточнялась, сверялась на предмет соответствия историческим фактам. Далее наши сотрудники отдела по связям с общественностью записывали короткие ролики с рассказами наших студентов и преподавателей о родственниках-фронтовиках. В настоящее время записано несколько видеорассказов о фронтовых судьбах родственников преподавателей и студентов университета. Все они в открытом доступе в социальной сети. На судьбе одного из героев проекта, военврача третьего ранга Ивана Антоновича Цыся, я остановлюсь подробнее.

Цысь Иван Антонович (1912-1943)

Иван Антонович родился 7 июля 1912 году в селе Остаповка, Остаповского района Полтавской области. В июне 1938 после окончания медицинского института в Днепропетровске он был призван в Красную армию и направлен на службу в звании военврача в 74 кавалерийский полк 15 Кубанской кавалерийской дивизии в Забайкалье на советско-маньчжурскую границу. Служил на станции Даурия. Сюда к нему переехала его жена Павенко Ольга Акимовна с сыном Валентином. Когда началась Великая Отечественная война, Иван Антонович Цысь был направлен на Западный фронт в 61-й стрелковый корпус, оборонявший г. Могилев. В последнем, отправленном 19 июля 1941 г. письме сообщалось, что он с фельдшером, тремя красноармейцами, медицинским имуществом «от своей части оторван больше ста километров». Сэтого времени семья не получала от него никаких известий, и долгое время ончислился «без вести пропавшим».



1. Фамилия, имя, отчество: Цысь Иван Антонович
3. Национальность: Украинец
4. Знание языков: Не владеет. Украинский, русский
2. Родился: 7 июля 1912 г.
5. Какой местности уроженец: Село Остановка, Остановский район, Полтавская область
6. Партийность:
Член ВКП(б) с ..... г., п. б. № ..... Канд. ВКП(б) с ..... г.
Чл. м. комс. ВЛКСМ с ..... г. (комсомолец)
В других партиях: Не состоял (какие) с 19 ..... по 19 ..... г.
Билет. партбр.
7. Социальное положение и происхождение:
Рабочий ..... Служащий ..... Интеллиг. ..... Единолич. крестьянин ..... из Крестьян (прежн. соц. происхождение)
8. Профессия (специальность): Медицинский врач
9. Семейное положение: Женат
10. Гражданское образование (наимн. в учебных заведениях): Медицинский институт. Дата: 1938 г.
11. Военное образование:
а) в старой армии: Не имеет
б) в Красной армии: Не имеет
12. Партийное образование: Не имеет
13. Присвоенное военное звание: Воен. врач 3 ранга. Год: 1938. Пр. НКО: № 02690
14. Бытность в походах (где и против кого): Не участвовал. Дата
09548266
15. Ранения или контузии: Не имеет
16. Почетно-ренежные награды: Не имеет

Учетно-послужная карточка Цысь И.А.
ЦАМО. Шкаф:223, ящик 31

С. О. С. Р.

Копия

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
Военный Комиссариат
ФИНАНСОВАЯ ЧАСТЬ
9. 04 1947
№ АА-39086
Москва—12, ул. 25 Октября, № 1
Телеф. №

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш Военврач 3 ранга Цысь Иван Антонович - хирург отделения
муж, сын, брат, воен. звание, фамилия, имя, отчество
~~уроженец~~ 30гд медико-санитарного б-на
город, район, село, деревня

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге проявив геройство и мужество, ~~был~~
пропал без в июле 1941 г.
убит, умер от ран, пропал без вести

Похоронен

Семья проживает Павленко Ольга Аксиньевна Красноярский Крам Вирилинский 27

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии

(Приказ НКО № ..... Основание пр. ГУК № 01856-46 г.

Подлинное за надлежащими подписями.

Копия верна: Ст. Пом. Начальника финотделения
МОВК Ст. лейтенант. (Беликов)

2610

Документ из личного архива Цысь В.В.

В конце 1960-х годов стало известно о судьбе И.А. Цыся. Специальная комиссия, которая занималась вопросами изучения Партизанского движения, установила, что Цысь Иван Антонович являлся «патриотом-одиночкой с сентября 1941 года по февраль 1943 года и погиб в борьбе с немецкими оккупантами». То есть была такая формулировка для тех, кто оказывал помощь партизанскому движению и подполью на оккупированных врагом территориях. Внук героя, профессор Валерий Валентинович Цысь, установил, что после возвращения из немецкого плена осенью 1941 г. Иван Антонович занимался врачебной практикой в оккупированном немцами Миргороде. По ночам к нему приходили партизаны, приводили раненых, которых он лечил, а также оказывал помощь медикаментами и перевязочными материалами. Кто-то об этом донес в полицию и в феврале 1943 года И.А. Цысь был арестован и отправлен в тюрьму, а осенью 1943 года, когда немцы отступали, он был расстрелян.

Замість форми № 6

КОМІСІЯ ВИКОНАВЧОГО КОМІТЕТУ Миргородської районної/міської
РАДИ ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ Полтавської області
ПО ВИДАЧІ ПАРТИЗАНСЬКИХ ДОКУМЕНТІВ

№ 535 „10" листопада 1968 р.

ДОВІДКА

Гр. ЦИСЬ Іван Антонович

знаходився в партизанському загоні, підпільній організації патріот-одиночка

на посаді

з „ " вересня 1941 р. по „ " лютий 1943 р.

і загинув в боротьбі з німецькими загарбниками.

М.П.

Голова комісії

Полтава, обл. друк. 1968 р. 7088. 10.000

Документ из личного архива Цысь В.В.

Работа над проектом «Подвиг твой бессмертен, солдат! (1941-1945 гг.): «говорящая» Книга памяти Нижневартовского государственного университета» продолжается.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеева Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и документоведения ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск.

Ветюгова Юлия Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник МБУ «Нижневартовский краеведческий музей им. Т.Д. Шуваева», директор АНО «Мусейон», г. Нижневартовск.

Думенко Татьяна Геннадьевна, пенсионер, исследователь, г. Нижневартовск.

Еремин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и документоведения, руководитель студенческого поискового отряда «Следопыт» ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск.

Завьялова Лидия Михайловна, заслуженный деятель культуры ХМАО-Югра, главный методист отдела использования и публикации документов КУ «Государственный архив Югры», г. Ханты-Мансийск.

Ибраева Расима Аламетдиновна, краевед, г. Мегион.

Иванова Галина Валерьевна, заведующий сектором учёта МБУ «Нижневартовский краеведческий музей имени Т.Д. Шуваева», г. Нижневартовск.

Книжников Вячеслав Александрович, младший научный сотрудник, ФГАОУВО «Тюменский государственный университет», г. Нижневартовск.

Ковалева Людмила Евгеньевна, кандидат культурологии, директор МБУ «Нижневартовский краеведческий музей им. Т. Д. Шуваева», г. Нижневартовск.

Мадьярова Мария Николаевна, главный библиотекарь научно-методического отдела Государственной библиотеки Югры, заслуженный работник культуры РФ, г. Ханты-Мансийск.

Мамедова Гагигат Эйнулла кызы, студент кафедры истории России и документоведения ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск.

Миронычев Сергей Викторович, аспирант кафедры истории России и документоведения ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск.

Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин «Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС» г. Санкт-Петербург, заслуженный работник образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Михайловский Валерий Леонидович, врач, краевед, член Союза писателей России, г. Нижневартовск.

Новоселова Ольга Евгеньевна, сотрудник сектора учета МБУ «Нижневартовский краеведческий музей им. Т.Д. Шуваева», г. Нижневартовск.

Петрова Елена Николаевна, архитектор ООО «НПО «Северная археология — 1», г. Нефтеюганск.

Салтукиева Индира Тимуровна, научный сотрудник, МАУ «Экоцентр», г. Мегион.

Самоловова Людмила Олеговна, главный библиотекарь отдела использования и хранения фондов Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменская областная научная библиотека им. Д.И. Менделеева», г. Тюмень.

Силаева Ирина Александровна, кандидат исторических наук, начальник отдела кадров ООО «Научно-Производственное предприятие «Сибгеокарта», г. Нижневартовск.

Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск.

Струсь Владимир Филиппович, краевед, Почётный работник среднего профессионального образования РФ, ветеран труда ХМАО-Югры, г. Ханты-Мансийск.

Филиппова Анастасия Андреевна, главный библиотекарь отдела использования и хранения фондов Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменская областная научная библиотека им. Д.И. Менделеева», г. Тюмень.

Фоменков Сергей Владимирович, учитель истории филиала МБУ «Солнечная средняя образовательная школа № 1» «Сытоминская средняя школа», сельское поселение Сытомино, Сургутский район.

Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник МАУ «Экоцентр», г. Мегион.

Цысь Ольга Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и документоведения ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск.

Юрьев Павел Сергеевич, студент ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Алексеева Л.В.
Малоизученные вопросы третьего этапа крестьянской
ссылки на Север Западной Сибири (1932-1933 гг.) 4

Алексеева Л.В., Мамедова Г.Э.
Особенности демографического процесса
Тобольской губернии (1897-1916 гг.) 18

Книжников В.А.
Пристань Устье-Аха в 1964-1965 гг.....28

Ковалева Л.Е.
Толькинский красный чум в фотографиях из архива Г.Н. Оносовой....34

Миронычев С.В.
Организация Всесоюзной переписи населения 1939 г.
в Остяко-Вогульском национальном округе и ее итоги.....43

И.Т. Салтукиева
Кадры производственного объединения
«Мегионнефтегазгеология» в конце 1970-начале 1990 гг. 54

Силаева И.А.
Документы по истории городов Сибири XVII столетия
в научном творчестве Н.Н. Оглоблина.....60

Солодкин Я.Г.
О нескольких спорных вопросах
«Ермакова взятия» «Кучумова царства».....71

Струсь В.Ф., Завьялова Л.М.
Самарьяне-благодетели в истории Ханты-Мансийского района.....85

Фоменков С.В.
История села Сытомино Сургутского района (1891-1929) 100

Цысь В.В.
Монеты Российской Империи в собрании
МАУ «Экоцентр» г. Мегиона 109

Цысь О.П.
Просветительская и благотворительная деятельность
Нарымского благочинного Н.Н. Никольского 120

Юрьев П.С.
Торговля и денежное обращение на Тобольском севере
по данным А.А. Дунина-Горкавича.....148

II. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

Ибраева Р.А.
Берестяная утварь восточных ханты
с музейных фондов «Экоцентра» 155

Петрова Е.Н.
Архитектурная реконструкция посадской усадьбы
города Берёзова первой половины XVII в. 169

III. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Из записок Оносовой Галины Николаевны
о работе врача в Толькинском Красном чуме
(*подготовила к публикации Л.Е. Ковалева*) 183

Митрофанов В.В.
К вопросу строительства больниц
в Берёзове и Самарове в 1827 г. 219

IV. БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Ветюгова Ю.С.
Опыт реализации проекта по увековечиванию
памяти участников Великой Отечественной войны,
покоящихся на Нижневартовском городском кладбище № 1.....240

Иванова Г.В.
Переписка и дружеские встречи экипажа
танкера «Самотлор» с нижневартовцами
(на основе документов Нижневартовского краеведческого музея) 245

Мадьярова М.Н.
Вклад благотворителей в создание первых
публичных библиотек региона и продолжение
традиций благотворительности в наше время.....253

Новоселова О.Е.
Музейный теневой театр как форма арт-терапевтической
практики в социальной адаптации детей и подростков
с ограниченными возможностями здоровья
(из опыта Нижневартовского краеведческого музея) 266

Филиппова А.А., Самоловова Л.О.
Специфика изучения книжных памятников на языках
малочисленных народов Западной Сибири фонда ГАУК ТОНБ 272

V. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Михайловский В.Л.
Чёрная собака (*сказка*) 281

VI. ПОРТРЕТЫ ЗЕМЛЯКОВ

Думенко Т.Г.
Подвиг воина и учителя Резуненко Александра Тимофеевича 290

Еремин С.В.
Подвиг твой бессмертен, солдат! (1941-1945 гг.):
«говорящая» Книга памяти Нижневартовского
государственного университета.....295

НАШИ АВТОРЫ 301

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК